

ГОРОД И ПРИРОДА

Москва
2002

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «ЦЕНТР ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ»

К. Н. Благосклонов
К. В. Авилова

ГОРОД И ПРИРОДА

Серия «Охрана живой природы»
Выпуск 1 (12)

Москва
Издательство Центра охраны дикой природы
2002

ББК 28.088

Г70

Г70 **Город и природа** / К. Н. Благосклонов, К. В. Авилова. — М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2002. — 183 с. — [Сер. «Охрана живой природы»; Вып. 1 (12)].

ISBN 5-93699-032-X

В книге обсуждаются актуальные вопросы охраны живой природы в большом городе. В качестве основного объекта выбраны птицы — предмет многолетних исследований авторов. На примере общения человека и природы в Москве показаны неисчерпаемые возможности воспитания бережного отношения к живому, развития экологической культуры, познавательной и практической деятельности.

Книга рассчитана на массового читателя, но в первую очередь адресована педагогам, воспитателям, призванным приобщать молодое поколение горожан к идеям охраны природы, а также природоохранной обществу.

ББК 28.088

На обложке использован рисунок *Максима Дементьева*

*Издание выпущено на средства
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров*

© К. Н. Благосклонов, К. В. Авилова, текст, 2002

© М. Дементьев, рисунок на обложке, 2002

© Центр охраны дикой природы, 2002

ISBN 5-93699-032-X

Посвящается светлой памяти
Константина Николаевича
БЛАГОСКЛОНОВА

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Сборник очерков «Город и природа» не случайно издан Центром охраны дикой природы. В деятельности многих общественных организаций забота о городской среде обитания всегда занимала заметное место, однако это касается, как правило, того, что называется «окружающей средой», — борьбы с разнообразными загрязнениями и т. п. Но это лишь одна сторона проблемы экологической безопасности города.

Не менее важно видеть, понимать и сохранять фрагменты живой природы в их естественном состоянии и разнообразии. Они имеют не только санитарно-гигиеническое, но и решающее социально-психологическое значение. Человек, лишенный большую часть жизни естественной акустической среды и визуальной информации, не может быть полноценной личностью. Поэтому охрана живой природы в городах, и особенно, пожалуй, в столице как источнике передовых начинаний, не менее актуальна, чем в России в целом.

Понимая это, Центр охраны дикой природы стремится развивать разноплановую деятельность по защите немногих сохранившихся в Москве островков живой природы: проводит практические мероприятия в рамках международной акции «Марш парков», программы «Сеть дикой природы» и проекта «Усынови заказник», распространяет природоохранные знания через постоянную передачу на радио «Говорит Москва» и популярную литературу по экологической проблематике, организует конкурсы и выставки детских рисунков о природе и т. д. Все это помогает привлечь внимание москвичей, столичного руководства к неотложным проблемам сохранения и восстановления благоприятных условий жизни в мегаполисе.

Книга о живой природе крупного города в серии «Охрана живой природы» может стать не только шагом в просвещении, но и в практической активизации общественности в Москве, приглашением к сотрудничеству на этом поприще.

Адрес для предложений и идей: 117312, Москва, ул. Вавилова, 41, офис 2; телефон/факс: (499) 124-71-78; электронная почта: biodivers@biodiversity.ru; Интернет: www.biodiversity.ru.

*Алексей Зименко,
председатель Совета
Центра охраны дикой природы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наши дни отчуждение людей от природы в городах, особенно таких огромных, как Москва, достигло невиданных масштабов. Живя среди асфальта и бетона, мы, словно оглохнув и ослепнув, перестали замечать любые проявления жизни, кроме нашей собственной, а, замечая, разучились адекватно на них реагировать. Переломный момент в менталитете горожанина произошел, видимо, еще в XIX веке, в эпоху промышленной революции, когда человек начал сам создавать среду своего обитания. Психологически появилась возможность противопоставить общество и природу. Это противопоставление оказалось иллюзией. Города начали ухудшать условия жизни людей и разрушать природу на многие километры вокруг — зона разрушения природной среды вокруг города в 200 раз больше его площади. Не менее 30% территории России уже стали зонами ассимиляции городов.

Человек оказался в сложном положении. С одной стороны, он понимает всю пагубность дальнейшего углубления процессов урбанизации, а с другой — будучи компонентом системы, не может эти процессы остановить. Есть ли какой-то компенсаторный механизм, заложенный в биологическую сущность людей? Такой механизм есть.

В жизни человека существует много унаследованных от далеких предков и неосознанно вторгающихся в повседневность программ поведения, которые он может использовать, корректируя свои поступки в соответствии с ними. У всех людей от рождения есть и защитный механизм от разрушения собственной среды обитания. Он называется любовью к природе. Его можно подавить, а можно и развить в процессе воспитания.

В таком мегаполисе, как Москва, есть обширная база для воспитательной и познавательной деятельности. В Москве сохранились леса и луга, растения и птицы, вписывающие мир города в биосферу, из которой, как известно, человеку «выпрыгнуть» не дано. Сохранить и углубить эту интеграцию в силах просвещенный и воспитанный человек, осознавший свою ответственность по отношению к живому. Прагматические мотивы, правовые акты и нормативные документы малоэффективны, если нет азона природоохранной культуры.

Было время, когда внедрением этой культуры активно занимались московские средства массовой информации, в первую очередь газеты «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Неделя» и другие. Откликов читателей было очень много. Однако проблемы не теряют своей актуальности, а судьба газетных публикаций коротка. Предлагаемая книга в какой-то степени поможет продлить общение авторов со всеми, кого волнует судьба природы в городе.

Наблюдения, описанные в первой части книги замечательным педагогом К. Н. Благодсконовым, относятся к 1970—1980-м годам и поэтому снабжены комментариями, так как многое с тех пор изменилось. Жизни и деятельности самого Константина Николаевича посвящена отдельная глава в начале книги. Мы также сочли возможным посвятить всю книгу памяти К. Н. Благодсконова, так как со времени его ухода прошло уже почти двадцать лет, а собранные в одной главе краткие заметки из жизни городской природы он никогда не предполагал публиковать в виде сборника, создавая их, что называется, «на ходу». Поместив их в книге в виде единой подборки, мы еще раз отдаем дань уважения и благодарности энтузиасту, пробудившему любовь к природе в нескольких поколениях москвичей.

Очерки, помещенные во второй части, основаны на материалах, собранных К. В. Авиловой, в частности, в 1990-х годах и позднее при выполнении научных программ «Биоразнообразие», «Университеты России» и поддержанных Российским Фондом Фундаментальных Исследований. Все они имеют объективную научную базу.

Предлагаемая читателям книга никогда бы не состоялась, если бы не энтузиазм сотрудника отдела науки газеты «Московская правда» В. М. Егиковой, организовавшей и ведущей при редакции Общественный совет по охране природы Москвы. Позднее активным проводником охраны природы на страницах газеты была журналист Е. Б. Субботина. Нельзя также не выразить глубокую признательность Т. Л. Бородулиной за предоставленную для перепечатки подборку публикаций К. Н. Благодсконова. Наконец, следует горячо поблагодарить зоолога-натуралиста Г. С. Еремкина, вот уже второй десяток лет неутомимо исследующего природу Москвы и Подмосковья, за профессиональные подробные комментарии к очеркам и за техническую помощь в оформлении рукописи.

В заключение необходимо низко поклониться памяти члена-корреспондента РАН, профессора Московского университета Вади-

ма Николаевича Тихомирова (1932—1998), который не только обсудил с автором содержание и одобрил идею издания книги, но и написал к ней короткое предисловие.

Я благодарю всех сотрудников ЦОДП за творческое общение в процессе подготовки рукописи к печати.

Отзывы и замечания буду рада получить по электронной почте: wildlife@inbox.ru.

Ксения Всеволодовна Авилова

ДАВАЙТЕ УЧИТЬСЯ У ПРИРОДЫ!

О рукописи книги К. Н. Благосклонова и К. В. Авилловой
«Город и природа»

Книга посвящена в высшей степени актуальной проблеме, которую обсуждают сейчас экологи и медики, архитекторы и социологи, хозяйственники и экономисты: как сделать городскую среду, особенно в условиях такого мегаполиса, как Москва, возможно более благоприятной для жизни человека?

Главная наша беда заключается не в незнании, хотя знаем мы все еще слишком мало, чтобы брать на себя ответственность управлять природой, а в вопиюще низкой экологической культуре, в извращении этических понятий во всем, что касается отношения людей к природе. Здесь проявляется ставшее традиционным технократическое мышление. К сожалению, даже в кругах интеллигенции преобладают технократы. Они убеждены в том, что с помощью техники и технологии можно существенно улучшить и даже создать среду обитания человека. Это трагическое заблуждение, если его не развеять. Потому что мы живем и всегда будем жить только в биосфере, другой среды нам не дано. И все мы, и все творения наших рук — это части биосферы. И города — тоже части биосферы. Чтобы сохранить среду обитания, мы должны сохранить ее каркас и работающий блок — растительный и животный мир. Их нельзя заменить, нельзя создать никакой техникой. Совершенствование технологии, создание любых очистных сооружений, технические новшества при всей их важности — лишь первые шаги на пути к оздоровлению среды. Дальше надо решать задачи стратегические, а это невозможно сделать без заботы о сохранении растительного покрова — именно он определяет возможность сохранения всего живого на планете. Мы же совершенно обезличили ландшафт. Ужасно, что у нас всё стараются сровнять, чтобы затем покрыть асфальтом и бетоном. Для растительности это очень плохо. Земля должна дышать, в почве должен поддерживаться газообмен. А какие могут быть естественные процессы под асфальтом и бетоном? Не случайно во многих странах отказываются от сплошного асфальтирования.

А сбор листвы? Выгоняют москвичей, и все старательно гребут. Это делается вопреки природе. Зачем лишать деревья опавших ли-

ствев? Ведь именно они и нужны дереву. Давайте все-таки учиться у природы, а не навязывать ей свои правила.

Кроме того, у нас старательно борются со всеми реками и речками. В результате с лица города исчезло более ста рек и ручьев, множество прудов. Это очень плохо, во-первых, с точки зрения эстетики ландшафта. А во-вторых, долины речушек целесообразнее всего использовать под парки. Неподалеку от биофака, на Мосфильмовской улице, есть глубокий овраг, в котором сделали прекрасный парк. Именно это и нужно. А у нас реки загрязняются страшно, засыпаются, спрямляются, берутся в трубы. На этом месте либо строят дома, либо ставят гаражи. Это же экологическое преступление. Кроме того, долины рек — это постоянный источник пополнения генофонда растений и животных, вплоть до насекомых. Своего рода входные артерии. Чем больше расчленен рельеф, тем богаче растительный мир, тем больше видов, а это — устойчивость растительности. Безграмотно обращаясь с рельефом, мы сокращаем видовое разнообразие.

Площадь зелени на душу населения в Москве совершенно недостаточна. Я был свидетелем того, как закладывался молодежный парк около станции метро «Университет». Но потом там построили цирк, затем — детский музыкальный театр... Конечно, они нужны, но парка-то не стало! Москве нужны такие пространства, которые не только бы снижали шум и загрязнение, а в которых люди, обитатели адского муравейника, могли бы отдыхать и физически, и душевно. Но площадь зеленых массивов постоянно сокращается.

Книга состоит из небольших очерков, которые сами по себе, конечно, не могут раскрыть проблему во всем ее объеме и выдать «экологические рецепты» на все случаи жизни и для всех бесчисленных экологических коллизий, возникающих в городе. К тому же сказывается профессиональная ориентация авторов — зоологов-орнитологов. Но не в создании рецептов состоит ее задача. Авторы в живой и доходчивой форме сообщают читателям множество интересных сведений о тех живых существах, которые постоянно их окружают. Многие очерки способствуют пробуждению наблюдательности. Но основное достоинство книги, конечно, это — воздействие на эмоции и чувства читателей, удачно найденное сочетание ответов на вопросы познавательного и воспитательного характера.

Рукопись нуждается в несложной литературной правке, но, убежден, должна быть возможно скорее опубликована массовым тиражом.

В. Н. Тихомиров

РАБОТАТЬ ДЛЯ НАУКИ, ПИСАТЬ ДЛЯ НАРОДА

О К. Н. Благосклонове (1910—1985)

Преподаватель биологического факультета МГУ К. Н. Благосклонов был настоящим русским просветителем. Рассказчик, писатель, педагог, экскурсовод, оратор — вот грани его главного таланта — просветительства. Слушая его, самые далекие от проблем познания и защиты природы люди словно прозревали. Он быстро и прочно завоевывал авторитет в любом профессиональном коллективе, особенно среди учителей. Они его просто боготворили. Любое научное понятие или сложное явление в его изложении становилось простым и ясным. Одна из его статей об охране природы и детей выразительно называется: «Полезное? Вредное? Нет, живое!» Одной этой фразой он уже противопоставил уныло-прагматический подход к животным и растениям нормальному восприятию маленького человека.

Если говорить подробнее об охране природы, ставшей мировоззрением, стилем жизни К. Н. Благосклонова в то время, когда эти слова вообще мало кто произносил, то первый специальный курс для студентов и первый в России учебник по этому предмету принадлежат именно его перу (К. Н. Благосклонов, А. А. Иноземцев, В. Н. Тихомиров. Охрана природы. — М.: Высшая школа, 1967).

Работа со школьниками и учителями была его вторым после орнитологии призванием. Он организовал и много лет возглавлял биологическую олимпиаду для школьников, которая проводится более пятидесяти лет. Одним из неперемненных условий участия в ней школьников было собственноручное изготовление синичника. Он с энтузиазмом водил экскурсии для детей сам и инструктировал студентов, объясняя, как популярно изложить материал, заинтересовать экскурсантов, спланировать маршрут. Он давал молодым авторам рекомендации в журналы «Юный натуралист», «Турист», «Человек и природа». С его участием регулярно проходили «круглые столы» в редакциях журналов и газет. Ему принадлежала идея организации постоянной страницы «Человек и природа» в многотиражной газете «Московский университет». Зоологи, как известно, не особенно жалуют журналистов, считая, часто обоснованно, что они всегда все путают и мешают работать. Не таков был К. Н. Благосклонов. Он

использовал журналистов (разумеется, достойных) для достижения своей главной цели — природоохранного просвещения. С удовольствием сотрудничал с городскими газетами — «Вечерней Москвой», «Московской правдой», а при последней создал общественный совет по охране природы и регулярно снабжал страницу «Город и природа» материалами о птицах, растениях, проблемах охраны природы. Неповторимыми и увлекательными были его короткие эссе о природе: «Зачем дереву листья?», «Соловей с Потылихи», «Бетон и белая кувшинка» и десятки других. Серия его очерков о городской природе была справедливо удостоена первой премии на конкурсе, неоднократно выставлялась в редакции как лучший материал недели. Он всегда сам давал своим очеркам выразительные названия. Ненавязчиво-поучительные и неоткровенно пропагандистские, они учили и агитировали — прочитав их, хотелось действовать.

Константин Николаевич прекрасно разбирался в живописи и собирал коллекцию открыток с произведениями художников разных стран. На длинных скучных заседаниях он рисовал на листах писчей бумаги сложные причудливые орнаменты, достойные оформительского или дизайнерского использования.

А еще он всю жизнь собирал и копил сведения по истории Древней Руси, с удовольствием делился ими с любой аудиторией, поражал подробностью знаний о динамике общественного устройства и исторической географии нашей Родины. Он с таким увлечением и темпераментом оперировал генеалогическими связями русских князей и порядке наследования ими власти, что не возникало сомнения в его профессионализме историка. Но он не был историком.

Не принятый в Московский университет как происходивший из интеллигенции (его дед был священнослужителем, а родители — служащими), К. Н. Благосклонов поступил на рабфак, заработав трудовой стаж в качестве корректора (без такого рабочего тренинга его вообще не приняли бы в вуз), а затем стал студентом Московского автодорожного института и окончил три курса. Но выбранная профессия его не увлекла, и он не стал заканчивать этот вуз.

Несостоявшаяся специальность инженера тем не менее очень пригодилась ему во время войны, когда часть, в которой он служил, должна была форсировать болото недалеко от города Смоленска. Впрочем, если бы не он, болота, вероятно, не заметили бы вовремя.

Помогла наблюдательность натуралиста: по торчащим из-под снега стебелькам пушицы он определил, что место впереди топкое и небезопасное. А затем началось наведение моста. Подводы, подвозившие боеприпасы на передовую, на обратном пути загружали мешками с песком. Мешки стали основанием, на которое сверху настелили доски, и коварное место в кратчайшие сроки осталось позади. Операция завершилась успешно. Об этом через много лет К. Н. Благосклонов рассказывал в своей обычной увлекательной манере, так что у слушателей захватывало дух.

После нескольких безуспешных попыток в 1933 году ему удалось при поддержке академика В. Л. Комарова, президента недавно созданного Всероссийского общества охраны природы, перевестись на естественное отделение физико-математического факультета МГУ, чтобы стать зоологом. Он был в составе первой группы студентов, проходивших практику в 1936 году на Звенигородской биостанции МГУ, ставшей впоследствии постоянным местом его многолетней преподавательской работы и полигоном орнитологических исследований.

Кроме занятий со студентами, он ввел в практику летней жизни биостанции факультативные экскурсии по биологии и охране природы для школьников из окрестных пионерлагерей. Сам он проводил такие импровизированные занятия виртуозно, но особенно ценил, когда это делали студенты, только что получившие знания по зоологии и ботанике в ходе летней практики. Среди новоиспеченных экскурсоводов попадались такие неожиданные таланты, что Константин Николаевич потом много лет с восторгом вспоминал об их упражнениях в деле пропаганды знаний о природе. Для него было очень важно, чтобы труд преподавателей, и в том числе его собственный, давал еще и просветительские плоды.

Он любил повторять, что знания передаются ученикам через эмоции преподавателя. Эти слова часто приходят на память, когда в ходе некоторых «экологических» дискуссий слышишь многократно: «Меньше эмоций, больше фактов!», «Вашу точку зрения принять нельзя, она основана на одних эмоциях!» или что-то в этом роде. Его всегда живые, яркие, с увлечением изложенные как в поле, так и в аудитории зоологические эссе запоминались легко и надолго. При возникновении неподвиженных обстоятельств (плохая погода) он

мог несколько часов рассказывать, не двигаясь с места, а у слушателей создавалось впечатление, что они полдня ходили с ним по лесу.

Из птиц, среди которых прошла вся его жизнь, особенной его любовью пользовались дуплогнездники — дятлы, синицы, мухоловки. Еще в студенческие годы он выполнил и опубликовал высоко оцененную орнитологами работу «О значении дупел дятлов в лесном хозяйстве», впоследствии переросшую в коллективную монографию «Птицы и вредители леса». Он много работал с мухоловкой-пеструшкой — неисчерпаемым кладезем разносторонней биологической информации. Сконструированный им сборный фанерный домик-скрадок для наблюдений за гнездовой жизнью дуплогнездников широко используется в научной и учебной работе по орнитологии. Работы на мухоловках по перемещению заселенных гнездовых и по определению границ охраняемого птицей участка на основании полевого поведенческого эксперимента стали орнитологической классикой.

Вершина изысканий К. Н. Благосклонова — разработка темы по заселению птицами лесозащитных полос. Это самое настоящее практическое конструирование устойчивого сообщества воробьиных птиц как компонента лесостепного биоценоза. В основу его успеха легло глубокое понимание биологии и знание поведения видов, которые были использованы при заселении.

В работах К. Н. Благосклонова всегда ярко проявлялась связь теории и практики, благотворно влияя на обе стороны его деятельности. Он всегда был в гуще событий и в курсе дел. Одним из его начинаний была работа по изучению и обогащению фауны Москвы. Это яркая страница в его творчестве. Он подходил к этому, как и к другим делам, разносторонне: организовал кампанию в прессе, семинары для учителей, развешивание искусственных гнездовых, экспериментальную работу по привлечению водоплавающих и открыто гнездящихся птиц.

Талантливый человек во многих областях, Константин Николаевич был не только ученым, историком и педагогом, но и поэтом. Он на всю жизнь сохранил поэтическую чистоту и твердую веру в добро и справедливость. Он постоянно писал стихи: лирические, шуточные, сатирические, но всегда светлые и оптимистичные. Стихотворные портреты птиц опубликованы им под псевдонимом «К.

Владимирский». Полностью готовая к печати книга «Птицы — друзья и любимцы» бережно хранится в ожидании своего часа.

Происходя из семьи долгожителей, Константин Николаевич верил, что доживет до 90 лет и напишет по меньшей мере еще четыре книги. Рукописи некоторых из них уже без него готовили к печати его соратники — Т. Л. Бородулина и В. В. Петров. Его не стало в 1985 году первого сентября, в день, который впоследствии стали называть Днем знаний. Видимо, Всевышний точно рассчитал, когда пригласить его к себе. На могиле Константина Николаевича рядом с изображением милой его сердцу зарянки начертано любимое им изречение К. А. Тимирязева: «Работать для науки, писать для народа!»

К. В. Авилова

ЧАСТЬ I

К. Н. Благосклонов

СИНИЦА НА БАЛКОНЕ

ГОРОД ГЛАЗАМИ ЭКОЛОГА

Чем больше город, тем выше в нем концентрация населения, поэтому тем больше у людей потребность в отдыхе на лоне природы. В городском парке, куда можно дойти пешком или доехать за полчаса на автобусе, можно отдыхать часто, хоть каждый день. Тем и ценна природа в городе, что она легко доступна. Следовательно, первостепенная задача градостроителя — сохранить, насколько это возможно, живую природу города, в минимальной степени изменяя ее и в максимальной — делая доступной.

Сам по себе город кардинально изменяет природу, тем более необходимо уберечь сохранившиеся ее элементы: куртины леса, участки луга, ручейки и речки, озерки и даже болотца с их разнообразной флорой и фауной.

Экосистемы города создаются людьми. Однако в вынужденном соревновании с природой им, людям, часто не хватает элементарных экологических знаний, чтобы стать истинными творцами.

Природная среда большого города существенно отличается от пригородной, даже климат в ней другой. Температурные условия в городе значительно более «южные», чем его географическое положение. Так, в Москве на Юго-Западе безморозный период на две недели длиннее, чем на Северо-Востоке Московской области. При холодных северных ветрах воздух успеваешь нагреться над городом на несколько градусов. Летом в городе образуются своеобразные городские «бризы», где роль суши играют районы застройки, а моря — зеленые массивы. Вечером после жаркого летнего дня, когда в парке уже прохладно, нагретый за день камень домов продолжает отдавать тепло, возникает восходящий поток воздуха, его место внизу занимает прохладный лесной воздух и несет «аэропланктон» — мелких и мельчайших насекомых. Этим пользуются стрижи. До поздних сумерек летают они над домами, кормясь насекомыми.

Биологическая среда города не мыслится без почвы. В городе плодородная почва столь необходима, как и в любом другом месте, где есть растения. Способы охраны почв от эрозии, истощения, загрязнения так же нужны городу, как и сельскому хозяйству. Опавшие листья осенью покрывают землю одеялом и в бесснежные морозы предохраняют корни от вымерзания. Листовой опад, смоченный до-

ждем, становится пищей для мельчайших организмов — бактерий, грибов, водорослей, а также для дождевых червей. Последние играют в почвообразовании огромную роль. Перерабатывая за сезон до полутора тонн листа на гектар, они смешивают продукты переработки с землей и минерализуют листовую массу. Идет самоудобрение почвы.

Ничего этого нет, если листву сгребли и вывезли. Процесс почвообразования останавливается. Усиливается процесс уплотнения почвы, снижается ее влагоемкость и плодородие. Деревья болеют, срок их жизни сокращается. Появляются вторичные вредители — насекомые. Против них применяют ядохимикаты, которые прикапывают все живое в почве и на ее поверхности.

Истощение почвы отрицательно сказывается и на травянистой растительности. Исчезают мелкие злаки газона, образующие поверхностный войлок корней, на их месте появляются одуванчики, добывающие воду с большой глубины при помощи своего длинного корня. С ними начинают вести борьбу. Используют гербициды, скашивают, подрывают каждый корень мотыгой. Все напрасно. Одуванчик приспособлен к жесткой земле, заасфальтированный с осени, он весной, бывает, проламывает асфальт и вылезает к свету и воздуху. Нелегко с таким справиться. Однако там, где почвенные условия более благоприятны и естественны, оставлен слой листового перегноя или привезен лиственной компост, мелкие злаки получают преимущество перед одуванчиками и сами «выживают» его. Без этого битву с одуванчиками в городах выиграть невозможно.

Вода — жизнь не только в пустыне, но всюду, в том числе и в городе. Водоемы играют в природе города особенно важную роль: смягчают климат, вносят приятное разнообразие в пейзаж, поддерживают уровень грунтовых вод, фильтруют загрязнения. Велика роль водоемов в сохранении естественных элементов флоры и фауны. В водоеме легче, чем на суше, устанавливается и поддерживается биологическое равновесие всех компонентов. Поэтому так важно сохранить в городе естественные водоемы. Так, например, в одном из прибалтийских городов в центральной части устроено искусственное болотце с осокой, островком и даже с лягушками. В центре Киева, в парке имени Т. Г. Шевченко, недавно было заново сооружено озерко-болотце. Длина его метров двадцать, ширина не более пяти. Сооружение стало маленьким ботаническим садом водных и болотных растений, не заставили себя ждать и животные: водомер-

ки, жуки-вертячки, стрекозы разных видов. На дорожке, которая проходит вдоль водоема, всегда толпятся люди.

Противоположные мероприятия — засыпка и заключение в трубы уже имеющихся водоемов: прудов, озерков, речек — большая экологическая ошибка. При этом нацело разрушаются биоценозы, сложившиеся за многие годы и столетия. Пока только естественный биоценоз может регулировать происходящие в водоеме биологические процессы, способен к быстрой очистке воды. В нем регулируется численность складывающихся его видов, каждый занимает свою экологическую нишу. Равновесие в биоценозе легко наблюдать на примере комнатного аквариума. Знающие любители не меняют в нем воду, а только доливают порцию взамен испаряющейся. Это возможно, когда биоценоз функционирует нормально. Вода остается кристально чистой, кислорода достаточно, растения и животные чувствуют себя хорошо. Такие уравновешенные экосистемы создаются в естественных водоемах, а в городском пруду они могут быть созданы искусственно. Незначительное, на первый взгляд, мероприятие — бетонирование берегов — разрушает биоценоз пруда, уничтожает прибрежную и мелководную растительность, бурно размножаются одноклеточные водоросли. Сине-зеленые водоросли выделяют ядовитые вещества, убивающие все живое. Отмирая, водоросли оседают на дно, разлагаются с потреблением кислорода. Водоем становится «заморным»¹.

Водоем, даже самый маленький, поддерживает уровень грунтовых вод, и стоит его засыпать или забетонировать, как начинают усыхать деревья поблизости. Их корневая система развилась в соответствии с уровнем грунтовых вод. Стоит ему понизиться, корни деревьев остаются без воды.

В Москве около трехсот прудов. Очень важно правильно приспособить эти водоемы для отдыха горожан. И опираться при этом необходимо, прежде всего, на восстановление в них и по их берегам естественного природного равновесия.

Архитекторы-озеленители от аллейных посадок монокультур в последние годы перешли к посадке деревьев и кустарников куртинами. Это дало не только эстетический, но и большой экологиче-

---

¹ Бетонирование берегов не является непосредственно причиной развития сине-зеленых водорослей, «зацветают» и не бетонированные водоемы. Бетонирование можно рассматривать только как один из факторов риска.

ский эффект. Чем сложнее биоценоз, тем он ближе к естественному и жизнеспособнее. Монокультуры же способствуют массовому размножению вредителей, они словно «создают» условия для них. Так, увлечение посадками лип привело к небывалому размножению в Москве запятовидной щитовки. В борьбе с ней пришлось применять ядохимикаты, а это — путь к разрушению биоценоза.

Разнообразие растительности тесно связано с разнообразием животных. Для привлечения лесных птиц в парки нужен подлесок. А для зимующих и пролетных — кормовые деревья-ягодники. Первое место среди них принадлежит рябине. Она привлекает в город стаи дроздов, свиристелей, снегирей. Последние, впрочем, также кормятся семенами татарского клена, ясеня, сирени. Как кормовое растение для многих птиц важна в городе лиственница. К весне, когда раскроются шишки, семена становятся доступны чижам, чечеткам, синицам и многим другим. Белки кормятся семенами лиственницы до весны.

При наличии благоприятных условий птицы хорошо осваивают город, даже самый большой. В Москве отмечено 177 видов птиц из 292, встречающихся в Московской области, представители более чем 110 из них гнездятся в городе. Птицы обеспечивают в биоценозе достаточно полную защиту растений от вредителей, прежде всего, листогрызущих насекомых. Численность насекомоядных птиц может быть повышена. Особенно это легко сделать для большой синицы, мухоловки-пеструшки, полевого воробья, скворца. Все они охотно заселяют искусственные гнездовья. Нельзя забывать о том, что птицы в городе — важный декоративный элемент, имеющий большое эстетическое значение. Даже виды, обычно избегающие городов, могут стать в них многочисленными. Например, одно время для полевого жаворонка Москва стала «станцией переживания». Жаворонки охотно гнездились на незастроенных еще пустырях. Здесь было мало врагов, много корма, а главное — не было ядохимикатов. Судьба городских жаворонков зависела от сохранности открытых незастроенных площадей — имитации луговых участков в природе¹. Как только начинается строительство нового квартала жилых домов, на смену жаворонкам приходят каменки, белые тря-

---

¹ Полевой жаворонки в Москве в настоящее время обитает только в сельском ландшафте в окрестностях деревень Мневники и Терехово.

согузки и серые мухоловки. Они мастерски используют для строительства гнезд разные рукотворные ниши и укрытия.

Но вот дома построены, строительный мусор убран и дома заселены. Появляются скворцы. Для них разровненная бульдозером почва — хорошая кормовая площадка. А гнездятся скворцы в скворечниках, которые новоселы выставляют для них на балконах домов. «Балконные» скворцы привыкли обходиться без единого дерева и заселяют скворечники до 13 этажа, а то и выше.

Проходит время, разрастается посаженный вдоль домов кустарник, живые изгороди, и вот появляются реполовы. Их гнезда в подстриженной изгороди из боярышника могут располагаться на расстоянии всего нескольких метров одно от другого. Рекорд — 13 гнезд на 100 м длиной изгородь.

Не только перечисленные виды птиц все более становятся городскими. Первый признак освоения города перелетными птицами — утрата ими стремления к перелетам. Так было с серыми воронами, галками, грачами, скворцами, кряковыми утками и другими птицами.

Птицы очень «отзывчивы» на проявленное к ним внимание. К началу Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве в 1957 году, решено было увеличить численность «птиц мира» в городе, поскольку в столице насчитывалось не более двух тысяч голубей. Построили множество голубятен, подкормочных площадок, специальные машины развозили зерновой корм. Успех превзошел ожидания, численность голубей стала ежегодно утраиваться. Уже через пять лет их стало более 200 тысяч. Были зафиксированы орнитозы — болезни, общие для птиц и человека. Тогда прекратили подкормку, сняли голубятни, начали систематический отлов птиц. Голубиная эпопея преподала два суровых урока. Во-первых, нельзя безнаказанно доводить до абсурдной численности одного вида в городе, а во-вторых, исправляя собственные ошибки, нельзя искусственно направлять общественное мнение против животных — это оборачивается большими моральными потерями.

Вселением новых видов птиц в города нашей страны орнитологи занимались давно. Первые опыты были проведены в Алма-Ате И. Бородихиным. Здесь успешно реакклиматизированы малые горлицы и большие синицы. Из Познани в Киев были успешно завезены молодые черные дрозды городской популяции и выпущены на территории Зоопарка. Уже через десяток лет они расселились по

паркам всего города. Птенцы нескольких видов уток были поселены в центре Риги. Но пока только кряквы стали вольными многочисленными городскими утками.

Наиболее известный способ привлечения птиц — развешивание для них искусственных гнездовий. Но, к сожалению, он не получил того распространения, какого сегодня требует разумное городское хозяйство.

В противоположность птицам млекопитающие обычно ведут скрытый образ жизни. Их присутствие в городе не всегда удается легко обнаружить.

Тем не менее в Москве обитают почти все виды грызунов и землероек, свойственные Московской области. Это предоставляет возможность для гнездования птиц-мышеедов. Все чаще на зданиях, граничащих с обширными открытыми пространствами, поселяются соколы-пустельги¹, а в старых вороньих гнездах — чеглоки, ушастые совы. Небольшая колония пустельги сформировалась на комплексе зданий Московского государственного университета на Ленинских горах. Многочисленны в городе ежи: отдыхающие привозят их из леса в город, а затем выпускают в ближайшем парке. На городских свалках Москвы охотно кормятся лисы, на ручьях и речках, сохранивших дикий, «неблагоустроенный» облик, живут ондатры, хори, горностаи, ласки. В некоторых городах куница стала городским видом². В мае-июне, в период отела лосей, в город регулярно заходят годовалые лосята; многие из них, к сожалению, гибнут под колесами автомашин.

Во многих городах обычнейшим обитателем стала белка. Два фактора определяют возможность жизни белок в городе: наличие естественных кормов, особенно зимних, и отношение к белкам горожан. Кормами белок обеспечивают некоторые деревья. В таллинском парке «Кадрiorг» — это желуди многочисленных дубов, в Москве — семена ели, сосны, лиственницы.

Кто летом бывал в Ашхабаде, тот помнит море цветов на его бульварах и то, чего не увидишь ни в одном другом городе, — мно-

---

¹ В настоящее время численность пустельги в Москве падает вместе с застройкой пустырей, где эти птицы добывают мышевидных грызунов.

² Лесные куницы в настоящее время обитают и размножаются в крупных московских массивах, особенно в Лосином острове.

жество порхающих над клумбами разнообразных ярких бабочек. Впечатление незабываемое.

Когда мы оцениваем роль растений в жизни человека, мы никогда не забываем про цветы, имеющие лишь эстетическое значение. Но когда речь идет о животных, особенно о насекомых, мы судим о них лишь с утилитарной точки зрения — полезное или вредное, — забывая о том, что польза дневных бабочек, помимо опыления растений, прежде всего заключается в их красоте: они цветы среди животных. В Москве предпринималась попытка разведения красивых бабочек дневного павлиньего глаза: юные натуралисты станции юннатов в Измайлове собрали где-то за городом более двух сотен гусениц, вырастили их на букетах крапивы и выпустили в городе. А условия в городе для охраны и разведения некоторых декоративных насекомых лучше, чем вне его. Одна из причин — отсутствие в городе пестицидов. За последние десятилетия численность шмелей в Москве упала в 300 раз. В Красную книгу включено 14 видов шмелей, незаменимых опылителей растений. В городе, как и в любом населенном пункте, в принципе недопустимо применение ядохимикатов. Здесь шмели могут существовать в безопасности. Юные натуралисты 58-й московской школы-интерната принесли на пришкольный участок гнездо шмелей. Через два года в окрестностях школы их было уже семь семей.

Организация в черте города микрорезервов и зон покоя в парках имеет не только хозяйственное, ресурсосберегающее, научное, но и огромное воспитательное значение. Даже клочок леса, овраг с его сложившимся природным комплексом несравненно ценнее, чем равный или больший по площади кусок искусственных лесопосадок. Такие уголки природы в городе могут быть использованы как микрорезервы для сохранения видов животных, включенных в Красную книгу. При работах по зеленому строительству зачастую не принимается во внимание высокая биологическая стойкость естественных насаждений.

Порой очень трудно решить, что для города хорошо, а что плохо. Вот пример. По инициативе Общества охраны памятников истории и культуры была проведена реставрация памятника садово-паркового искусства XVIII века «Кусково». Чтобы воссоздать парк времен Екатерины Второй, было вырублено три сотни разновозрастных крупных лип, а на их месте шпалерами посажено три тысячи однолетних саженцев липы. Но ведь памятник «Кусково» за

триста лет обрел новое качество, стал памятником во сто крат более ценным, чем тот, который с такими затратами был восстановлен. Производство паркового искусства, как и здание из руин, можно воссоздать за сезон, особенно если сохранились планы, но для того, чтобы восстановить живое вековое дерево, все-таки нужно сто лет!

Управлять природой города — дело сложное и малоизученное. Ясно пока одно — осуществлять его следует с экологических позиций, то есть во главу угла ставить не интересы инженеров, архитекторов, лесоводов, а интересы жителей города: рекреационные, здравоохранительные, эстетические.

1984

ПТИЦЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Два важнейших фактора действуют в наше время на фауну птиц: отравление мест их обитания пестицидами во имя защиты растений и урбанизация. Действие первого фактора проявляется на огромных пространствах, практически по всей планете. Развитие градостроительства локально, но зато производит кардинальные изменения в фауне. И совсем плохо бывает, если оба фактора действуют совместно, то есть если в городе еще применяются ядохимикаты для защиты зеленых насаждений от вредителей.

Птицы — очень чувствительный, а главное, весьма заметный индикатор изменений, происходящих в биогеоценозе под влиянием тех или иных причин. Причем изменение численности или смена поведения птиц может быть ответом не на само воздействие, а на те изменения в биоценозе, которые происходят под его влиянием. Вот пример такого нарушения биоценозов, вызвавшего перестройку взаимосвязей между многими его компонентами. Относительно недавно в Подмоскowie необычайно возросла численность зеленых дятлов. Громкий крик этих птиц стал слышен в лесах летом, и очевидно, каждый бывавший в лесу москвич обращал внимание на разгромленные этими птицами муравейники. А раньше зеленые дятлы были в Подмоскowie очень редки, за сто лет найдено и описано два гнезда этой птицы. Начиная с конца 1960-х годов они стали встречаться все чаще. Отмечалось до двух гнездящихся пар на километр маршрута. К середине 1970-х годов зеленые дятлы вышли на второе

место по численности после еще более многочисленных больших пестрых дятлов.

Зеленый дятел вместе с вертишейкой — самые специализированные мирмекофаги — потребители муравьев среди наших птиц. Зеленый дятел предпочитает кормиться рыжими лесными муравьями.

Необычному скачку численности зеленых дятлов предшествовало резкое возрастание в Подмосковье числа муравейников¹. Причина этого явления — улучшение условий питания муравьев. Их белковая пища — насекомые, и в этом состоит польза муравьев. Углеводы же они получают из сахара экскрементов тлей. Тли и есть первое звено гипертрофированных пищевых связей, которые мы рассматриваем. Теперь уже известно, что регулярное применение средств защиты растений вызывает увеличение численности сосущих растительных беспозвоночных: тлей, паутиных клещиков, так как их естественные враги погибают. Популяции же тлей при их способности давать до 16 генераций за сезон мало чувствительны к ядам.

Обилие тлей в наших лесах вызвало и другие перестройки трофических связей в биоценозе. Тли стали главной пищей птенцов больших пестрых дятлов. Птицы собирают этот корм, пропуская сквозь клюв побеги и листья деревьев, и соскабливают с них тлей. Такой способ «механизированного сбора» корма доступен только птице с очень прочным и достаточно длинным клювом, не удивительно, что именно дятлы применили этот способ. Пищевой комок из тлей, приносимый в таких случаях птенцам, бывает размером с орех и прикреплен сбоку клюва. Дятел кормит подросших птенцов, повернув голову набок. Численность больших пестрых дятлов в последние годы тоже очень сильно возросла, и возможно, очень сильно потому, что появился новый массовый корм — тли. Однако в холодное дождливое лето дятлы оказываются в бедственном положении, так как тли в такое время не размножаются. В такие годы дятлы становятся хищниками, разоряют гнезда мелких птиц, осо-

---

¹ Увеличение численности зеленого дятла в 1960-е годы — явление, наблюдавшееся во всей северной части его ареала. Его причины не в гипертрофированных пищевых цепях, а в климатических изменениях, популяционной динамике, освоении новых местообитаний, конкуренции с близким седым дятлом и, возможно, вертишейкой. Как показывают современные орнитологические исследования, ядохимикаты здесь также не играют заметной роли.

бенно дуплогнезdnиков, убивают и поедают птенцов¹. За 20 лет в Подмосkовье было три таких холодных, бедственных для птиц лета. Хищничество дятлов отмечается с начала 1960-х годов. В Западной Европе оно было известно еще и в предвоенные годы.

Обилие тлей вызывает периодические вспышки численности их важнейших потребителей среди насекомых — жуков «божьих коровок». Особенно они заметны в городах, куда залетают эти жуки: они появляются на тротуарах и в квартирах. Массовые скопления божьих коровок отмечали в Москве летом 1973 года. Как ни странно, этих жуков начали использовать в корм птицы, хотя раньше они считались для них ядовитыми. Мухоловки-пеструшки охотно носили птенцам личинок коровок, хотя до тех пор они в рационе не отмечались!

Город коренным образом изменяет условия существования населяющих его птиц и зверей. Здесь не только формируются особые «городские» черты поведения, особые условия существования отражаются на стереотипных его чертах. Пример — городская раса черных дроздов, которые сначала освоили города Западной Европы, а затем и некоторые наши города близ западной границы СССР. У птиц, поселившихся в городе, может измениться привычная пища, типичные места гнездования, особенности гнездоустройства, даже сезонное поведение — перелетные птицы могут стать оседлыми.

В большом городе многообразны биотопы, пригодные для жизни экологически очень разных птиц. Пионером в районе новостроек, как правило, бывает каменка, но как только дома построены, убраны кучи мусора, она переходит гнездиться на другие площадки. На смену приходят коноплянки, способные гнездиться на маленьких деревцах и в живых изгородях, а через десяток лет появляются и лесные виды. В Москве в посадках довольно много лиственницы, с которой наши лесные птицы довольно мало знакомы. Тем не менее она стала излюбленным гнездовым деревом зеленушек и коноплянок. Например, в Бабушкине коноплянки заселили каждое пятое дерево из посаженных вдоль Ярославского шоссе.

---

¹ Регулярное хищничество большого пестрого дятла связано с недостатком белковой пищи, который эта птица испытывает после долгого зимнего питания растительным кормом (семенами хвойных деревьев). При этом дятел не только разоряет гнезда, уносит яйца и птенцов, но и ловит взрослых синиц (преимущественно весной).

Гнездостроительные инстинкты птиц весьма консервативны, но город и в этом оказывает влияние на их привычки. Коноплянки, гнездящиеся в природе, выстилают лоток гнезда растительным пухом и шерстью млекопитающих, в городе же это — вата, нитки, веревочки. А в одном гнезде, находившемся под окнами парикмахерской, вся выстилка состояла из человеческих волос!

Мухоловки-пеструшки строят основание гнезда из листочков осины или березы. Но осины в Москве почти нет, а береза обычна только в районах новостроек. Пеструшки, загнездившиеся в синичниках на центральных бульварах города, вышли из положения так: основания своих гнезд они складывают из оберточной бумаги, трамвайных и автобусных билетов.

В 1970-е годы в Москве на гнездовании стало очень много грачей. Правда, грачевники отодвинулись от центра далеко к периферии города¹. Еще в 1947 году небольшие колонии были в самом центре: во дворе старого здания библиотеки имени В. И. Ленина, в переулке Собинова, на улице Алексея Толстого. Грачи ушли из центра не потому, что ухудшились места гнездования, а потому, что далеко от центра отодвинулись места кормежки: поля, луга, пустыри. В 1970-е годы самый близкий к центру города грачевник находился на Ленинских горах. Кормовая база грачей этой колонии — пустыри в двух километрах южнее. Грачи, подобно воронам, научились посещать мусорные баки во дворах, по утрам они собирают корм и на улицах. Частым и, по-видимому, излюбленным кормом для птенцов бывает бумага от мороженого.

Еще стремительнее, чем у грачей, проходил процесс образования зимующей популяции московских городских скворцов. В 1958 году зимовка в Сокольниках семи скворцов вызвала сенсацию. Птицы привыкли к кормушке возле одной из школ. Зиму 1960/61 годов четыре скворца провели на Потылихе. Эти случаи казались столь необычными, что о них писали в газетах. Однако, чем далее, тем чаще стали встречать в Москве зимующих скворцов. В 1969 году в Останкине зимовала уже стайка из полутора-двух десятков птиц, а к

---

¹ Грач в настоящее время стал очень редок в Москве, на Воробьевых горах он теперь не гнездится. Исчезли колонии в Коломенском, Царицыне, Серебряном бору, где их было две, и в других местах. Более или менее стабильно грачи гнездятся только в Капотне. Видимо, это связано с застройкой сельскохозяйственных угодий.

середине 1970-х годов зимовки их здесь стали совсем обычными¹. Зимой 1973 года огромная, многосотенная стая скворцов избрала местом своего ночлега голубые ели в Кремле, создающие, очевидно, надежное укрытие. Вечерами, собираясь на ночлег, многие скворцы даже пели и совсем не производили впечатления голодных или замерзающих.

Дважды за пятнадцать лет отмечали в городе филинов. Они, видимо, залетали сюда охотиться на вороньих ночлегах. Прилетают и ушастые совы. Одна из них, зимовавшая в Ботаническом саду МГУ, приспособилась охотиться на воробьев, ночующих на здании биологического факультета. Сова летала вдоль карнизов, а заметив воробья, останавливалась в воздухе почти вертикально и лапой доставала его из углубления.

В Западной Европе известен процесс естественного вселения в города таких птиц, как голубь-вяхирь, сойка. Сойки в Москве часто встречаются на окраинах, зато горожанкой становится сорока, хотя ранее ее причисляли к группе крайних «урбофобов» — не городских птиц. Иногда гнездятся и вяхири, пока еще только в крупных лесных массивах по периферии города.

Фауна городов, и Москвы в том числе, развивается и изменяется стихийно, мы не в состоянии даже последовательно фиксировать все происходящие изменения. Сейчас мало уделяют внимания привлечению птиц в парки города, развеске искусственных гнездовий, а были годы, когда школьники изготавливали и развешивали в День птиц до 10 тысяч искусственных гнездовий.

Зато на окраинах Москвы в районах новостроек появилось много скворечников, но ведь привлекают они только скворцов. И действительно, этих птиц стало в Москве великое множество: они охотно заселяют скворечники на балконах многоэтажных домов².

А привлечение мелких птиц в город нами почти забыто. Только больших синиц стало очень много, и это, без сомнения, — результат

---

¹ Количество зимующих скворцов к 1990-м годам сократилось.

² Численность скворцов в настоящее время уменьшилась, видимо, по той же причине, что и грачей и пустельги — в результате сокращения кормовых биотопов. Традиция развешивать скворечники сменилась традицией застеклять балконы.

зимней подкормки, которую ведут любители птиц. Некоторое число их остается и на гнездование в парках и лесопарках¹.

Горожанину нужна природа — и тем больше, чем в более городских условиях он живет. Современный город мы представляем себе прежде всего как город зеленый. Но зеленые массивы города не должны оставаться только комбинацией деревьев, газонов и дорожек, нужны живые естественные сообщества: дикие, пусть самые простые цветы на газонах, бабочки и пчелы на них и, конечно, птицы, поющие, радующие глаз и надежно регулирующие численность нежелательных насекомых.

1975

ВОРОБЕЙ ВОРОБЬЮ РОЗНЬ

Народ окрестил воробья вором. И даже название кое-кто производит от слов «вора бей»!² А вор ли он, и нужно ли его в самом деле бить? Чтобы ответить однозначно на этот вопрос, разберемся в образе жизни воробья. Прежде всего, воробей воробью рознь, их несколько видов, и два из них постоянны и многочисленны в Москве.

Самый обычный у нас из воробьиного рода — домовый, или городской воробей, превосходно приспособившийся к жизни в городской среде. Трудно представить себе город без этого милого, привычного зимой и летом спутника человека. Он не только украшает город, но и в хозяйстве помощник. Кормится всякими отбросами, но весной и летом воробьи несут караульную службу: как появятся где-нибудь в массе съедобные насекомые — сразу переключаются на этот корм.

Зимой на улицах, во дворах, на кормушках вместе с домовыми воробьями появляются и другие — ростом мельче, окраской ярче, в коричневой шапочке с белыми щеками. Полевой воробей живет повсюду, на что указывают и его многочисленные имена. Русское зоо-

---

¹ Большая синица стала многочисленным видом Москвы, сравнимым по численности в 1990-х годах даже с серой вороной. Быстро осваивает город и синица-лазоревка. Они гнездятся теперь и во дворах.

² Толкование происхождения слова «воробей» от слова «вор» не разделяется филологами, его этимология весьма запутана.

логическое название его — полевой, или деревенский воробей. В степной зоне справедливо его называют лесным, а латинское название, *Passer montanus*, значит — «воробей горный». А мы, горожане, с полным правом можем назвать его парковым воробьем, так как в Москве он гнездится лишь в больших лесных массивах, и понятно, почему: корм его птенцов — насекомые.

В некоторых странах эту птицу используют как лучшего защитника зеленых насаждений. Особенно отличился полевой воробей в защите дубов от очень опасного их врага — дубовой листовертки. Можно вспомнить заслуги полевых воробьев по ликвидации очагов этого вредителя в Москве и Подмосковье в 1960—1970-х годах. Это было бедствие. Встречались дубравы, в которых не оставалось ни одного дерева с зеленой кроной. Были и погибшие деревья. Попытки применить ядохимикаты лишь повышали сопротивляемость вредителей.

В эти годы и показали полевые воробьи, на что они способны. В Главном ботаническом саду АН СССР (далее также — ГБС) они кормились на дубах, пока там были гусеницы листоверток. В то время насчитывалось до восьми воробьев на одном дереве одновременно. Справедливости ради надо заметить, что полевым помогали и домовые воробьи. А в Ботаническом саду МГУ на Ленинских горах старые дубы и вовсе не имели повреждений: возле них гнездились в синичниках десятки полевых воробьев, а двадцать воробьев — это уже большой отряд внимательных наблюдателей и энергичных истребителей.

После всего сказанного о полевом воробье можно подумать, что полезнее его и птицы нет. Да, в городе так оно и есть. А на степном и лесостепном юге полевой воробей — бедствие. На нижней Волге, например, где воробьи гнездятся по обрывам оврагов, тысячными стаями нападают они на посевы пшеницы и зерновых культур. Местами вред урожаю от них больше, чем от массовых грызунов.

В последние годы число полевых воробьев в Москве уменьшается, и трудно сказать, почему. Чтобы помочь полевым воробьям, нужно сделать и разместить в парке гнездовья для них.

Воробьи, как и другие птицы семейства ткачиковых, колонияльны. Две семьи могут жить совсем рядом друг с другом. Значит, можно развеской искусственных гнездовий «организовать» большую колонию. Воробьи невзыскательны в выборе гнездовий, они поселяются даже в фанерных домиках, непригодных для других

птиц¹. Гнездо у воробья шарообразное, и домик — только опора для него. Размер лучше делать побольше, как для скворца, важно, чтобы между крышкой и летком оставалось свободное пространство для крыши толстого воробьиного гнезда. Домики лучше всего ежегодно чистить, так как вся внутренность скворечника бывает забита гнездостроительным мусором.

Разместить домики в парке надо там, где есть дубы, ведь полевые воробьи, можно сказать, специалисты по защите именно этого дерева. Гнездовья можно развешивать рядом, но лучше не на самих дубах.

1984

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОРОНА

Ворона почти всегда сначала услышишь, потом уже увидишь: он обычно летит с мелодичным громким «круканьем». А увидишь — не спутаешь ворона в полете ни с грачом, ни с вороной: он заметно больше размером, угольно-черный, а главное — обрез хвоста у него не веерообразный, а клиновидный.

Нет на свете, кажется, другой птицы с такой же мрачной репутацией, как ворон. «Черный ворон, что ты вьешься над моею головой?» — так поется в старинной песне. «Ворон ворону глаз не выклюет» — утверждает пословица. И где бы кто бы ни поминал ворона — всюду он вестник несчастья. Редко в представлениях народа ворон бывает добрым, но всегда он мудрый или хитрый.

Существует мнение, что ворон живет сто лет. Возможно, но подтверждения этому у нас нет. Чтобы узнать предельный возраст ворона, нужно продержать птицу в неволе, например в зоопарке, весь этот срок. Пока что достоверно известен ворон, проживший в неволе 69 лет, и этот долгожитель еще не выглядел дряхлым. Ну что же, ему осталось уже сравнительно немного до столетнего юбилея.

Вороны — птицы, отличающиеся редкостным постоянством своих привязанностей. Пары сходятся на всю жизнь, а это могут быть, как мы уже знаем, десятилетия. Птицы очень привязаны к

---

¹ Мухоловки-пеструшки поселяются иногда в фанерных домиках, но условия в таких гнездовьях для них малоподходящие: в жару там жарко, а в холод — холодно.

месту гнездования, но гнезда у них обычно два, в каждом из них они поселяются через год. Это связано, видимо, с необходимостью освободить гнезда от паразитов¹.

Женщин ворон подпускает ближе, чем мужчин, и различает их с далекого расстояния, а человека с ружьем не подпускает и на самый дальний выстрел. Гнездиться вороны начинают первыми среди наших птиц, в городе это происходит особенно рано — в начале марта, а нередко еще в конце февраля. Гнезда вьют на самых высоких деревьях, но едва ли не больше любят самые высокие постройки².

Вороны отлично летают, и здесь они демонстрируют свое летное искусство, показывают фигуры высшего пилотажа. Здесь и «штопор», и «мертвая петля», и много других фигур, которые может исполнить только птица, например, пикирование с полусложенными крыльями.

Сообразительность ворона легче всего наблюдать у птиц — воспитанников человека, а так как выкормить птенца в неволе — дело не очень сложное, то таких выкормышей бывает немало.

Ворон в неволе легко выучивается говорить, говорит лучше и больше, чем другие врановые птицы, кроме, пожалуй, сороки — эта болтлива отроду. О говорящем вороне писал еще А. Брем. Знаменитый натуралист знал ручного ворона, который жил вольно и каждое утро с точностью будильника прилетал через окно в комнату работницы. Усевшись на спинку кровати, он орал: «Мина, вставай!», пока она не поднималась. Однако он не знал праздников и будил бедную Мину даже в те дни, когда можно было и поспать.

Первый говорящий ворон, который мне был известен, жил у бабушки-бобылки в селе Черкутине Владимирской губернии. Он пропадал неделями, но в голодную пору, зимой — в морозы, прилетал к избе, в которой вырос, и кричал: «Бабка, открой!», пока его не впустили в дом.

А москвичам в свое время был хорошо известен ворон в зоопарке. Этот любил разговаривать сам с собой, когда около вольеров никого не было, или люди стояли, не перебивая его своими разговорами, чего он не выносил. Очень задушевно, глуховатым голосом и

---

¹ Гнездование каждый год в новом гнезде, легкая смена гнездовых участков вообще характерны для городских птиц. По-видимому, это можно рассматривать как адаптацию птиц к городской среде.

² В последнее время вороны в Москве охотно гнездятся на трубах ТЭЦ.

негромко обращался он сам к себе: «Ворóнушка, Воронуша... Воронок». Потом замолкал и словно прислушивался к собственному голосу. Талантливая птица во всех отношениях. Недаром птицы семейства врановых по своему интеллекту занимают среди пернатых такое же высокое место, как приматы среди млекопитающих. Среди врановых же ворон — доминантный вид, при контактах в природе остальные подчиняются ему.

В двадцатых годах XX века вóроны постоянно гнездились не только в окрестностях города (в Сокольниках), но и в самой Москве, нередко на колокольнях церквей. Последнее достоверно известное гнездо вóрона в Нескучном саду было на березе в 1923 году, в предшествующие годы вóроны регулярно выводили здесь птенцов. Позже встречались они еще в «Лосином Острове», но и здесь к 1966 году исчезли. Во всей Московской области эта птица стала очень редкой.

Однако к концу 1970-х годов стали поступать сведения о все более частых встречах с вóронами. Более того, с целыми стаями их, чего раньше не замечалось: обычно после вылета птенцов и до следующего гнездования вóроны держатся семьей — пара взрослых и несколько молодых, обучающихся у родителей почти целый год птичьему уму-разуму. Теперь же стаи встречались значительно чаще. Появились вóроны и в Подмоскowie.

По типу питания ворон — преимущественно хищник и падальщик. Подмоскoвные вóроны осенью успешно мышкуют на полях, причем ловят полевok не с полета, как пустельга или лунь, а пешком, как степной орел сусликов. Стайка воронов рассредоточенно садится на поле, каждая птица — у поселения серых полевok, и терпеливо ждет, когда грызун выйдет на поверхность. На озимях вокруг жилища полевки образуется островок съеденной зелени, за кормом приходится бежать несколько метров. Этого и ждет ворон. Он отрезает зверьку дорогу обратно и хватает его у входа в норку. Если идти прямо к птице, она неохотно слетает с охотничьего места и сразу же возвращается обратно, когда человек проходит мимо.

Другая кормовая специализация вóрона — питание падалью — по-видимому, сыграла решающую роль в неожиданно быстром их расселении по всему Нечерноземью. В последние десятилетия здесь резко возросла численность лосей, косуль, кабанов. Они погибают по разным причинам, нередко это подранки, ушедшие от преследования охотников. Вóроны же обладают способностью разыскивать

падаль. Понятно, почему именно теперь, и особенно зимой, воронов встречают стаями. Обнаруженной в лесу кабаньей туши надолго хватает им всем, и вокруг кормежки семейные стайки объединяются в одну общую стаю¹.

К восьмидесятым годам ворон снова стал обычной, а местами даже многочисленной птицей Подмосковья. И вот, наконец, после полувекового отсутствия вороны появились и в самой Москве.

Первого воро́на я услышал и увидел в 1979 году. Он пролетал над Ботаническим садом Московского университета и направлялся в сторону Матвеевского. В этом районе, как потом было установлено, уже второй год у воронов было гнездо. Другая пара отмечена в районе Загорья, у южной окраины столицы. Вероятно, есть уже вороны и в других местах Москвы.

Сейчас трудно сказать, что сулит нам возвращение воронов на гнездование в наш город. Серые воро́ны воронов не любят. Ворон отвечает им тем же. Может быть, он потеснит своих серых родственниц, заполонивших Москву. Может быть, сам заселит город². Пример тому есть — Рига, где всего за несколько лет ворон стал обычной гнездящейся птицей.

1982

СИНИЦА НА БАЛКОНЕ

23 октября в Москве пошел первый снег. А утром того же дня в наше кухонное стекло постучали. Снаружи к раме прицепилась синица и, вертя головкой, все разглядывала через стекло, есть ли кто-нибудь в кухне. Мы, конечно, повесили кормушку с подсолнухами, арбузными и дынными семенами, бросили нитку с двумя кусочками сала на концах на вишню, что росла у нас под окнами. Ждать не пришлось. Только закрыли форточку — две птицы уже на кормушке. К вечеру кормилось уже пять синиц.

---

¹ Распространение воронов в центральных областях России можно связать и со становлением крупных животноводческих комплексов, вблизи которых неизбежно об­разовывались скотомогильники.

² Численность воронов в Москве после опубликования статьи действительно увеличилась, но вполне обычными они все же не стали.

Современная синица-горожанка знает, что для нее ставят кормушки. Только выставишь, а синицы тут как тут. Их интересуют всякие коробки и ящики. Если нет привычного корма, птица садится на окно и стучит клювом по раме или стеклу. Как объяснить это явление? Ведь трудно поверить, что пичуга способна не только найти прошлогоднее место кормежки, но и активно напомнить людям: я, мол, тут, есть хочу. Ведь стук в окно — рассудочный шаг: это или обращение к человеку, или стремление проникнуть туда, откуда появляется человек с кормом. Но, может, голодные синицы просто долбят раму, ища корм? Долбление веток в поиске насекомых свойственно синицам.

Во Владимире живет любительница птиц Вера Николаевна Константинова. Она рассказала о своем опыте. Кормушки — литровые банки — она привязывала к перилам балкона на третьем этаже. С утра там кормилось десятка два синиц. Одна за другой птицы влезали в банку через отверстие в крышке, хватили семечко и летели на вершину березы, каждая на «свою» ветку. Зажав семечко в пальцах, синица клювом пробивает в нем дырку и выклеивает мякоть. Операция занимает несколько минут. Но вот корм из кормушек убрали. Синичий конвейер остановился. Птицы скопились у пустых банок, заглядывая в них и в окно. Одна села на окно и начала стучать клювом в стекло. То есть сделала то, что делают синицы осенью, когда нет корма в кормушке, к которой они прилетали год назад. Открыли форточку. Синица влетела в комнату, но испугалась — вылетела...

Теперь-то Вера Николаевна таких смелых кормит в комнате с ладони. И разговаривает с ними. Как в сказке.

В Москве образовалась своеобразная группировка «перелетных» синиц. Осенью из пригородных лесов летят они в город, к кормушкам, весной возвращаются в лес, где есть насекомые и дупла для гнездования. В окраинных парках, например в Кусковском, можно наблюдать, как синицы, стайка за стайкой, передвигаются в одном направлении. Создается впечатление сезонного перелета, только не на север или на юг, а весной из города и осенью в город. Так как благодаря зимней подкормке синиц в Москве много, то их перелеты очень заметны. Перебираясь на зиму в город, они летят в то самое место, где их кормили предыдущей зимой. Но и в те времена, когда мало кто подкармливал синиц в городе, они прилетали сюда на зимовку. В ту пору холодильники редко у кого были и продукты зимой часто хранили в авоськах, подвешенных за форточкой. Москов-

ские синицы промышляли пищу из запасов москвичей. Синицы-форточницы облетали свои улицы и переулки от авоськи к авоське, продавливали бумагу и клевали мясо, творог, сливочное масло... Бывало за целый день эта лесная птица и не присядет на дерево. Теперь же продукты хранят в холодильниках: пропала у синиц профессия форточниц¹.

А в Лондоне были синицы-молочницы. В пригородах английской столицы утром у входа в коттеджи ставили молоко в бутылках, закрытых картонным кружочком. Наверное, сначала одна синица научилась открывать бутылку, чтобы напиться сливок сверху, но синиц-молочниц появлялось с каждым годом все больше и больше. Пришлось англичанам изменить упаковку бутылок.

Знал я парочку синиц, зимовавших возле нашего дома в пригороде. Привезли нам еловые дрова, на редкость сильно зараженные личинками жука-усача: из каждого кругляка выпадало на снег с десятков. Я бы и не догадался никогда, что синицы этих личинок в снегу разыскивают, если бы вдруг не стали они прилетать при колке дров. При первом же ударе колуна они появлялись на соседней яблоне, дожидаясь, когда я соберу колотые дрова и вытрясу из них личинок. Синица хватала личинку на земле, а на яблоне ее раздалбливала. А еще одна синица целую зиму прожила на сортировочной подмосковной станции, кормясь на железнодорожных составах, груженных лесом. Заметил я ее случайно с пешеходного железнодорожного моста, а потом специально караулил проходящие составы с лесом, присматриваясь, и частенько видел синицу, осматривающую вагоны.

Колебания численности синиц в разные годы — явление обычное: очень велика зависимость от погодных условий этой зимующей у нас насекомоядной птицы. Синицы способны быстро восстанавливать численность, у них ведь самая высокая среди мелких пернатых наших лесов плодовитость: два выводка за лето в среднем по 10 и 8 птенцов. Таким образом, к осени численность птиц возрастает в 9 раз. Для примера скажем, что у перелетной мухоловки-пеструшки 6 птенцов, один выводок за сезон, то есть число птиц к осени увеличивается только в три раза. Смертность синиц втрое превышает

---

¹ Повадки «форточниц» у синиц легко восстанавливаются, если кто-то выложит мясо на улице за окном. Синицы могут клевать его и на рынках.

смертность мухоловок, вот во что обходится синицам зимовка в наших краях.

Кроме самых обычных у нас черно-желтых больших синиц, кормушки в городе иногда посещают прелестные внешне, голубые с лимонным брюшком лазоревки. Московка — уменьшенная копия большой синицы, но в «черно-белом исполнении» — в некоторые годы может быть даже многочисленной¹. На окраинах и недалеко от больших парков встречаются маленькие синички в черных шапочках — гаички.

Совсем нетрудно завести собственную стайку синиц под окном. Для этого нужно без перерыва подкармливать птиц. Зимняя подкормка резко увеличивает количество птиц в окрестностях. Замечательная особенность синиц состоит в том, что они собирают насекомых не только летом, но и зимой. Они не могут долго обходиться без животной пищи, жить на одном зерне. Гусеницы златогузки зимуют в кронах плодовых деревьев, в гнездах из сухих листьев, стянутых паутиной. Если поблизости есть кормушка для синиц, то можно гарантировать — в саду не останется к весне ни одного гнезда вредителя.

И все-таки главное в подкормке птиц зимой — не хозяйственный расчет, а удовольствие, которое нам доставляют синицы на кормушке. Они ни секунды не сидят неподвижно, без суеты, но быстро летают за подсолнухами, иногда ссорятся, «выясняют отношения», пока не уступят дороги сильнейшей. Холод им не страшен, страшен голод.

В феврале, а то и в январе самцы начнут распевать свою звонкую трехсложную или двухсложную («Ци-ци-пи! Ци-ци-пи» или «Ци-пи! Ци-пи!») песенку². Синицы рано разбиваются на пары, еще до того, как самец найдет дупло для гнездования. В этот момент важно предоставить синицам домик для гнезда — синичник. Можно повесить его в начале зимы или осенью — тогда синицы в морозы смогут в нем ночевать.

1981

---

¹ Московка — вид синиц с очень резкими колебаниями численности, связанными с перемещениями на большие расстояния. В некоторые годы их может быть много, в другие не бывает совсем.

² Двухсложную песню большие синицы начинают петь раньше, чем трехсложную.

тых числах июня — после колошения ржи — соловьи умолкают. Ну, а всем тем, кто считает, что соловьи им не интересны, мы можем только посочувствовать.

Привлечь соловьев в Москву мечтали многие. В пятидесятых годах пытались даже поставить в парках большие вольеры, замаскировать их кустами и в них держать птиц, чтобы пели. Но вольные соловьи опередили желание людей и сами начали заселять город.

Не так давно некий москвич написал письмо: «В одном стихотворении написано, как соловей пел в центре Москвы на площади Свердлова. Могло ли действительно так быть, или это все придумано?» Конечно, автор письма имел в виду стихотворение поэта А. Никифорова, которое действительно начинается словами: «На площади Свердлова хорошо», и именно здесь... «пел соловей, как соловьи поют — неподражаемо, непостижимо». Это вполне могло быть: пролетный соловей искал место для гнезда, не нашел, конечно, здесь ничего подходящего, спел все-таки и полетел дальше...

Численность соловьев в столице значительно возросла за последние десятилетия¹. Помню, сенсацией было, когда соловей вдруг запел в центре, неподалеку от Кремля, а другой загнезвился в кустах смородины в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького. А теперь нет уже, наверное, ни одного более или менее подходящего места, где бы соловьи не гнездились. Поют они по всем рекам и речкам, где сохранились кустарники, поют и на водоразделах, где есть укромные уголки.

В дендрарии Ботанического сада Московского университета гнездились двенадцать пар соловьев, больше, чем по паре на один гектар. Такой плотности не найти и в Подмосковье. Но ботанический сад нужен для разведения и показа растений, а не соловьев, и пришло время расчистки зарослей. Сразу же почти все соловьи перестали здесь гнездиться, и только через два—три года их численность вновь стала увеличиваться. Здесь расчистка посадок была необходима, но вряд ли нельзя было избежать вырубki подлеска в некоторых московских лесопарках, где соловьи тоже исчезают сразу после вырубki, как и некоторые другие птицы.

---

¹ В 2002 году Союзом охраны птиц России в Москве было учтено более 1900 поющих соловьев.

Собираются бетонировать берега речек. Значит, выселяют из этих мест соловьев, в том числе и нашего знакомого с Потылихи. Зимой 1980/81 годов один соловей, сам того не ведая — он в ту пору зимовал в тропических широтах Юго-Восточной Африки, — стал вдохновителем и символом борьбы москвичей за сохранение «естественной природы» в городе. В «Парке Дружбы» Ленинградского района велись работы третьей очереди благоустройства парка. На одном из маленьких старых карьеров, заросших козьей ивой, из года в год гнезвился соловей. А по плану здесь должен быть построен детский городок. Бульдозеры начали ломать деревья, а самосвалы — возить почву и засыпать карьеры вместе с остатками козьей ивы. Жители окрестных домов вступились за «своего» соловья. Обращались во многие инстанции, просили сохранить хоть одну из ям, ту, в которой гнезвился певец.

Строительство приостановили. Специальная комиссия рассматривала вопрос и сочла возможным продолжить работы, тем более что половина дела была уже сделана. Встал вопрос о том, чтобы оборудовать для соловья другое место в парке. Трудно, конечно, даже специалисту решить такой вопрос за соловья, что-нибудь да будет упущено из его «соловьиных требований». Очевидно, воспроизведение такого уголка природы, который выбрала сама птица, с учетом некоторых важных деталей при этом, могло бы привлечь соловья. Но это недешево стоит и, вероятно, не сразу осуществимо, ведь посадкам «соловьиных» кустов и деревьев нужно время, чтобы вырасти.

Соловей из парка изгнан, с этим придется примириться, но этот случай должен служить уроком на будущее. Нужно беречь уголки природы, сохранившиеся в городе, даже такие маленькие и невзрачные, как эта «соловьиная яма», не стремиться их «благоустроить» и обязательно создавать на их месте произведение садово-паркового искусства.

Соловьи в Москве будут петь и гнездиться, если, конечно, мы, люди, предоставим им эту возможность.

<около 1982>

О ЧЕМ ПОЮТ ЗЯБЛИКИ?

Нет, конечно, ни одного москвича, который бы никогда не видел и не слышал зяблика. Но далеко не все могут узнать и назвать эту самую многочисленную певчую птицу московских парков. Ведь зяблики в лесу составляют обычно 20—40 процентов от всех других больших и малых птиц. Узнать зяблика нетрудно: ростом и складом он с воробья, у самца винно-красная грудка, а на взлете сверкают белые пятна на крыльях и по краям хвоста.

Зяблик может поселиться почти в каждом лесу. Только в ельнике он строит свое маленькое гнездышко на еловой лапе, а в лиственном — за сучком у самого ствола дерева. Нужно еще зяблику, чтобы не было в лесу густой травы, кормится он больше всего на земле, по тропам и дорогам, так что в городском парке, где тропок видимо-невидимо, зяблику самое удобное место.

Первыми с юга прилетают старые самцы на свое прошлогоднее место, выбирают ветку или развилку для гнезда и весной извещают всех своих сородичей, что точка найдена и участок занят. Молодые самцы появляются позже и летят туда, где услышали поющих зябликов. И это очень разумно: раз старые птицы поют, значит, место проверенное, кормовое, можно поселиться тут же, но не слишком близко, — хозяин участка прогонит, и не слишком далеко, чтобы слышна была его песня.

На первых порах важнейшая задача у каждого самца — с помощью песни найти подругу, вернее, помочь подруге найти себя. Очевидно, самые громкоголосые зяблики имеют больше шансов привлечь самок. Когда начинается постройка гнезд, всю территорию леса зяблики-самцы уже поделили, каждого поющего самца отделяет от соседа около полусотни метров. Лес распределен, конечно, не без жестоких драк претендентов. Значит, песня птицы имеет по крайней мере три значения: «место занято», «приглашаю подругу», «поселяйтесь поблизости», и зяблики прекрасно понимают эту звуковую сигнализацию. Но для птиц других видов чужая песня — только шум. Впрочем, звуковой сигнал тревоги разных видов мелких птиц понятен для всех, на тревожное пиньканье зяблика слетаются соседи со всей округи.

Знаменательно, что песня каждого зяблика чем-нибудь да и отличается от других, и это различие зачастую может уловить даже нетренированный слух человека. А сами зяблики всегда и безоши-

бочно узнают по голосу соседа, и только услышав песню чужака, например в магнитофонном исполнении, они начинают тревожиться.

Зяблики поют много и долго, с прилета в апреле до середины — конца июня. Но только весной, конечно, поют без устали. Утром запевают они не рано, спустя час после зарюшки — недаром ее так назвали, но когда запоют — всех заглушат: их много, и песня у них звонкая. Поют они не когда им вздумается, а соблюдая очередь. Вот пропел зяблик на соседнем дереве, замолчал и слушает, а ему своей песней откликается сосед, потом вдалеке поет уже третий зяблик — и пошла гулять по лесу песня-переключка. Вот уже пропел сосед с другой стороны и вдохновил нашего первого. И опять пошла песня по кругу. Постепенно переключка затухает, поют лишь отдельные птицы, и больше всех стараются оставшиеся холостыми в тщетной надежде, что услышит их какая-нибудь запоздалая самочка.

В старину городская стража на московских башнях переключалась: «Славен град Москва!» — протяжно кричал первый. «Славен град Владимир!» — откликался ему стражник с соседней башни. «Славен град Дмитров!» — отзывался вдалеке третий. И так, пока не придет переключка к первой башне. Значит, все в порядке, все на своих местах. И снова: «Славен град Москва!»... Вот так и у зябликов. Похоже, не правда ли? И может быть, с той же целью — проверить, все ли спокойно в лесу, не случилось ли чего за ночь?..

1984

МУХОЛОВЫ

В окрестностях Большой Москвы и на ее окраинах, где сохранились еще деревянные постройки, среди прочих мелких птиц селятся и такие, которых зовут мухоловами. Их главное назначение — уничтожать вредных насекомых. Прежде всего, это — серая мухоловка. Сидит она обычно на сухой открытой веточке дерева, а если есть провода, то на них, поглядывая по сторонам. Вдруг стремительно слетает, делая повороты, щелкает клювом — муха поймана, и птица несет добычу птенцам. Ну а если промахнется — возвращается обратно на свой охотничий наблюдательный пост. По этой повадке и

по вертикальной посадке сразу можно узнать серую мухоловку — темно окрашенную птичку с пестринами на более светлой грудке.

Более половины всех гнезд этих птиц расположено за наличниками окон деревянных домов. Для гнезд достаточно зазора между наличником и стеной шириной всего 5—6 см и такой же или несколько большей глубины. По такому образцу нетрудно сделать домик для серых мухоловок. Место выбирают они кормное: около хлева, помойки. Основная охота за мухами длится около месяца — постройка гнезда, кладка яиц, насиживание и, наконец, выкармливание птенцов. Количество выловленных за это время мух исчисляется многими тысячами.

Белая трясогузка — тоже нередкий сосед человека, она гнездится под застрехами, под шиферными крышами. Ее главный корм — мухи, только ловит она их, бегая по земле и другим поверхностям. Бегаёт проворно по тропинкам, по грядкам, в городе — по асфальту, иногда, вспорхнув на миг, в воздухе хватает вспугнутую с земли муху. Подсчитали, какое расстояние пробегает каждый день трясогузка в поисках пищи для птенцов. Оказывается — семь километров, а пролетает от гнезда до места охоты и обратно — три километра. Для поселения возле дома белых трясогузок очень нужна вода. Они предпочитают близость реки, пруда.

Есть еще одна птица-мухолов — с древних времен любимая русскими крестьянами деревенская ласточка, или касаточка, как ее ласково называют в народе за длинные косицы — перышки по бокам хвоста. Но привлекать эту птицу к дому мы не умеем, она сама выбирает себе для постройки лепного гнезда полутемный чердак или навес с хорошим подлетом к нему — предки деревенских ласточек гнездились в пещерах. Численность этих птиц уменьшается, одна из причин этого в том, что не любят они гнездиться под крышей, крытой железом. Видимо, слишком для них там жарко¹.

<около 1982>

---

¹ На исчезновение деревенской (как и городской) ласточки в городах может влиять то, что грязь и глина, необходимые для постройки гнезд, становятся малодоступными из-за асфальта и бетона.

ПТИЦЫ-НЕБОЖИТЕЛИ

Однажды я стал свидетелем очень необычного ночлега пролетных птиц. Дело было в Прибалтике, там, где стаи мигрирующих птиц приостанавливаются, чтобы начать пересекать Куршский залив. Встречный штормовой ветер в тот день мешал этому. Пришлось птицам задержаться на ночь. Стрижи для ночлега облюбовали один тополь и сотнями прицепились к концам веточек вроде елочных игрушек. Береговые ласточки ночевали на тростнике над водой. Камышинки с прицепившимися ласточками находились в постоянном движении, несмотря на то, что эти растения хорошо гасят волну. Только ласточки-касатки выбрали для ночлега линию проводов, защищенную лесом от ветра. Их было так много, что провода провисли под их тяжестью, казалось, вот-вот оборвутся. Вот какие необычные места для отдыха пришлось выбрать птицам-небожителям, у которых длинные могучие крылья и короткие слабенькие ноги — следствие их воздушного образа жизни. Все они отлично летают, иначе остались бы голодными, а вот садятся отдыхать по-разному. Стриж садится на дерево, но не так, как другие птицы, а прицепившись к концу тонкой ветки. Ласточки же — куда угодно, лишь бы на открытом месте: на конек крыши, на столб, на забор, но больше всего им нравятся провода. Иногда стрижа находят на земле. Говорят, выпал из гнезда. Птицу берут домой, пытаются выкормить, хотя это очень трудно. Если же посадить стрижа на ладонь, поднять повыше и дать ему сползти вниз, птица при падении раскрывает крылья и взлетает как ни в чем не бывало. Просто стриж, если попал на землю, взлететь не может: крылья длинные, а ноги короткие, и добирается он, больше на крыльях, чем на ногах, до ближайшего дерева, вползает по стволу вверх и, бросившись вниз, успевает сделать взмах крыльями¹.

Стрижи и ласточки могут кормиться только в воздухе летающими насекомыми. А что же бывает с ними, когда внезапно наступает холод? В нашем Подмосковье это бывает нередко в конце мая, и даже в июне. На этот случай у птиц-небожителей есть чудесное приспособление.

17 мая 1973 года над Москвой появились стрижи. На следующий день к вечеру заметно похолодало. 19-го температура упала до плюс

---

¹ Умеет ли стриж взлетать с земли, не совсем ясно. Возможно, так спастись из критической ситуации умеют не все стрижи.

пяти градусов, а 20-го над городом бушевала снежная метель. В домах включили отопление, москвичи сменили плащи на теплые осенние пальто.

А как же стрижи? Какие же могут быть летающие насекомые при нуле градусов? Холода стояли целую неделю, и все это время стрижей не было видно.

Несколько раньше стрижей вернулись с юга городские ласточки и сустились около прошлогодних гнезд. Одна большая стая облюбовала тогда только что построенный кинотеатр «Казахстан». Лепили гнезда под крышей. Но в холод пропали и они. Какой смысл летать, если в воздухе нет ни одного насекомого?

В такое холодное время все ласточки и стрижи были под застрехами домов и в других укромных местах, собрались кучами, чтобы меньше терялось тепла, и впали в оцепенение, своего рода спячку. Птицы замерли: сердце билось слабее, дыхание стало едва заметным, температура тела упала. Так птицы переживали голодовку, резко уменьшая расход энергии. В такие дни их можно было брать в руки, и они не просыпались. Но как только наступило тепло, ласточки и стрижи пробудились.

В августе 1957 года в одной котельной мы собрали несколько десятков замерзших ласточек-касаток и самолетом отправили в Адлер, на берег Черного моря. На аэродроме их выпустили, и сразу же ласточки начали кормиться насекомыми. Птиц, найденных позднее и не попавших к рейсу самолета, оставили зимовать в помещении Центрального совета Всероссийского общества охраны природы. Кормили их мучными червями, они жили на антресолях и охотно порхали под потолком большой комнаты, благо была она пятиметровой высоты.

Чудесное свойство ласточек было известно древним. Аристотель, живший за три столетия до нашей эры, считал, что некоторые птицы не улетают, а прячутся на зиму. В пещерах неоднократно видели много ласточек, которые были, как он пишет, «совершенно... обнажены от перьев».

Почти двести лет назад Г. Р. Державин описывал нечто подобное в стихотворении «Ласточка»:

О, домовитая ласточка!
О, милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка.

Это начало стихотворения. Все в нем ясно и понятно. Непонятен конец:

Но видишь и бури ты черны,
И осени скучный приход,
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.

Вот видите, Державин знал, что касатка прячется в пещере и холодеет.

Ученый и поэт путали правду с вымыслом. И все же они были ближе к истине, чем ученые недавнего времени, считавшие, что птицы просто улетали при похолодании на юг и там пережидали бескормицу. Они не допускали возможности спячки у птиц. Лишь в середине 20-го столетия биологи пришли к убеждению, что ласточки, стрижи, козодои и некоторые другие птицы цепенеют. Раньше и не подозревали о таком «чуде» в жизни насекомоядных¹.

А теперь настало время разобраться в населении птиц-небожителей, которых мы видим в городском небе. Рекордсмен среди них — стриж: он летает две трети своей жизни. Стрижей несколько видов. В Москве живет черный, или башенный стриж. Когда-то стрижи гнездились в расщелинах скал, да и сейчас гнездятся, но с появлением городских зданий птицы приспособились устраивать гнезда на колокольнях и башнях, гнездились и за наличниками маленьких домиков. Каменный город с многоэтажными домами — самое удобное место для стрижа: чем выше дом, тем, наверное, для стрижа лучше. Теперь стриж — самая городская птица.

Правда, в районах новостроек стриж живет реже, чем в старом городе: негде строить гнездо. Архитекторы ГДР для новостроек крупных городов — Берлина, Ростока, Дрездена, Шверина — спроектировали керамический блок с углублениями для птичьих гнезд. Его монтируют в верхний этаж нового здания. Это подарок преимущественно стрижам.

---

¹ По-видимому, стрижи и ласточки пользуются оцепенением нерегулярно, а в крайних, экстренных ситуациях, будучи застигнуты непогодой «врасплох». Они с трудом выходят из этого состояния. Ласточки в массе погибают через несколько дней оцепенения (см. М. В. Колоярцев. Ласточки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989). Стрижи частью тоже гибнут, а частью просыпаются спустя значительное время после того, как неблагоприятные условия прекратятся. С этим, видимо, связаны поздние, октябрьские наблюдения стрижей в средней России.

Как мы уже писали, стриж не может сесть ни на землю, ни на воду, ни на толстую ветку дерева: все четыре когтистых пальца его маленькой лапки обращены вперед. Стриж может прицепиться ими только к вертикальной стенке. Но летает он отлично, лучше всех. В воздухе он кормится: ловит насекомых. Скорость полета стрижа может превышать сто километров в час, и за время выкармливания птенцов он пролетает расстояние, равное длине кругосветного путешествия на широте Москвы.

Но как же он строит гнездо? Оно обильно выстлано перышками. Стриж, оказывается, ловит перо в воздухе. Ветер поднимает перышки: в деревне — куриные, в городе — голубиные, а стриж хватается их, иногда — у самой земли.

Гнездится стриж очень поздно, нередко селится в скворечниках, после того, как в первых числах июня из него вылетят скворчата¹.

Казалось бы, что эта птица, как сизый голубь и городской воробей, должна быть знакома каждому горожанину. Но мало кто видел стрижа на близком расстоянии, он вьется высоко-высоко над городом. Его путают с ласточкой. Даже на картине К. Ф. Юона «Купола и ласточки» на фоне куполов изображены серпокрылые стрижи.

Стрижи относятся к отряду длиннокрылых, в то время как все наши ласточки — воробьиные птицы. Некоторое сходство в полете понятно: те и другие ловят насекомых в воздухе, у тех и у других — быстрый, маневренный полет, а потому длинные крылья и вильчатый хвост. Основатель систематики Карл Линней объединил ласточек и стрижей, да еще ночную птицу козодоя, которая ловит насекомых на лету, в один отряд расщепноклювых. У всех — крошечный клювик и огромный рот с перьевыми щетинками вокруг, увеличивающими площадь «сачка» для ловли насекомых.

Ласточка и стриж сильно различаются по голосам. Ласточка-касатка щебечет не очень звонкую, но вполне приятную песню. Стриж визжит. Он может испугать, если вдруг с пронзительным визгом пронесется пулей поблизости от человека. В городе мы его не замечаем, а он несет немалую службу: ведь кормится он только насекомыми.

---

¹ Стрижи могут гнездиться и в дуплах деревьев, правда, бывает это редко (см. Е. С. Птушенко, А. А. Иноземцев. Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968; наблюдения на Переславщине).

Птенцов он кормит редко, не более раз двадцати в сутки, но зато приносит сразу множество мелкой добычи. У одного стрижа во рту орнитологи нашли правильной формы шарик, который состоял из двенадцати крупных комаров и 372 обычных мелких насекомых: комаров, мошек, тлей. Даже при двадцати кормежках птенцы одного гнезда получают около 7000 насекомых в день, а за весь сравнительно долгий ход выкармливания — более ста тысяч.

В августе число стрижей возрастает за счет вылетевшей из гнезда молодежи. Стрижата растут очень долго — 35 дней. Почему-то жарким летним вечером стрижи летают над центральной частью города. Может быть потому, что каменный город все еще дышит дневным теплом, теплый воздух поднимается вверх, а из пригородов на его место поступает охлажденный воздух вместе с массой аэропланктона.

В Москве издавна гнездились городские ласточки. Около десяти лет назад их колония располагалась в начале улицы Пушкина (ныне — Б. Дмитровка), в самом центре города. Теперь ласточек в Центре нет: не из чего лепить домики-шарики. Обычно ласточка после дождя собирает размокшую глину на земле и из комочков лепит гнездо. Но вот «грязи»-то в центре города и не осталось — всюду асфальт¹.

И ласточка, оставаясь городской птицей, все дальше отодвигается к окраинам, бывает, что ее преследуют в городе: шестом сбивают гнездо вместе с кладкой или даже с птенцами. Оправдывают это тем, что гнезда портят внешний вид зданий. Кроме того, ласточки пачкают пометом стекла, если гнездо расположено в амбразуре окна. Проемы окна можно сделать гладкими, и ласточки не смогут прилепить к окну грязь, даже уцепиться за стену. А уж если ласточки построили гнезда, то нельзя уничтожать птицу.

Чтобы ласточка гнездилась там, где удобно людям, в ГДР вешают на домах отлитые из бетона искусственные гнездовья. Можно ограничиться установкой уголков с шероховатыми стенками, куда птица может прилепить свое гнездо.

---

¹ В настоящее время городская ласточка в Москве почти пропала. Интересно, что это случалась и раньше. К. Ф. Рулье писал об этом в статье «Куда девалась городская ласточка?» Переписку по этому поводу вел журнал «Отечественные записки» в 1848—1851 годах.

Только на окраинах города можно увидеть любимицу русского народа — деревенскую ласточку, или касатку. Крайние хвостовые перья у нее очень длинные — как две косицы. Не касатка поселяется в городе, а город приходит к ней, когда расширяет границы и в свою черту включает пригородные села и деревни. Касатка в далеком прошлом — пещерная птица; потом она приспособилась лепить свои чашеобразные гнезда в полумраке чердаков и сараев. Но на месте сел вырастают новые жилые кварталы города, и деревенские ласточки исчезают вместе с деревенскими постройками.

Третья из среднерусских ласточек — маленькая бурая береговушка. В Москве она встречается очень редко. Живут береговушки многосотенными колониями вне города в обрывистых берегах Москвы-реки выше и ниже по течению, а в Москве есть только одна колония — на Щукинском полуострове¹.

1976

КОЛЬЧАТАЯ ГОРЛИЦА

Если бы потребовалось назвать птицу XX века, то орнитологи Европы, вероятно, единодушно сказали бы, что это — кольчатая горлица. За последние десятилетия этой птице были посвящены сотни научных статей, тысячи газетных сообщений. Из неизвестного и малочисленного обитателя Балканского полуострова она стала знаменитостью среди пернатых. И все это потому, что кольчатая горлица побила все рекорды скорости естественного расселения птиц на нашей планете.

Родина кольчатой горлицы — Малая Азия. По-немецки она так и называется *turkentaube* — турецкий голубь. К двадцатым годам 20-го столетия горлица, однако, заселила побережья Эгейского и Адриатического морей на Балканском полуострове и стала европейской птицей. И вот этот лесной голубь вдруг начал гнездиться в городских парках. Считают, что эта новая особенность поведения и послужила толчком к расселению горлинка. Она начала один за

---

¹ Колонии береговушек есть сейчас также на правом берегу реки Москвы ниже Карамышевской плотины, отдельные гнезда — в Коломенском и у устья реки Городни.

другим заселять города на Балканах, растекаться на север, а потом на запад и восток. Сначала движение было медленным — почти двадцать лет понадобилось, чтобы дойти к северу до Карпат. Потом — все более стремительным. В тридцатые — пятидесятые годы были заселены Чехословакия, ФРГ, Франция, птицы перелетели Ла-Манш, оказались в Лондоне, заняли всю Великобританию до Шотландии.

Столь же быстро горлинка двигалась на север. Через Польшу и Данию она проникла в Швецию и Норвегию. Уже к 1957 году птицы освоили огромную территорию в 1,7 млн. квадратных километров, практически всю Центральную и Западную Европу, кроме Испании и Португалии: Пиренеи оказались для них непреодолимой преградой. Расселение продолжалось, и за столетия кольчатая горлица стала обычным жителем тысяч городов Европы, от Атлантического океана на западе до бассейна Волги на востоке, от Средиземного моря на юге до Скандинавии на севере.

В Советском Союзе кольчатая горлица впервые появилась в 1941 году, в Кушке — самой южной точке нашей страны. Это были птицы из восточной части своего первоначального ареала. Здесь, в Азии, расселение шло относительно медленно. Не то было в Европе. Первые мигранты были обнаружены в Ужгороде в 1944 году. Карпаты не были препятствием для продвижения птиц на север, и через пять лет они появились во Львове и Львовской области. Предположительно известно и место, где в пределах нашей страны птицы форсировали Карпаты. Это был Свалявский перевал, в то время горлинка стала гнездиться в Сваляве, в южном предгорье Карпат.

Львовские горлинки были оседлыми. Первая же зима была суровой, морозы доходили до 25 градусов, но мигранты успешно перезимовали и их расселение продолжалось. К 1955 году птицы заселили Кишинев, Киев, к 1960 году — Одессу, города Прибалтики. В то же время первая горлинка была встречена в Бресте, а через четыре года в городе гнездились около ста пар. В Минске заметили одиночную птицу в стае сизых голубей в 1962 году, а в 1963 году отметили парочку. Самая недавняя из достоверно известных нам встреч — город Волгодонск Ростовской области. Это значит, что к настоящему времени птицы прошли Украину и пересекли Дон.

Горлинки заселяют парки в больших городах, таких как Париж и Киев, но также и в таких малых, как древний Туров на Припяти. Здесь голубок ворковал, сидя на телевизионной антенне самого высокого и самого центрального здания города — двухэтажного универмага. Через дорогу, в маленьком городском парке, на тополе было гнездо. Удивительное дело — в городе были и гораздо более удобные группы деревьев для гнездования, но там горлинки не селились: рядом были маленькие домики сельского типа, а горлинка — птица-горожанка.

Теперь, заселив Украину, Белоруссию, Прибалтику, мигранты осваивают города России. В семидесятых годах кольчатая горлица стала обычной птицей в Курске и Воронеже. И вдруг летом 1974 года поступило два сообщения: кольчатую горлицу видели и в Москве. И оба раза в Гагаринском районе, на юго-западной окраине, то есть с той стороны, откуда скорее всего можно было ждать поселенцев. А затем новые сведения: воркующий голубок — на Ваганьковском кладбище. Это уже совсем не окраина города, хотя еще и не Центр.

Но, может быть, все эти встречи птиц — всего лишь повторение истории с майнами? Среднеазиатских скворцов много раз привозили в Москву, продавали в зоомагазинах. Любители частенько выпускали майн из клеток, и вот теперь эти птицы живут, зимуют и даже гнездятся в Москве. Может быть, встреченные горлицы тоже были выпущены из неволи? Беда в том, что не было никаких сведений, кроме как из Воронежа, есть ли уже расселяющиеся горлинки на ближних подступах к Москве.

В теплые дни октября я много ходил по городскому парку Тулы, расположенному в самом центре города, расспрашивал старожилов... В Туле горлинку обнаружить не удалось. Не было ее, по видимому, и в Серпухове. Но вот из Калуги на мой запрос пришел ответ другого рода. Да, в мае на городском кладбище пара горлинок строила гнездо. Да, уже к осени пара птиц, возможно та же, держалась в километре от прежнего места.

И наконец зоолог, профессор Л. В. Шапошников рассказал мне, что в Рязани горлинки живут не первый год. Сомнений нет. В Москве — те кольчатые горлицы, которые расселились естественным путем.

Кольчатая горлица — приятное приобретение для москвичей. Этот маленький голубок очень изящен. Светло-коричневая окраска

с розоватым оттенком неярка, но красива. Резко выделяются только бархатно-черное полукольцо на шее да белая кромка хвоста, особенно хорошо заметная при взлете птицы. Главное достоинство горлинки в том, что она предпочитает держаться на деревьях в парках, а не на домах и памятниках, как сизые голуби. У московских орнитологов возникла даже мысль акклиматизировать в Москве кольчатую горлицу. Она опередила эти планы и сама заявила в столицу.

Горлинка гнездится очень рано. 30 апреля в Бресте птицы были уже на гнездах. У них бывает несколько выводков за лето, и гнезда с птенцами встречаются иногда даже в ноябре. Гнездятся птицы отдельными парами, но близко одна от другой, и быстро заполняют территорию. Молодежь вынуждена искать новых мест — продолжать миграцию. Зимой горлинки собираются в небольшие стаи — по 10—25 птиц. В Белоруссии птицы оседлые, в Воронеже, по видимому, перелетные. Потребуется еще годы, чтобы кольчатая горлица заселила все парки столицы.

Итак, восточная граница распространения кольчатой горлицы, установленная в 1975 году: Ленинград—Великие Луки—Клин—Ногинск—Рязань—Саранск—Казань—Куйбышев—Саратов—Дубовка—Волгоград—Волгодонск—Ростов-на-Дону—Ейск—Новороссийск. Кольцо почти замыкается. Совершив огромный круг расселения, из Малой Азии через всю Европу, кольчатая горлица приближается к своей исконной родине через Кавказ¹.

1976—1982

---

¹ В 1980-е годы продолжалось расселение кольчатой горлицы на север, хотя и более медленными темпами. К 1990-м годам она появилась даже в Кандалякше и Мурманске. А Москву она освоить не смогла: лишь в некоторые годы появлялись ее отдельные пары, но их гнезда почти всегда разорялись серыми воронами. Более или менее стабильная популяция есть в Люберцах, время от времени токующие самцы появляются в Косине, а также в селе Бесово на юге Подмосковья (Каширский р-н).

НЕЯСЫТЬ И ЕЕ РОДСТВЕННИКИ

Совы — незаслуженно гонимые птицы. Ночной образ жизни, нередко пугающий голос, необычная внешность — все это издавна создало совам ложную репутацию вестников несчастья: «Из пустого дупла либо сыч, либо сова, либо сам сатана», «Сова не принесет добра»...

Однако мало найдется птиц, которые приносят людям столько добра, ведь сова спасает урожай от грызунов.

Все у совы приспособлено для ловли мышей. Бесшумен ее полет — грызун еле слышит подлетающую птицу. У совы отличное зрение, она видит почти в полной темноте. Еще лучше слух: сова слышит даже малейший шорох, точно определяет расстояние до места, где пискнула мышь, и безошибочно хватается когтистой лапой добычу.

Пожалуй, самое интересное вот что. Когда в природе мышиный год — много мышей, — совы отлично размножаются: они раньше гнезятся, больше откладывают яиц, гнезятся повторно. Были случаи, что гнездование затягивалось до зимы. Зато в год мышиную депрессии, когда даже совам-родителям не хватает корма, они совсем не гнезятся: ведь важно сохранить жизнь уже живущим птицам, а будут мыши — будут и птенцы¹.

Бывает и так: мышей расплодилось очень много и вдруг — эпизоотия, повальный мышиный падеж. А у сов в это время большие выводки. Чем кормить птенцов? Птенцы все разные, от крошечного пуховичка до вполне оперившегося, с родителей ростом: сова откладывает по яйцу через день и насиживает с первого яйца. В такой год, год нехватки пищи, совы-родители кормили старших птенцов, а младшие слабели и даже погибали. Погибшего съедали родители. Жестоко? Да, жестоко. Но для сохранения вида полезно.

Сова — ночная птица. Поэтому даже в брачную пору приходится слышать ее, а не видеть. Самый громкий голос у самца серой неясыти. Бывает, что он еще в марте начинает свою призывную песню: «Гу-гу-гуу!»). Гулко и очень громко, за километр слышно и похоже на песню кольчатой горлицы, хорошо известную жителям наших южных городов.

---

¹ Иногда, в неурожайные на мышевидных грызунов годы, совы-родители поедают своих птенцов, или старшие птенцы — младших.

Сейчас сов повсеместно становится все меньше и меньше. И не потому, что хуже стало с кормами или изменились условия гнездования. Нет. Сова часто попадает под выстрел браконьера-охотника, и слишком много случаев разорения гнезд (при этом больше всего страдают совы, гнездящиеся в дуплах).

Защитой для сов в какой-то мере стали города. В городах не стреляют в сову. И корм у птицы есть: в годы падения численности грызунов совы, живущие в городе и вокруг города, переключаются на питание воробьями. Жаль, конечно, воробышков, но совы для нас полезнее, дороже. К тому же воробьи свою численность восстанавливают в первое же лето.

Однажды сова зимовала около Московского университета. Там на здании, под карнизом, в маленьких нишах ночевали воробьи. И сова приспособилась лапой на лету вытаскивать воробьев!

Вообще в Москве встречается не менее десяти видов сов, а представители пяти видов гнездятся в городе. Москвичи постарше помнят год, когда в декабре у самого здания Моссовета можно было видеть филина. Целый день ему докучали вороны: каркали, пикировали на него, правда, безуспешно. Он сидел на крыше, вертел головой и щелкал клювом. Но когда смеркалось, роли менялись: ночью филин обедал вороной. Зимой 1977 года среди домов Орехова-Борисова летала и присаживалась на балкон уральская сова — длиннохвостая неясыть¹, высматривала, чем бы поживиться. В Москве встречаются три вида сычей: домовый, мохноногий и сычик-воробей, но гнездится более или менее постоянно только первый из них. Залетает в город южная маленькая совка — сплюшка, ее можно встретить в теплое время года, когда в ранние сумерки она летает низко над землей, выслеживая мышей на пустырях. Гнездится сплюшка на земле².

Регулярно гнездятся в Москве совы двух видов: ушастая и обыкновенная, или серая неясыть. В парках каждый год живет несколько десятков ушастых сов. Это не так уж много для территории, которую занимает столица, и все-таки в городе птиц больше, чем в Под-

---

¹ Длиннохвостая неясыть — не уральская сова, она гнездится и в Подмосковье. Просто ее латинское название *Strix uralensis*.

² Сплюшка гнездится преимущественно не на земле, а в дуплах деревьев, старых сорочьих гнездах и в скворечниках. Если и известны случаи гнездования на земле, то они очень редки.

московье на той же площади. По-видимому, численность ушастых сов возрастает. Дело в том, что ушастая сова не вьет своего гнезда, а использует старые вороны или сорочьи. Таких гнезд в городе предостаточно, и ушастая сова появляется там, где ее раньше не было. Ухитряется гнездиться и оставаться в городе на зимовку серая неясыть, хотя она вьет гнездо в дупле, а дупло в городе найти не так-то просто. Поэтому неясыть чаще в городе только зимует, хотя уживается в нем легко. На дневке в одном из парков насчитали около 200 неясытей. А несколько лет назад в молодом сосняке близ Орехова-Борисова обнаружили стаю из 27 птиц.

Совы, как и другие хищные птицы, отрывают и выбрасывают погадки, то есть продолговатые комочки — остатки шерсти, костей и перьев. По ним зоологи точно определяют, чем питалась сова. Так вот, у неясыти, зимовавшей у Главного ботанического сада, в полутора сотнях погадок, собранных под елкой, где отдыхала сова, было найдено 134 черепа серых полевок, 13 черепов лесных мышей, а также остатки других грызунов и мелких птиц. Значит, в городе зимой неясыть ловила мышей. Неясыть, зимовавшая в районе Павелецкого вокзала, ловила крыс у складов.

Есть возможность задерживать в городе зимующих неясытей, развешивая искусственные гнездовья-дуплянки больших размеров. В лесу Подмосковья неясыть чаще всего селится в дуплах черного дятла, а они диаметром около 18 см. Вот такая необычно большая дуплянка и нужна сове. Можно посоветовать любителям птиц попробовать изготовить домики-совятники.

Привлечь неясыть в городские парки нужно не только для борьбы с грызунами, а прежде всего для того, чтобы познакомить горожан с полезной, таинственной и очень красивой птицей. В лесу увидеть ее нелегко.

У всех видов сов глаза желтые, у филина даже оранжевые, это придает им «злое выражение лица». А неясыть черноглазая, только красный ободок век несколько портит приятное впечатление от ее симпатичной рожицы¹. Впрочем, разглядеть сову можно в зоопарке, а в природе если и заметишь бесшумный силуэт птицы на фоне неба, то это бывает ночью, и в темноте не разглядишь, сова ли это. Редко встретишь сову днем, она прячется где-нибудь в густой елке. Бывает, ее обнаруживают вороны или сороки и такой поднимают

---

¹ У бородатой неясыти тоже светло-желтые глаза.

переполох, что заставляют свернуть с дороги и посмотреть, что случилось в лесу. Удачи вам на такую встречу!

1979

СКОЛЬКО УТОК В МОСКВЕ?

Сидя однажды на садовой скамейке в Главном ботаническом саду, я увидел женщину с девочкой, они шли по асфальтированной дорожке. Девочка ела булку. А маму и дочку догоняли селезень и утка. Они бежали, спешили, переваливаясь с боку на бок, а когда догнали, селезень забежал вперед и вытянул шею. Девочка стала бросать кусочки булки уткам. А я порадовался тому, как быстро можно дикую утку убедить в нашем добром к ней отношении, как приятно бывает доверие наших меньших братьев и как важно все это для воспитания добрых чувств.

Ранней весной парочки уток перелетают над улицами города. Летом нередко можно увидеть и утку с утятами, бесстрашно подплывающих к берегу пруда. А зимой привлекают внимание скопления диких уток на полыньях Москвы-реки. Дикие они теперь только номинально, на самом деле — почти ручные. К осени начинается оживление на больших московских прудах. Сюда утки стягиваются с мест размножения: с прудов и прудочков, которых в столице более 300. К зиме более всего собирается уток на полыньях, там, где есть сбросы теплой воды, и возле мостов.

Водоплавающих птиц давно используют для украшения водоемов. Классической фигурой среди них стал лебедь-шипун, известный как парковая декоративная птица со времен средневековья. Из городов мира ранее других был украшен водоплавающими Лондон. Он и сейчас славится множеством полувольных уток, гусей, лебедей. Рижские орнитологи привезли в свою столицу утят разных видов диких уток и вырастили их на канале в центре города. Птицы прижились и стали городскими. Недавно кряковые утки появились и в Ленинграде. Однако, если в Ленинграде утка на городском водоеме еще вызывает восторг и удивление¹, для москвичей это — привычное явление.

---

¹ В Санкт-Петербурге зимовка крякв теперь тоже стала обычным явлением.

В декабре 1956 года было принято решение Мосгорисполкома о заселении прудов столицы водоплавающими птицами. Больше всего птиц оказалось на Чистых, Пионерских и Новодевичьих прудах. Организаторы эксперимента стали думать, как не допустить отлета одичавших птиц на зимовку. Особенное опасение вызывали кряквы, так как их было абсолютное большинство и они летом свободно перелетали с одного пруда на другой. Предлагали им подрезать перья на крыльях, как это делают хозяйки курам, чтобы не перелетали через забор. Но средство действительно до первой линьки. Предлагали ампутировать конец крыла, как делают в зоопарках, но это значит: пожизненная инвалидность птицы. Решили рискнуть и сохранить уткам полет.

Утки не улетели. Когда стали считать кряковых, тут-то и обнаружилось невероятное: их число не только не уменьшилось, но увеличилось более чем вдвое. Проверили, дома ли зоопарковские утки — все они оказались на месте, да и было их меньше, чем появилось в городе. На Чистых прудах вместо 40 уток стало более ста, на Пионерских прибавилось птиц еще больше.

Оставалось предполагать, что к городским кряковым подсели и остались на зимовку дикие пролетные утки. Это подтвердилось впоследствии. Возможно, так и возникла популяция диких городских кряковых уток¹.

13 января 1985 года в Москве был впервые проведен учет численности зимующих уток. В этом непростом деле принимали участие многие москвичи. Их вклад оказался весьма существенным. Конечно, было немало дублирования подсчетов, однако повторные данные оказались отнюдь не напрасными. Ведь утки не сидят круглые сутки на одном месте, у них есть места наиболее безопасных ночевок, надежных «столовых», куда они улетают регулярно и на разное время. К концу января была получена итоговая цифра: восемнадцать тысяч уток. Соотношение числа уток и селезней в среднем 5:6.

Отношение москвичей к уткам и вообще к природе города, конечно, почти всегда доброжелательное. В письмах часто выражается тревога за судьбу «голодающих» птиц. В подтверждение пишут, что

---

¹ По последним данным, происхождение городской группировки водоплавающих птиц, особенно кряквы, тесно связано с определенным этапом развития самого города.

обнаружили ослабевшую утку на снегу или уже погибшую и расклеванную воронами. Иногда бывает: увидел человек в большой полынье на Москве-реке сотню-другую уток и подумал, как им, наверное, холодно в мороз сидеть на воде, где им найти пропитание?! И написал в газету: «Обратите внимание, помогите уткам!»

Это очень хорошо, что людей тревожит судьба пернатых обитателей нашего города, но можно успокоить их: утки зимой в Москве чувствуют себя не так уж безнадежно плохо. Ведь если они изменили свой веками установленный стереотип поведения и стали не перелетными, а оседлыми птицами, значит это для них лучше. Что же касается мертвых уток, которых действительно случается видеть на водоемах, где зимуют стаи птиц, то и это неизбежное, естественное явление. Утки смертны, как и все живое, и, конечно, именно в трудное зимнее время гибель части их будет заметнее. Ведь если в Москве более 15 тысяч уток, это значит, что по крайней мере полторы тысячи птиц в год должны погибнуть естественной смертью, даже если не будет ни хищников, ни болезней, ни голода¹.

Утки, находящиеся летом и зимой на территории города и его зеленой зоны, неприкосновенны. Они — украшение нашего города, а он для них — своего рода заповедник. Здесь, в Москве, утки при содействии москвичей организовали «ферму» и снабжают окрестные охотничьи хозяйства молодь², выращенной за «свой утиный счет». Зимующие в Москве утки вынуждены весной разлетаться по Подмоскovie. В городе условия гнездования ухудшаются, причин этому несколько, главная — бетонирование берегов прудов, которые часто становятся ловушкой для утят³.

<около 1982>

---

¹ Оценка уровня смертности городских крякв основана, вероятно, на представлении о замкнутости популяции. В настоящее время эта замкнутость не вполне подтверждается.

² Гнездование московских уток в охотничьих хозяйствах Подмоскovie пока не подтверждено объективными данными.

³ Главная причина — не бетонирование, а уменьшение количества укрытий, где утки могут делать гнезда.

НОЧНЫЕ ОХОТНИКИ

В одной книге о жабе написано вот что: «Это животное совершенно холодное и влажное, все отравленное, ужасное, противное и вредное. Съеденная жаба вызывает смерть, дыхание и взгляд ее также вредны, от них человек бледнеет и обезображивается». Написано это было в 1551 году швейцарским врачом и зоологом Геснером в его «Истории зоологии». Забавно, не правда ли?

А теперь вспомним, что мы сами знаем о жабе и что слышали от дедушек и бабушек. Во-первых, от жабы бывают бородавки. Признайтесь, верите? А на Вологодском севере старики рассказывали другое: жабы, оказывается, выдаивают коров. Есть местности, где верили, что жабы, якобы, отравляют колодцы. И так далее, и тому подобное. Так что не стоит смеяться над Геснером, ведь он жил более четырехсот лет тому назад.

Почему же так много небылиц сложено про жабу? Прежде всего потому, что жаба — животное ночное, неизвестное. Считается, что она не только некрасивая, но просто безобразная. С этим, конечно, можно не согласиться, особенно, когда помотришь, какие у жабы замечательные, многоцветные, золотисто-оранжевые глаза.

Не бойтесь взять жабу в руки, бородавок от нее не будет. Но посмотрев, положите обратно на землю — ведь никто не любит, когда его ни с того, ни с сего трогают, и жабы тоже. Защитные выделения бугорчатой кожи жабы действительно ядовиты и имеют неприятный запах. Хищные птицы это знают: если какой-то птице за неимением лучшей добычи приходится поймать жабу, то прежде чем съесть, с нее обязательно сдирают кожу, но мы-то не собираемся жабу есть! А если подержим в руках, ничего не случится. Влажная кожа жаб и лягушек убивает все микроорганизмы, попадающие на нее. Выходит, что жабы и лягушки — самые чистые животные в природе: их кожа стерильна.

Хорошо, если жаба поселится на огороде. Каждую ночь обходит она дозором грядки и хватает все, что пошевелится: выбрасывает вперед липкий язык, отправляет прилипшее насекомое в рот. Она так быстро «стреляет» языком, что человеческий глаз не может заметить движения: было насекомое — и нет его! Разумные хозяева используют жаб: собирают в лесу и выпускают в свой огород. Жабий век — 40 лет, и все это время жаба трудится, вылавливая насекомых. Правда, на зиму жаба, забравшись в какую-нибудь норку

или щель, впадает в спячку, а весной уходит в ближайший ручей, речку или пруд для размножения. Жаб существует несколько видов. Больше других известны две — обыкновенная, или серая, жаба и зеленая, разрисованная зелеными пятнами. У этой даже голос красив. Ночью в маленькой речке в пору размножения самец поет свою призывную трель. Трель однотонная, громкая и звучная. Многие ее слышали, и не раз — ведь зеленые жабы поют по ночам даже в городе.

Ночью деятельны и летучие мыши. Когда я был мальчишкой, мне говорили, что летучая мышь садится человеку на голову и запутывается в волосах, и мы, ребяташки Подмосковья, верили в это¹. Верили и в то, что летучая мышь садится на белое. Помню, как потом, когда я стал взрослее, мы пытались ловить летучих мышей на простыни: расстилали их на земле, вешали между деревьями на открытых местах, даже над водой. Зверьков летала тьма, и хотя бы один заинтересовался нашими простынями. И в голову не вцеплялись...

Что ни местность, то свои легенды про летучую мышь. И это понятно, видят ее только ночью и только в полете. Кто знает, где и как она живет? А если случается держать летучую мышь в руках, то ее свирепая зубастая мордашка с маленькими глазками немногим кажется симпатичной. А летучая мышь — полезнейший наш сосед. Весь день проводит она на чердаке, в дупле, в скворечнике, а ночью ловит насекомых, причем находит их замечательным способом: не зрением, не обонянием, а эхолокацией. Зверек в полете издает ритмичные звуки высокой частоты — ультразвуки, не воспринимаемые человеческим ухом. Если впереди насекомое, звуковая волна отражается от него, летучая мышь слышит эхо, мгновенно направляет полет в сторону насекомого и настигает его с помощью своего эхолокатора.

Летучую мышь можно привлекать в искусственный домик, его делают так же, как любой скворечник или синичник, но с летком внизу, а сверху устраивают поперечины, к которым летучая мышь может прицепиться коготками задних лап. Ведь целый день она спит вниз головой в компании себе подобных. В Воронежском за-

---

¹ Видимо, у зверька, попавшего в освещенную комнату, плохо отражающую ультразвук, происходит «сбой ориентации».

поведнике для летучих мышей делают долбленные дуплянки, в них зверьки поселяются еще охотнее, чем в дощатых.

Трудно стало жить в пригородах ежам. Народу в лесу стало бывать много, и в сумерках, когда еж выходит на ночную охоту, вероятность встретить человека для него стала очень велика. Из десятка встречных находится кто-нибудь, кто ежа поймает, а потом пожалует отпустить колючий трофей и повезет домой, в город. Это необдуманное действие оборачивается бедой для ежа. Он возится всю ночь в своей коробке, куда его посадили, а если пустили бегать по комнате, то так топают по полу, как-будто у него на лапках копыта. Днем, когда бы с ним и позабавиться, еж спит, разбудишь — свертывается клубком и пыхтит, как паровоз, — пугает: значит, сам боится. И вот на семейном совете или единоличным приказом главы семьи ежа решают убрать. На ежиную родину ехать некогда, выпускают его в городском парке, куда можно доехать на метро или трамвае. Вот почему в городах теперь еж — не редкость. Только плохо ему в городе, корма мало, а врагов много.

Так что не нужно ловить ежа, зверек полезный, ест грызунов, крупных насекомых. Майские жуки во время лета — главная пища ежа. Еж — лесной зверь и нужен лесу, выловить же ради забавы всех ежей в пригородном лесу — опасность вполне реальная.

Ночные охотники, о которых здесь рассказано, — друзья человека. Небылицы, про них сочиненные, неприязненное, а порой враждебное к ним отношение прививается обычно с детства и переходит из поколения в поколение. Почему для нас лягушка зачастую — неприятное, поганое животное, которое и в руки-то взять противно, а для французов и итальянцев — любимый деликатес? Так уж повелось, такова сила условностей и привычек.

Нельзя, конечно, заставить человека изменить свое отношение к тому или другому животному, но можно и должно требовать, чтобы он не проявлял этого своего отношения, если оно во вред природе.

ПЕРНАТЫЕ ЗИМОВЩИКИ

Вот сидят снегири на сирени у самого входа в продовольственный магазин. Кормятся эти птицы тихо, незаметно занимаются своим делом. Сотни людей проходят совсем близко мимо них и ничего не замечают. Только мусор на снегу, широко разметанный мартовским ветром, выдает птиц. Наблюдательный прохожий подумает: почему здесь набросано столько семян? Поднимет, посмотрит, а семян-то и нет, одни пустые кожурки. Глянет вверх и непременно увидит их, спутников русской зимы, снегирей.

Стайки их обычно небольшие, всего 3—5 птиц, и обязательно хоть одна из них — самец. Различить птиц не составляет труда. Как сказал поэт Н. Асеев, «у самца на груди — отраженье зари, скромно-серые перья у самочки». И вот уже остановились люди, вслед за первым любознательным рассматривают эти живые зимние цветы на голых ветках.

Возле нашего дома на одной снегириной кормовой территории растут рядом венгерская сирень, татарский клен, а чуть подалее — две куртины ясеня. Неделю птицы обрабатывали сирень, съели все до семечка, потом перешли на татарский клен, а потом уже на ясень. Очевидно, более всего они предпочитают семена сирени, затем татарского клена и в последнюю очередь — ясеня.

Снегири — главные, хоть и не самые многочисленные, но зато самые известные птицы-зимовщики. Многих пернатых, поедающих лесные ягоды, причисляют к полезным за то, что они переносят или распространяют семена. Но не таков снегирь. Он раздавливает ягоду рябины своим могучим клювом, мякоть бросает, а из семян с завидной скоростью достает ядрышко. Оболочка ягодных семян не переваривается. И если под рябиной на снегу набросаны раздробленные ягоды без семян, это — верный признак: кормились снегири. В урожайный на рябину год воробьи, подражая снегирям, раздавливают ягоды клювом и вышелушивают ядрышко рябиновых семян. Это умение распространилось потом на многих воробьев города. А потом случилось вот что... На куртине татарского клена возле дома в начале зимы не было снегирей. А в марте вдруг появились, и сразу — десятка полтора. Только что-то они показались мне маловаты... Подхожу ближе — домовые воробьи! Только одна птичка среди них оказалась самочкой снегиря. А кругом весь снег усыпан летучками кленовых семян, которые снегирихе «помогали» есть воро-

бы. Несколько дней самочка неотлучно была в этой куртине, то одна кормилась, то в компании воробьев. Потом появились еще четыре снегиря. Время голодное, весеннее, пока всего не съедят, отсюда не уйдут. Корма им хватило всего на три дня. Накопили жирку — горючего для полета — и в путь, домой, на север. Перестали, конечно, сюда летать и воробьи. Этот случай очень интересен. Объяснить его можно только так: один умный воробей наблюдал, как едят семена клена снегири, попробовал сам, и у него получилось. От одного воробья научились еще многие, и стало снегириное искусство достоянием широких воробьиных «масс». И кормятся воробьи на московских кленах в роли снегирей.

Где это видано, чтобы голуби садились на рябину и кормились ее ягодами? А в снежные морозные зимы кормятся. Сам смотрел из окна, как голубь передвигается по тонкой ветке к ягодам: идет-качается, того и гляди упадет, а доберется до рябиновой грозди — сколько усилий требуется неумелой птице, чтобы сорвать ягоду!

Даже московские вороны и галки понемногу обирают ягоды на вершинах рябин. Снежная зима ставит любопытные эксперименты: вместо отсутствующих крышек на мусорных контейнерах покрывается мусор снегом. Это вызывает бедствие! Вороны меняют поведение, они много передвигаются в поисках пищи, сейчас же обследуют свежие отбросы — нет ли чего съестного? Мы наблюдали такую картину: на дорожке кормились пять голубей. Прилетела ворона и села на дерево. Голубей как ветром сдуло! Похоже, что вороны охотились на голубей не от случая к случаю, а постоянно, и голуби уже это усвоили. Иначе откуда у них такой страх перед вороной, такая паническая боязнь?

Зимняя Москва за последние полтора-два десятка лет стала несравненно богаче птицами-зимовщиками. Причина этому — выросли и стали плодоносить деревья и кустарники, птичьи кормильцы. А сажать разнообразные плодовые и ягодные растения¹ в городе начали только в послевоенные годы. Обычны теперь на московских рябинах хохлатые свиристели, северные гости, раньше невиданные в Москве птицы. Бывают и совсем диковинки: «птицы, похожие на снегирей, но гораздо крупнее» — так описывают их москвичи. И действительно, птица с красной грудью и красной, а не черной, как

---

¹ Имеются в виду, видимо, рябина и боярышник, на которых ягоды сохраняются до весны.

у снегиря, головой — щур, редкий у нас гость из северной тайги. «Финский попугай» — так его называют в Ленинграде, где он сравнительно частый зимовщик. В Москве массовые зимовки щуров встречаются редко, раз в два десятка лет, когда на севере урожай рябины плохой, а в Москве — хороший¹.

Каждой птице зимой нужны свои привычные корма. На обширных пустырях, еще не освоенных строительством, кочуют по репейникам стайки щеглов. Само название показывает, что щеголяют они своей нарядной одеждой. И тем не менее пестрое, яркое оперение щеглов — пример великолепной маскирующей, «расчленяющей» окраски. В этом нетрудно убедиться, заметив стайку щеглов, опустившуюся на куртину репейника. Подойдите к ним, попробуйте рассмотреть. Кормятся щеглы молча, почти не передвигаясь, и если не знать, что они здесь, поблизости, заметить стаю совсем непросто.

Синицы приспособились ранней весной, когда раскрываются шишки хвойных деревьев, вытаскивать за летучки семена из шишек. Важным кормовым деревом для этих птиц стала лиственница. Если осень теплая, лиственница становится доступной птицам уже в октябре. Повсеместно, а не только в Москве, синицы используют это явление.

Но первыми москвичи замечают на рябинах дроздов. Красивые крупные птицы с пестрой грудью прежде всего появляются там, где много рябины, — в Ботаническом саду МГУ, в Воронцовском парке, у Дворца пионеров. Затем стаи кочуют по бульварам, дворам, разыскивая даже одиночные, красные от ягод деревья. На фоне снега рябина видна издалека, и обнаружить ее птицам нетрудно — в этом великая мудрость природы. Растения привлекают птиц питательной мякотью ягоды, но оболочка семян предохраняет их от переваривания. Птицы переносят и рассеивают семена на большие расстояния. Уже примелькались за осень и зиму деревья, перегруженные гроздьями ягод, и вдруг — чисто, словно их и не было! Так аккуратно работают только дрозды-рябинники. Они «обрабатывают» дерево за деревом и пока не оберут ягоды на одном, не принимаются за следующее, соседнее. Очень полезная привычка для экономного использования зимнего корма. Правда, в морозные дни много ягод дрозды роняют. Слишком хрупкие в это время плодо-

---

¹ Зимовка щуров в Москве теперь — исключительно редкое явление.

ножки. Но в лесопарках и это на пользу разным мелким зверькам — мышам, полевкам, даже зайцам. Ведь сами они не могут залезть на дерево за ягодами.

Слетают дрозды на рябину с ближайшего дерева, где сидят стаей, склонут две-три ягоды и — снова на дерево. Сидят там долго, поглядывая по сторонам. Создается впечатление, что зимой они более пугливы, чем летом. Однако осторожность здесь ни при чем. А виноваты зимние морозы. Дрозды, как и свиристели, глотают ягоды целиком. И чем сильнее они заморожены, тем больше тепла нужно, чтобы отогреть. Если птица сразу набила зоб и желудок, она, вероятно, погибла бы от переохлаждения. Вот и приходится дроздам и свиристелям оттаивать свой корм маленькими порциями и поэтому кормиться понемногу целый день. А при плюсовой температуре дрозды лакомятся по-другому: подолгу сидят на рябинах, пока не наедятся ягодами до отвала.

Когда будете любоваться дроздами, попробуйте различить их виды. Самые многочисленные у нас всегда — дрозды-рябинники. Они же и самые красивые — у птиц серая голова, коричневая спина, светло-серое надхвостье и черный хвост. У всех прочих видов дроздов верх одноцветный, бурый. Почти в каждой стае встречаются более мелкие, чем рябинники, дрозды: певчий и самый маленький — белобровик, он действительно с яркой белой бровью, заметной даже издали. Очень редко в дроздовых стаях встречается и черный дрозд¹.

Всего несколько лет назад дрозды-рябинники стали вдруг обычными птицами города. В Главном ботаническом саду, в Останкино и на Ленинских горах колонии этих птиц насчитывают по несколько десятков гнезд.

С наступлением морозов прибывают и другие птицы-зимовщики — короткохвостые хохлатые свиристели. Когда сидят свиристели на вершине высокого дерева, перекликаются изредка свистящими голосами, то кажется, что они скромной бурой окраски. Красоту свиристелей, а в народе называют их «красавы», можно разглядеть только вблизи. По концу хвоста желтая полоса. На крыле — желтые пятнышки. И самое удивительное, совершенно уни-

---

¹ Певчий дрозд и белобровик на зимовке встречаются в средней полосе исключительно редко.

кальное для птиц украшение — красные костяные пластинки на концах кроющих перьев крыла и рулевых.

Вернемся к снегирям. Могут они кормиться и семенами березы, лебеды, конского щавеля. Главная польза снегиря в том, что он красив и украшает природу. Все его знают, все его любят за внешность. Никакими другими выдающимися качествами снегиря не обладают. Песня красногрудых самцов довольно неказистая, напоминает тихий скрип немазаной телеги.

Птенцов выкармливают семенами растений. Но в любом городе красавец-снегирь, конечно, — желанный зимний гость. Можно использовать особенность птиц надолго задерживаться там, где много корма. Не боясь людей, снегиря у кормушки живут всю зиму возле школы, во дворе дома или даже в людном сквере в центре города, вызывая восторги прохожих своей доверчивостью и красотой.

На березах, как всегда, кормятся чечетки и чижи, нередко образующие смешанные стаи. Самцы чижей зеленые, а чечеток — красногрудые: чем старше птица, тем ярче наряд. На березовых бульварах, например на Университетском проспекте, чижи и чечетки с осени встречаются не всегда, но обязательно — в конце зимы, когда возвращаются к себе на север. В эту пору на снегу под березами, где кормились стаи, — ковер из мелких летучек-семян березы.

Все это — пролетные гости столицы. Они украшают город, доставляют людям немалое удовольствие своей нарядной внешностью. Их присутствие зависит от урожая плодов рябины или семян березы, ясени, сирени, а не только от нашей заботы о них. Но в Москве зимуют и птицы, которые требуют непременно к себе внимания, о которых необходимо позаботиться. Среди них главное место занимают синицы.

С первым снегом, с первыми морозами прилетают из Подмоскovie вместе с выводками большие синицы¹. Прежде всего они навещают места, где в прошлом году были кормушки. Если вы хотите завести стайку синиц возле своего окна — не зевайте, прилетные синицы могут пристроиться к чьей-нибудь чужой кормушке.

Вот простейшие кормушки для синиц. Литровую стеклянную банку в горизонтальном положении привязывают к перилам балко-

---

¹ Синицы в настоящее время не только прилетают из Подмоскovie, немало их и оседло живет в Москве.

на. Если банку закрыть крышкой с прорезанным в ней летком диаметром 3,2—3,5 см, то это увеличит полезный объем кормушки и затруднит пользование ею воробьями.

Недоступна для всех птиц, кроме синиц и поползня, кормушка из перевернутого вверх дном цветочного горшка или плоской консервной банки. В отверстие дна просунута палочка так, что ее толстый конец выступает на 5—10 см над дном, а тонкий — на 10—15 см над краями банки.

Банку заполняют горячим кормом, сильно сдобренным растопленным жиром. В корм годятся крошки хлеба, мелко нарезанные сырные корки, остатки каши, овсяная крупа «Геркулес», рубленые шкварки от перетопленного жира и многое другое. Банку привязывают вверх дном к ветке, и синицы кормятся, прицепившись к палочке под кормушкой.

Еще одна кормушка годится для всех мелких птиц, включая воробьев, но недоступна для голубей и ворон. Это неглубокий ящичек с фанерным дном, размером приблизительно 20—30 см. Во внутренних углах прибивают через дно чурбачки, высота которых на 3,5 см больше, чем высота боковых стенок. Сверху прибивают к чурбачкам крышку. Это фанерка несколько большего диаметра, чем дно. Кормушка готова. В щель между бортом ящика и крышкой может пролезть только маленькая птица.

Из зерновых кормов для синиц лучше всего подсолнухи, конопля. Хороший корм — семена дыни, тыквы, немногим хуже — арбуза.

На кормушках для синиц кормятся и лазоревки, иногда гаички, москочки, поползни, случайно зазимовавшие зеленушки и даже большие пестрые дятлы. На кормушках, сделанных без хитростей, можно встретить двух видов воробьев — городского и деревенского, можно встретить и скворцов, которые теперь зимой в Москве — совсем не редкость.

Уже февраль в теплую зиму становится для птиц весенним месяцем: зазвенели песней синицы, устроились около скворечников зимовавшие в городе скворцы. Вороны всегда рано начинают гнездиться, а в теплую зиму уже в первой декаде февраля распределяют гнездовые участки.

Зима бывает совсем особенной из-за высоких урожаев семян ели и ягод рябины. Белки оказываются превосходно обеспеченными кормом: семена хвойных деревьев — их основная зимняя пища. В

лесу под елями скапливается огромное количество нагрызенных белками чешуек и стерженьков от шишек. Тогда в следующий сезон резко возрастает численность этих зверьков. В такие зимы гнездятся в лесу клесты.

Ель в лесу кормит много всякой живности, но ее урожай бывает так велик, что многие елки никем не бывают тронуты и остается достаточно семян для самосева. Так, семена могут умчаться по насту за несколько километров от родного дерева. Сухие морозные дни после оттепели особенно благоприятствуют раскрытию шишек.

Уже в феврале на городских елках и лиственницах появляются стаи чижей и чечеток, иногда вместе со стайками синиц — гаичек, лазоревок. Птички «подвешиваются» к шишкам снизу и вытаскивают за «крылышко» семена, так как шишки к этому времени уже наполовину бывают раскрыты. Первую половину зимы чижи и чечетки кормятся семенами березы, да видно, маслянистые семена хвойных деревьев им больше по вкусу.

«Гнилая» зима благоприятна не для всех обитателей леса и поля. Для мелких грызунов губельны зимние оттепели с последующими морозами. Снегу за зиму может выпасть в Подмоскowie не так уж мало, например, но он несколько раз может стаивать. Вода заливает норки грызунов, а последующий мороз превращает их в лед, покрывая землю сплошным ледяным панцирем. Тогда следующим летом число грызунов будет самым незначительным, и много времени потребуется для его восстановления. Только зверьки, сохранившиеся в норах на крутых склонах и в других недоступных для снеговой воды местах, дадут потомство, которое потом и расселится. А не будет мелких грызунов, не станут гнездиться совы — птенцов нечем кормить. Белка станет разорять гнезда мелких птиц. Но зато дятлы наготовят много дупел, которые через лето перейдут к мелким птицам-дуплогнездникам.

<около 1982>

ГРАЧ — ПТИЦА ВЕСЕННЯЯ

Утром 29 февраля мне позвонили по телефону: «А вы знаете, скворцы уже прилетели!» Я не знал и не поверил, но когда часом позже взглянул в кухонное окно на скворечник, что висит во дворе на осине, сам увидел скворца. Скворечник уже с зимы был облюбован домовым воробьем, и он, судя по угрожающим позам, пытался возражать непрошеному гостю, только скворец на него внимания не обращал. Потом, в марте, начались изрядные морозы и метели, словом, зима опять вытеснила весну. Не появлялись больше и скворцы. Откуда же взялись они в Москве зимой? Ведь много лет прилет скворцов отмечается в последней декаде марта, а то и в начале апреля. Конечно же, скворцы были не прилетные, а наши, московские. Вот уже несколько лет начали скворцы оставаться осенью в городе и благополучно зимовать¹. Весной они раньше прилетных могут найти себе жилище, вот и выгода оседлой жизни! А прилетным скворцам, опоздавшим к «распределению жилплощади», остается либо улетать из города, либо оставаться в нем на холостом положении. Когда появляются в апреле прилетные скворцы, уже невозможно установить, какой скворец поет: зимовавший в городе или весенний гость.

Не одни только скворцы, но и некоторые другие перелетные птицы, ставшие горожанами, утратили инстинкт перелетности. Оседлы теперь галки, вороны, грачи и тысячи кряковых уток, которые теперь так украшают водоемы столицы и удивляют приезжих своей доверчивостью. Не очень понятно, как могли выжить в морозной Москве и стать ее оседлыми обитателями южные скворцы — индийские майны. Это потомки майн, отловленных в Средней Азии, привезенных в Москву и купленных любителями птиц в зоомагазинах. Их выпускали на волю, и они всем на удивление не погибали, а зимовали и успели изрядно размножиться за последние годы, особенно на восточных окраинах Москвы². Майны занимают обычные скворечники из тех, что побольше и леток у которых пошире, ведь

---

¹ Количество зимующих скворцов в 1990-е годы в Москве опять сократилось.

² Майны зимовали в коровниках по периферии города и исчезали по мере их закрытия. По сообщению руководителя кружка юных натуралистов клуба «Восток» Е. К. Рогова, в наши дни эти птицы сохранились в Андреевке под Зеленоградом, Калининке по Павелецкой ж.-д. линии и некоторых других местах.

эти красивые коричневые птицы значительно крупнее наших обыкновенных скворцов.

Весна у птиц в Подмоскowie начинается с прилетом грачей в середине марта. Сельские жители с утра поглядывают в эти дни на прошлогодний грачевник: не появились ли хозяева. Приятно и радостно первым провозгласить дома, в школе, на работе торжественную фразу: «Грачи прилетели!» Однако москвичи лишены такого удовольствия. В Подмоскowie грачей еще не было и в помине, а в городских грачевниках стоял весенний галдеж крикливых птиц: грачи уже выясняли, где чье гнездо и у кого громче голос или крепче клюв. Дело доходило и до потасовок¹.

Эти грачи — тоже птицы московские. Не зря они мерзли зимой, кормясь где придется вместе с воронами. Вот теперь, с первыми же теплыми днями, могут они начинать гнездовые дела. Никуда лететь им не нужно, они у себя дома.

Московские грачи стали оседлыми еще раньше скворцов, лет двадцать тому назад. И очень давно, уже несколько десятилетий, оседлы галки и серые вороны. Эти последние существуют в Москве в двух категориях: есть у нас вороны оседлые, есть и перелетные, только не те, которые улетают на зиму на юг, а те, которые прилетают с севера к нам зимовать. Когда московские вороны были перелетными, они зимовали во Франции, в южной Германии, там же, где подмосковные грачи. На смену улетеvшим появлялись на зимовку другие, и многие москвичи считали тогда, что вороны оседлы, раз они круглый год попадают на глаза. В 1980 году, в начале марта, когда еще многие из них совершали кормовые полеты, я увидел ворон, которые среди бела дня «отклевывали», стараясь сломать, по березовой веточке в насаждениях вдоль Университетского проспекта. Они строили гнездо на ближней елке. Ситуация знакомая. Оседлые вороны начинали гнездиться по крайней мере на две недели раньше перелетных. Они уже с зимы стерегли свои гнездовые участки.

Вот и получается, что птичья весна начинается для москвичей не с появления грачей и скворцов, как у других жителей средней полосы России, а с прилета чаек и чибисов, птиц заметных и в Москве теперь обычных. Первые появляются в Москве уже в двадцатых

---

¹ Грачи тоже постепенно исчезают из Москвы по мере сокращения площади сельхозугодий, но зимующих птиц пока много.

числах марта. Чайки в основном — обитатели озера Киёво, знаменитой подмосковной многотысячной колонии, которая в это время еще находится подо льдом¹. Чибисы все чаще гнездятся на окраинах Москвы на сырых лугах, пустырях и даже на пашне.

Из традиционных вестников весны только полевой жаворонок по-прежнему неизменно появляется с первыми проталинами на полях. И у этих птиц город меняет сроки прилета. Снег в городе стаивает быстрее, проталины на пустырях образуются раньше, чем на полях, вот жаворонки и оседают в городе. Они пережидают, когда весна продвинется дальше на север и можно будет продолжать перелет. И поют они, невидимые, где-то в небе, выше шпиля Московского университета, только в бинокль и можно разглядеть трепещущую в вышине громкоголосую птаху. Жаворонки заканчивают первую волну прилета самых ранних птиц. А в апреле птицы начинают прибывать «валом»: что ни день, то новые — зеленушки, зяблики, белые трясогузки и многие-многие другие. Им ничего не нужно от людей, кроме одного: чтобы не мешали им жить в нашем городе.

В конце мая заканчивается птичья весна — прилет с юга — и начинается птичье лето — заботы о гнездах, о птенцах... А те насекомоядные птицы, которые ловят свою добычу на лету, только-только возвращаются на родину. Деревенские ласточки появляются в самом начале мая, а городские — в десятых числах.

Завершают прилет птиц в нашем городе стрижи, появляясь в Москве не позже 18 мая. Перед жарким летом они прилетают раньше.

Теперь из птиц Москвы и Подмосковья остается ждать только одну чечевицу². Птица это зерноядная, даже птенцов выкармливает семенами звездчатки и других лесных трав, а прилетает вместе со стрижами и даже позднее. Причина, видимо, в том, что родина чечевицы — Восточная Азия. Медленно расселяясь, она с востока на запад дошла до Балтийского моря, а маршрут ее сезонных перелетов

---

¹ Озерные чайки, начиная с середины 1970-х годов, тоже стали зимовать на незамерзающем русле Москвы-реки, а колонии на оз. Киёво в наши дни не существует.

² Чечевица иногда прилетает раньше стрижей, особенно когда те задерживаются до последней декады мая. Позднее чечевицы, к началу июня, могут появляться перепел, коростель и овсянка-дубровник, которая, как и чечевица, летит из Юго-Восточной Азии, повторяя путь своего расселения, произошедшего довольно стремительно в XIX веке. Последние три вида очень редки в Москве.

повторяет путь расселения. Чечевица — летун весьма заурядный, а пролететь нужно всю Сибирь, вот она и добирается до Москвы только к концу мая.

Чечевиц в Подмосковье не так уж и много, но гнездятся они и в Москве. Птица это настолько заметная и песней, и внешностью, что спутать ее с кем-либо просто невозможно. Ярко-красный самец, сидя на верхушке куста, чаще всего в пойме реки или у ручья, звонко выводит свою песенку, в которой явственно слышится вопрос: «Витю видел?», или чуть длиннее: «Ты Витю видел?», или «Чечевицу видел?» Самочка чечевицы очень похожа на самку городского воробья.

Вот когда послышится песня чечевицы, это значит: весенний прилет птиц закончен.

<около 1982>

КТО ИЗОБРЕЛ СКВОРЕЧНИК?

Письменное упоминание о скворечниках имеется в «Книге для охотников» 1774 года Василия Левшина: «А в Крыму, Малороссии и во многих местах России водятся скворцы по дворам под застрелками, иные хозяева делают для них из бересты нарочные свертки, где им гнезды вить. Таковые дворовые скворцы приятным свистом увеселяют слух человеческий».

По-видимому, первые массовые попытки человека соорудить и предоставить птицам жилье были предприняты гораздо раньше, скорее всего в прошлом тысячелетии в Индии. Индусы издавна гуманно относятся ко всем животным. Индийскому скворцу майне и сейчас развешивают для гнезд сухие бутылочные тыквы. Теперь майн можно встретить и в Москве — их непреднамеренно акклиматизировали здесь любители птиц, а бутылочную тыкву — лагинарию — еще не так давно разводили в некоторых степных лесхозах специально для использования в качестве домиков для птиц в лесопосадках.

В Европе независимо от индусов первыми научились привлекать скворцов жители Нидерландов. Подтверждение этому — некоторые полотна фламандской живописи, на которых, начиная с 1500 года, изображены и скворечники, и птицы около них.

Есть и письменные подтверждения. Профессор Г. П. Дементьев нашел в старинном трактате «О птицах Олины», напечатанном в Риме в 1622 году, изображения скворца и глиняного скворечника рядом. Фламандские скворечники были из обожженной глины, в форме кувшина, плоского с одной стороны. На этой плоской стенке имелось большое, чтобы рука проходила, отверстие. С другой стороны — леток. Скворечник вешали на строениях на гвоздь, плоской стороной к стене. Большое отверстие было, конечно, не для гвоздя. Скворечники, оказывается, развешивались совсем не для охраны скворцов, а наоборот, для использования в пищу птенцов, как только они подрастали.

Еще раньше новгородцы, заселившие северные земли до самого Белого моря, привлекали в долбленых колодах уток-гоголей. В природе они гнездятся в дуплах. Расставляли дуплянки по берегам рек, а когда заканчивалась кладка яиц, объезжали на лодке дуплянки и собирали яйца. Вторую кладку уже не трогали. И сейчас в Дарвинском заповеднике на Рыбинском водохранилище гоголи охотно поселяются в больших, из досок, «скворечниках». Конечно, никто у них кладок не отбирает. И в Москве гоголи гнездятся на некоторых прудах ВДНХ и зоопарка¹. Возродить для них старый обычай — развешивать дуплянки — было бы очень просто. Тогда стало бы возможно разведение в столице этих маленьких красивых нырковых уток.

Ну а собственно скворечник — деревянный птичий домик из досок — впервые появился тоже на Руси. В старину скворечники бывали настоящими произведениями искусства. На отрезке бревна с полостью в центре вырезали фигуры людей, раскрашивали их. Из досок сооружали подобие теремка с двускатной крышей, балконом, украшенным резьбой. Птицам это было не нужно, зато людям приятно. Интересные старинные скворечники хранятся в коллекциях Исторического музея в Москве и Музея игрушки в Загорске. Уже

---

¹ Гоголи в 1990-е годы появились на гнездовании в парках «Измайлово», «Кусково», «Сокольники», в Главном ботаническом саду, на реке Яузе и в других местах.

сама трудоемкость изготовления говорила о том, с какой любовью люди относились к этому делу и обитателям домиков — скворцам.

Профессор Г. П. Дементьев писал, что «судя по всему, именно у сельского населения России впервые возникла мысль об охране птиц по этическим и эстетическим соображениям».

В наше время этот славный русский обычай не только не забыт, но распространился и на города. В районах московских новостроек множество скворечников на деревьях, а где их нет — на балконах. Это новоселы «на счастье» приглашают скворцов поселиться рядом.

Немецкий ученый Хеннике в большом «Наставлении по привлечению птиц» 1912 года издания приписывает «изобретение» скворечника немецкому же зоологу Г. Ч. Глогеру. Уместно по этому поводу привести несколько строк из протокола заседания Комитета по акклиматизации животных от 14 февраля 1857 года в России. Ученый секретарь комитета А. П. Богданов выслал из Берлина «шесть искусственных гнезд, придуманных знаменитым Г. Ч. Глогером». Что же это за искусственные гнезда были изобретены? В «Отчете о действиях» того же Комитета говорится: «Он (Глогер) придумал устраивать искусственные гнезда для этих птиц, нечто вроде наших скворечников». Из этих записей видно, что в это время скворечники не были у нас новинкой, а гнезда Глогера были устроены подобно им. В чем же заслуга ученого? Во-первых, в том, что Глогер первым предложил делать гнездовья разных размеров, рассчитанных не только на скворца, но и на других птиц, а во-вторых, и это главное, в том, что привлекать птиц предлагалось прежде всего с хозяйственными целями для защиты растений от насекомых.

В 1898 году вышла книга барона Ганса фон Берлепша «Всеобщая защита птиц», которая была переведена почти на все европейские языки. В своем имении «Зесбах» Берлепш испытывал модели сверленных дуплянок для птиц разных размеров. Фабрика фирмы Шейде начала массовое производство этих гнездовий. Книга переиздавалась много раз, ее роль в пропаганде птиц и их привлечении была огромной.

К настоящему времени предложено много новых моделей скворечников, синичников, галочников, совытников и прочих птичьих гнездовий, их изобретение продолжается. В нашей стране наиболее распространено ящичное, сделанное из досок, гнездовье упрощенной конструкции с открывающейся крышкой без наклона, предложенное автором в 1949 году.

Обычны три размера: скворечник, синичник, малый синичник. В заповедниках Германии и ряда других стран вместо досок применяют отливки из цемента с опилками в качестве наполнителя. Они практически вечные, хорошо держат тепло и стоят недорого, на них не расходуется дефицитная в Европе древесина. В некоторых странах работают фабрики, выпускающие гнездовья.

Для широкого использования птиц в качестве биологического средства защиты от вредителей парков, лесов, плодовых садов назрела необходимость массового выпуска искусственных гнездовий и в нашей стране¹.

У каждого народа есть свои любимые птицы. На Украине, в Белоруссии, Прибалтике, например, издавна почитают аистов. И во всех уголках нашей страны — скворцов, которые очень отзывчивы на приглашение поселиться даже в самом, казалось бы, незатейливом скворечнике.

В 1920-х годах на Московской биостанции юных натуралистов в Сокольниках организатор школьного «Дня птиц» Н. И. Дергунов впервые опытным путем начал определять требования к гнездовьям разных видов птиц. Однако мы не скоро научились привлекать птиц определенных видов, и то лишь некоторых. Оказалось, что не только размеры и форма гнездовья важны для птиц, решающими могут быть и другие показатели: внутренняя освещенность, температурный режим, цвет гнездовья.

Маленькая черно-белая мухоловка-пеструшка может стать самой массовой насекомоядной птицей, привлекаемой в городские парки, а также в приусадебные сады. Домики для этих птиц делают из просушенного теса толщиной 2—2,5 см. Внутреннюю сторону досок строгать нельзя, наружную — желательно. Лучшие размеры: дно внутри — 10 x 10 см, расстояние от дна до низа летка — 10—12 см, то есть вся высота домика снаружи — около 20 см. Важен диаметр летка: не менее 2,8 и не более 3,0 см. Для пеструшки он достаточен, для городского воробья — мал. При большем летке именно воробьи не дают пеструшкам поселиться в синичниках. Пеструшки любят светлые внутри гнездовья и охотно заселяют сделанные из новых досок. Через несколько лет доски темнеют, освещенность внутри уменьшается и заселенность гнездовий резко снижается.

---

¹ Видимо, актуальнее привлекать птиц из эстетических соображений.

Однако достаточно побелить синичник изнутри обычной побелкой, и эта птица снова охотно поселяется там. Окраска гнездовья снаружи в зеленый цвет повышает привлекательность домика для птиц. Гнездовая территория пары пеструшек невелика — от 0,5 до 1 га. На 1 га парка могут гнездиться до 10 пар. Значит, расстояние 25—35 м между гнездовьями наиболее выгодное.

Высота развески гнездовий в городе должна быть побольше, чем в лесу или саду, это обеспечит их сохранность. Если говорить о направлении летка, лучше учесть, что направление на восток — юг птицы, в общем, предпочитают. Но нужно избегать северо-запада: с этой стороны обычно идут косые холодные дожди, которые могут залить дуплянку.

Прикрепить синичник к дереву лучше всего алюминиевой проволокой: она не повреждает кору. Крышка должна открываться, чтобы можно было осенью вычистить домик, но от ворон ее нужно надежно «застегнуть» гвоздем или проволокой.

Сложнее привлечь на гнездование больших синиц. Синичник для них нужен сравнительно большой: дно — не менее 12 x 12 см, общая высота — 25—30 см, круглый леток — диаметром 32—35 мм. Синицы не терпят щелей и любят полумрак, поэтому домик изнутри лучше покрасить морилкой или слабой марганцовкой.

Развешивать синичники лучше в марте, пока синицы не ушли от кормушек. Гнездовая территория пары синиц — около 1 га. А так как они гнездятся дважды в сезон, синичники лучше развешивать парами, в 10—30 м один от другого. Когда самец докармливает птенцов первого выводка, самочка уже насиживает вторую кладку.

Размер домика для скворца: дно — 14 x 14 см, высота — 30 см, диаметр летка — 47—50 мм. В последние годы численность скворцов в городе достаточно велика¹, они ведь уже привыкли здесь гнездиться. Поэтому первоочередное внимание следует уделить привлечению мелких насекомоядных птиц.

<около 1980>

---

¹ С 1990-х годов численность скворцов в Москве снова стала сокращаться.

БЫЛ ЛИ ЛЕС НА ЛЕСНОЙ УЛИЦЕ?

Москва начиналась среди непроходимых лесов, она развивалась и росла в лесном окружении. Самые древние живые памятники истории — 500-летние дубы в Коломенском — ровесники образования Московского государства, а столетних деревьев в нашем городе великое множество.

Былые и современные зеленые насаждения столицы упоминаются в названиях некоторых московских улиц и переулков. Так, около Серпуховского вала находилась Орловская роща. Этой рощи давно уже нет, она вырублена еще в прошлом веке, но память о ней сохранилась в названиях двух Рощинских улиц и пяти проездов. А четыре улицы и семнадцать проездов Марьиной рощи образуют целый большой район города. И это название подчеркивает былую лесистость северных окраин столицы.

Лесных улиц в Москве две, однако название первой из них, наиболее известной москвичам, начинающейся от площади Белорусского вокзала, связано не с лесом, его здесь в XIX веке, когда улица получила имя, уже не было, а с лесными складами. Но другая Лесная улица вошла в состав Москвы вместе с территорией присоединенного к ней в 1960 году села Ивановского, восточнее Измайловского парка.

Несколько улиц носят имена московских дубрав. Некогда подмосковная деревня Дубровка сохранила память о себе в названиях двух Дубровских улиц и переулка близ станции метро «Пролетарская». Близость дубов отражена и в названии Дубовой рощи в Останкине. Кстати, самые большие дубовые массивы в Москве сохранились именно здесь. Они раскинулись на территории Главного ботанического сада Академии наук СССР и Парка культуры и отдыха имени Ф. Э. Дзержинского.

Немало было в городе раньше сосновых лесов, но они сохранились хуже, чем дубравы, память о многих из них осталась только в названиях, например, Подсосенского переулка близ Покровских ворот. На северо-востоке Москвы, в Бабушкине, дачный поселок 1920-х годов «Красная сосна» включает 18 улиц, или линий того же названия. И дачный поселок «Серебряный бор», и Боровая улица близ станции метро «Семеновская» тоже названы по близости с сосновыми насаждениями. Наконец, Боровицкая площадь с выходящими на нее Боровицкими воротами Кремля получила свое наиме-

нование от соснового бора, который в древности покрывал весь Кремлевский (Боровицкий) холм.

Подмосковные леса со временем становились московскими парками. Близ Измайловского парка расположены 1-я — 16-я парковые улицы. Парковая аллея вошла в город вместе с присоединенным к нему Перовом.

После 1945 года, когда в Останкинском лесу был основан Главный ботанический сад АН СССР, поблизости от него возникли четыре Ботанических проезда. С другой, западной стороны сада появились Ботаническая и Малая Ботаническая улицы. Однако в Москве есть и Ботанический переулок значительно более древнего происхождения, он существует уже около ста лет и был назван по старейшему в нашей стране Ботаническому саду, расположенному в начале проспекта Мира.

1980

ОСТАВЬТЕ РОЩИ СОЛОВЬЯМ

Мне думалось, что уж соловья-то слышал каждый, но один недавний случай разуверил меня в этом. Небольшой компанией мы возвращались поздно вечером с Потылихи по тропе вдоль высокого правого берега реки Сетуни. Разговор шел о птицах. Вдруг от реки послышалась длинная, монотонная, но очень звучная и красивая трель. Мы остановились. «Так вот она, соловьиная трель, как это прекрасно!» — сказала одна из моих спутниц, а две другие благоговейно слушали. Я смутился и решил, что самое лучшее — промолчать. Это была... весенняя трель самца зеленой жабы!

Давно уже возведены постройки на месте ивняка в пойме Сетуни, где жил соловей с Потылихи, заровняли бульдозером «соловьиную яму» в «Парке Дружбы» у станции метро «Речной вокзал», вырублен подлесок в роще по речке Язвенке. Благоустроен памятник истории и природы — Царский, или Голосов овраг: расчищены заросли по его склонам и вместо двух Царских прудов по руслу оврага сооружены два прямоугольных бассейна. Бетон вытесняет живую природу, не только соловьев, но даже и водоплавающих уток!

Мы говорим о соловьях, но они — лишь показатель сохранности живой природы в городе. Нужно думать о недопустимости уничтожения остатков «естественной» природы: они невозобновимы и поэтому несравненно ценнее, чем любые рукотворные посадки.

Но современный город не только вытесняет птиц с их привычных мест обитания. Для многих видов он стал, напротив, островом спасения, заповедником. В Москве это подтверждает быстрый рост числа скворцов, кряковых уток, появление в городе жаворонков, реполовов, пустельги, ушастых сов, многих других птиц. Но, к сожалению, растет число сорок, ворон, приносящих немало беспокойства городу, уничтожающих мелких певчих птиц. Как регулировать авифауну города и возможно ли это?

Наша деятельность по охране и использованию птиц города должна развиваться в трех направлениях. Во-первых, необходимо установление определенного правопорядка. Во-вторых, должна быть обеспечена охрана городских птиц путем сохранения их местообитаний. В-третьих, надо заботиться о реконструкции авифауны города.

Охрана любых объектов города всегда начинается с закона. Однако растения города и животные, обитающие в нем, не равны перед законом. За срубленное на бульваре дерево положено наказание. Иное дело — подстреленная и замученная птица¹.

Москвичам памятны случаи с лебедями. Первый, которому свернули шею и забрали «на закуску», был знаменитый ручной лебедь Борька. Потом — австралийский лебедь из Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького. Браконьеры получили общественное осуждение, но наказания так и не последовало. Закона, защищающего городскую фауну, нет.

Объединенное решение Мособлисполкома и Мосгорисполкома «Об усилении охраны диких животных в Москве и Московской области» от 1978 года направлено, в основном, на охрану редких и исчезающих видов. Сейчас же вопрос стоит шире: необходима охрана фауны города в целом, и птиц в том числе. Они имеют не только хозяйственное, но и воспитательное значение для москвичей, особенно — подрастающего поколения.

Что касается птиц, важно позаботиться прежде всего о сохранении мест их обитания. В процессе благоустройства исчезают уголки

---

¹ Красная книга Москвы (2001) имеет силу юридического документа.

природы, сохранившиеся в городе, разрушаются сложившиеся жизнеспособные биоценозы. Уничтожение «соловьиных мест», которое описано выше, вырубка подлеска в парке, бетонирование берегов городских водоемов — все это осуществляемое в плановом порядке благоустройство природы губительно отражается на фауне: исчезают птицы, стимулируется размножение некоторых видов вредных насекомых, бурно цветет вода, загрязняя водоемы.

Подчас работы по «благоустройству» проводятся в сроки, когда птицы требуют особого внимания. Вокруг зданий Университета, например, было уничтожено самое большое в городе поселение коноплянок во время летнего подстригания живых изгородей, где они гнездились. В Дегунине летом 1982 года начали откачивать воду из пруда именно тогда, когда в нем было около полусотни утят...

Реконструкция фауны птиц города — сложное и ответственное дело. Прежде всего, надо позаботиться о привлечении птиц-дуплогнезdnиков, которые смогут обеспечить защиту зеленых насаждений от вредителей. Это — скворец, мухоловка-пеструшка, полевой воробей, большая синица. Наиболее массовой может стать мухоловка-пеструшка, как вид крайне невзыскательный к условиям местности и к типу домика.

Среди зеленых насаждений Москвы должно находиться не менее 150 тысяч искусственных гнездовий, правильно сделанных и, что не менее важно, правильно развешанных. Тогда за их благополучие можно будет не бояться. К сожалению, практически позабыт замечательный школьный праздник «День птиц». Если он и проводится, то утратил свою былую производственную направленность. Школьники не делают гнездовий для птиц. А сколачивание и развешивание гнездовий могли бы войти, как обязательная практическая работа, в учебную программу учащихся седьмых классов по зоологии¹. В странах центральной и западной Европы, где древесина дефицитна, давно уже перешли на изготовление гнездовий из бетона с опилками в качестве наполнителя. Они сравнительно легкие, очень теплые и могут использоваться довольно долго. Птицы заселяют их даже лучше, чем сколоченные из досок.

---

¹ Развешивание искусственных гнездовий в парках и лесопарках Москвы, правда в небольших объемах, проводится теперь каждую весну по инициативе Союза охраны птиц России.

Особой заботой пользуются у нас водоплавающие птицы. Но среди них массовыми стали только кряквы. В то же время не представляет труда умножить численность других уток, скажем, гоголей, ведь привлекать их в дуплянки умели тысячу лет назад новгородские поселенцы¹. Возникла вольная популяция диких красных уток — огарей, о них тоже стоит позаботиться.

Лебеди содержатся на прудах полувольно, но для них еще многое нужно сделать. Шипуны начали перелетать с одного пруда на другой над городом, но еще не встречаются на Москве-реке, а ведь сотни лебедей живут на Темзе в Лондоне, на Влтаве в Праге, да и в наших прибалтийских республиках вольные шипуны не боятся человека.

Необходимо сохранить уникальное для водоплавающих и околоводных птиц место — бывшие Люблинские поля орошения, где есть единственная в Москве колония озерных чаек².

Мы рассказали о некоторых самых первостепенных заявках на сохранение и реконструкцию фауны Москвы. Стоит добавить, что она трудно выполнима без решения трудной, но довольно актуальной «вороньей» проблемы. Естественно, что все эти вопросы требуют усилий, средств, специалистов. Кто их должен решать?

Прежде всего, нужен орган, компетентный в вопросах охраны живой природы города, состоящий из зоологов, ботаников, гидробиологов, то есть экологов различного профиля. Нельзя возлагать только на общественность всю заботу по охране и привлечению птиц. Она может оказать лишь помощь. Очевидно, руководство практическими работами по привлечению и охране мелких насекомоядных птиц должно взять на себя Управление лесопаркового хозяйства Мосгорисполкома, но только при нем необходим отдел, который будет заниматься непосредственно фауной города.

---

¹ Гоголи увеличили численность в Москве и постепенно расселяются по паркам благодаря созданию в Московском зоопарке летной группы этих птиц, а также привлечению их на ВДНХ на пруды павильона «Охота и охотничье хозяйство».

² Очистная станция в Люблине в 1996 году была закрыта, и Люблинские поля фильтрации к 2000 году прекратили свое существование. Однако мелкие колонии озерных чаек появились в Крылатской и Мневниковской поймах, в г. Долгопрудном, сизые чайки загнездились на Филинском болоте, а речные крачки — на Косинских озерах, ВВЦ, Новодевичьих прудах и в Лефортове.

Вопросы сохранения фауны могут решаться только в комплексе с проблемами отдыха населения, чистоты воды и воздуха, охраны рыб, растений. Фауна Москвы должна занять свое место в хозяйстве города. Животный мир является государственной собственностью — общим достоянием всего народа. Москва должна показать пример развития и образцового выполнения этого основного положения Закона России «О животном мире».

1984

БЕТОН И БЕЛАЯ КУВШИНКА

У известнейших русских художников — Левитана, Серова и Остроухова есть картины под названием «Заросший пруд», а у Поленова их даже две, и обе достаточно знамениты. Чистых и ухоженных прудов в те времена было сколько угодно, но почему-то эти художники, на вкус которых можно положиться, выбирали именно заросшие пруды...

Сейчас в Москве усиленно ведется бетонирование берегов водоемов, а среди них только прудов около трехсот. Называют это благоустройством, но с точки зрения экологии идет активное уничтожение сложившихся экосистем. Обведены бетонной стенкой берега прудов «Парка Дружбы» у Северного речного вокзала, даже остров, который мог бы стать живописным украшением большого пруда, уже забетонирован. В бетонных берегах стоят пруды между проспектами Ленинским и Вернадского, в Олимпийской деревне. Уже одеты в бетон некоторые пруды Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в том числе те, которые можно считать памятниками культуры и истории, существующие с XVIII века.

Работники городского хозяйства утверждают, что бетон нужен, чтобы не оплывали берега. Но пруд — не река с течением, и вряд ли найдется пруд, для которого действительно необходима такая защита берега, как реке или морю. Может быть, речь идет о новых прудах, берега которых еще не закреплены растительностью и действительно могут быть размывы дождями. В таком случае посев трав и посадка кустов — средство не менее надежное.

Выдвигается довод: бетонированный пруд красивее, он индустриальнее выглядит. О вкусах не спорят, но думаю все же, что моск-

вичи рвутся в выходной день за город от бетона. В этом нетрудно убедиться, если изучить общественное мнение. Наверное, если бы жителям окрестностей «Парка Дружбы» был задан вопрос: «Что для них лучше, красивее, горбатые мостики, непреодолимые для пожилых людей и тем более мам с колясками, которые уже построены, или прямые, приспособленные к хождению по ним?», — предпочтение было бы отдано второму варианту. А если бы спросили: «Что лучше — бетонированные или озелененные берега прудов?», — мнение было бы не в пользу бетона.

Мы привели доводы против бетонирования берегов прудов преимущественно эстетического характера. Для многих специалистов они, конечно, малоубедительны. Но вот экономическая сторона дела значительно серьезнее, к тому же она может обернуться проблемой санитарной, затрагивающей всех окрестных жителей, независимо от их взглядов на природу.

В водоеме с бетонными берегами не удастся создать саморегулирующуюся экосистему, так как нет условий для жизни прибрежных высших растений — рогоза, осоки и погруженных в воду — кувшинки, кубышки, элодеи, рдеста, турчи, роголистника¹. Как в бочке с водой, быстро размножаются одноклеточные водоросли, потом они разлагаются с поглощением кислорода и отвратительным запахом. Водоем становится «заморным», все, кто дышит жабрами, без кислорода гибнут.

Гидробиологи приводят пример из практики водоснабжения города. Вот значение биологической самоочистки водоема. Вода из Можайского водохранилища, текущая в естественном русле Москвы-реки, становится чище у Рублевской насосной станции, хотя по пути река принимает немало загрязняющих ее вод. А волжская вода из Учинского водохранилища идет к Москве по закрытому бетонированному каналу и приходит грязнее, чем была в водохранилище.

Индустриализация водных пейзажей города приводит к уничтожению жизни не только в самих водоемах, но и на суше возле них. Кряковые утки, ставшие достопримечательностью природы в столице, гнездятся близ самых маленьких и людных прудов, но у прудов с бетонированными берегами — не могут: утята оказываются в ловушке, попав в водоем, выбираться на берег они не могут.

---

¹ Если дно пруда не бетонировано, то рдесты в нем все-таки растут.

Бетон на берегах вытесняет городских ласточек в округе, так как землю для постройки своих лепных гнезд они берут по берегам. В таких прудах перестают водиться земноводные, так как маленькие лягушата не могут выйти из воды после окончания метаморфоза.

Соловьи живут только возле водоемов. Недавно мы радовались каждому новому певцу, поселившемуся в городе, а теперь изгоняем и соловьев. Более того, ни одна птица не может напиться в водоеме с бетонными берегами. Там, где стенки установлены почти отвесно, в пруду будут тонуть грызуны и другие зверьки, обитающие в лесопарках, а возможно, и домашние животные, случайно попавшие в воду.

При проектировании новых водоемов и благоустройстве старых, при озеленении берегов не предусмотрены островки, заросшие непролазным ивняком и крапивой — соловьиные места, заводы, закрытые для лодок, но хорошо видные с воды, белые кувшинки и тростник — пристанище пролетных и гнездящихся водоплавающих и болотных птиц. Напомню, что в последние годы над Москвой впервые через много лет стали появляться стаи пролетных лебедей, только сесть им в городе пока что негде.

Желание оградить берега водоема от вытаптывания невольно возникает у многих москвичей. Единственно правильное решение — прокладывать улучшенные тропы вдоль берега, несколько отступя от него. Для создания «микрорезерватов» в наименее посещаемых уголках прудов достаточно создавать непроходимые полосы из ивняка шириной до десяти метров по урезу воды, выше по берегу — из крапивы и колючих кустарников. Здесь будут отдыхать утки, жить соловьи и камышевки.

Можно предвидеть, что одно только упоминание крапивы среди рекомендуемых растений вызовет негодование архитекторов, озеленителей. Но это действительно очень нужное растение: только на крапиве гнездится самый неутомимый певец Подмосковья — кустарниковая камышевка, на земле под ней строит гнездо соловей. Крапива — корм гусениц красивейших декоративных бабочек — адмирала, дневного павлиньего глаза, крапивницы. Семена крапивы — хороший корм для многих зимующих птиц. Наконец, крапива — одно из самых надежных защитных растений летом: в ее чащу не полезет ни человек, ни собака.

Когда мы хотим охранять, преобразовывать или воссоздавать живую природу, прежде всего мы должны достаточно ясно пони-

мать, что представляет собой экосистема, с которой мы имеем дело и в жизнь которой вмешиваемся. И при решении проблем городского хозяйства, если они как-либо затрагивают природу города, нельзя обойтись без экологии.

Озеленители еще не очень хорошо знают эти вопросы. Вот и идет благоустройство живой природы по линии не экологии, а инженерных сооружений. Беда в том, что никто не занимается практическими разработками создания простейших, но надежных водных и околородных систем в городе. А эти трудные, но неизбежные вопросы надо решать в тесном содружестве проектирующих организаций и ученых-экологов.

1981

ЦВЕСТИ ЛУГАМ В МОСКВЕ

Город наш прекрасен. В нем много зелени и цветов. Чтобы сделать его еще лучше, еще красивее, миллионы цветущих растений высаживают ежегодно на клумбах города. Однако и сама природа помогает нам в этом.

Видимо, прежде всего из-за особенностей почвы в разных концах нашего огромного города массовыми стали разные виды растений. Поезда Курского направления, например, Москва встречает куртинами желтых цветов. Трудно поверить, что так декоративна может быть обыкновенная пижма. На Ленинском проспекте, возле универсама «Москва» из цветущих самосевных растений постоянно встречаются только два — цикорий и пижма. Они превосходно растут там, где вытоптан мятлик и даже вездесущий одуванчик. Голубые цветы крупные, а листья мелкие, издали полянка кажется лазурно-голубой.

Когда автобус после моста через реку Сетунь поднимается в гору, на Ломоносовский проспект, в открытые окна врывается медовый аромат. Так пахнет желтый, или лекарственный донник.

Ромашка непахучая с разрезными «укропными» листьями во многих районах — наступающее на город растение. На окраинных незастроенных пустырях возникли целые поля, белые от цветов. Да и не только на окраинах, а, например, в парке у северного выхода станции метро «Ленинский проспект».

Иван-чай есть теперь повсюду. Большая куртина есть на улице Дмитрия Ульянова. Близ аллеи Партизан Подмосковья, у проспекта Вернадского в небольшой ложине разбросаны целые группы кустарников. Между ними — цветущий благоухающий луг. Среди трав господствует кипрей. Вот бы сохранить этот уголок среднерусской природы, никем не сажёный, никем не ухоженный и такой прекрасный!¹

Сохранить нелегко. Сильно пощипаны и помяты куртины кипрея. Слишком много охотников за букетами, считающих, что все, что растёт в городе, принадлежит только им. Дикорастущие травянистые растения находятся за пределами интересов озеленителей. Цветы-дикари растут сами по себе. У них нет хозяина и некому о них позаботиться. Только одно дикорастущее растение пользуется их непрерывным вниманием. Это — одуванчик, признанный злостным сорняком городских газонов. С ним ведётся многолетняя упорная борьба, дающая, однако, сравнительно малые результаты. Причина безуспешности битвы с одуванчиком довольно проста: нарушение естественного соотношения видов растений в биоценозе и обеднение почвы в скверах и на бульварах.

Каждую осень тщательно собирают граблями лиственный опад и увозят его или сжигают, что ещё хуже, истощая верхний слой почвы и лишая злаки с их короткими корнями питания и влаги. В то же время такая система «ухода» за растениями не препятствует одуванчику с его длинным корнем брать воду с большой глубины. Мятлик и другие злаки сами заглушат одуванчик, если не сгребать опавшие листья. Как ни красив цветущий газон с одуванчиками, приходится причислить его к сорнякам: очень уж быстро он отцветает и слишком настойчиво повсюду расселяется.

Можно подумать о вселении в город многих дикорастущих цветов, вернуть их туда, где они когда-то росли во множестве. Например, хорошо приживается таволга, она может быть массовым растением города, особенно вблизи воды. Красивы её кремово-белые султаны, аромат цветов медовее, чем у донника.

---

¹ Пижма, цикорий, иван-чай, желтый донник — виды рудеральной флоры, хорошо себя чувствующие на нарушенных участках, где недавно содран почвенный покров; они постепенно заменяются другими растениями, если все «оставить в покое».

В городе три сотни прудов, и почти ни на одном не осталось цапицы вод — кувшинки, белой лилии¹. А выращивать ее — дело нетрудное. Этого добились на своем крошечном пришкольном водоеме юные натуралисты 58-й московской школы-интерната.

Многие газоны города между березками можно засеять цветущим луговым разнотравьем, воссоздать бесподобную красоту среднерусского луга.

Но может быть сейчас важнее не вселять новые виды растений в город, а сохранить то, что уже есть? Недавно на одной из аллей встретились мне две женщины с девочкой-дошкольницей. У всех по большому букету кипрея. Оправдание обычное: «А мы не знали, что нельзя рвать». Почему бы не рвать, считают такие «любители природы», если нет сторожа и никто этого кипрея не сажал? А если сорвешь, имеет право милиция оштрафовать за это?

Такой вопрос задает каждый второй остановленный в Москве обладатель букета цветов летом или веток деревьев с красными, желтыми листьями осенью. Но нужно ли считать, что милиция, общественный инспектор или хотя бы «зеленый патруль» обязательно должны контролировать нас, когда мы гуляем по городскому парку? Охранять природу каждый должен научиться сам.

1979

---

¹ Крупные популяции белой кувшинки есть сейчас в Москве в трех местах: на прудах парка «Кузьминки», на Капустянском пруду в Свиблове, на Серебряно-Виноградном пруду в Измайлове, а мелкие — на Верхнем Алтуфьевском пруду и Карамышевском рукаве Москвы-реки.

ПОЛЕЗНОЕ? ВРЕДНОЕ? НЕТ, ЖИВОЕ!

Когда наступает лето, возможности «открытого урока»¹, воспитания любви к живому и в городе открываются неизмеримые. Впечатления первых лет жизни усваиваются мгновенно и прочно, они как бы навеки запечатлеваются в сознании ребенка. Поэтому дошкольное воспитание в большой мере ответственно за формирование личности гражданина.

Вот «выводок» маленьких москвичей гуляет на бульваре. Дети на газонах собирают одуванчики, потом будут плести венки. Их воспитательница знает, что одуванчик — сорняк, завтра его будут косить, пока не созрели семена, часть уже скосили. С точки зрения ее абстрактного мышления, в собирании цветов при данной ситуации нет ничего предосудительного. Более того, скорее это даже полезное дело. Но с точки зрения конкретного мышления малышей все не так. В таких случаях находится даже оправдание: «Он еще маленький, ему можно». Здесь главная ошибка: большой сам может решить, что можно, а что нельзя, а маленькому нужно помочь не ошибиться.

Вокруг городов на десятки километров уничтожены красивоцветущие растения, в том числе не без помощи воскресных сборщиков букетов. С детства мы считаем своим правом привезти из-за города букет цветов, не думая о том, что в природе цветов этих несравненно меньше того количества, которое отдыхающие горожане хотели бы увезти с собой. А ведь не зря наложен частичный запрет на это расхищение красоты в зонах отдыха так же, как это сделано в большинстве стран Европы! Конечно, нашлись и находятся недовольные: «Всегда собирали!», «Всем хватало!», «На наш век хватит!»

Чтобы любить природу, нужно ее знать. Однако процесс познания нередко вступает в противоречие с процессом воспитания. Для детей, и не только самых маленьких, неизмеримо важнее второе. Вот случайно подсмотренный пример. У забора выросла чахлая космея и расцвела. Воспитательница детского сада сорвала бездомный цветок, села на скамью и, собрав детей, что-то им, очевидно

---

¹ Под термином «открытый урок» К. Н. Благосклонов имеет в виду урок на открытом воздухе, в природе, хотя в советской школе это был чаще показательный урок для комиссии чиновников от образования.

интересное, рассказывала о нем. Потом оторвала лепестки и бросила космю.

Наверно, дети будут знать строение цветка, но при этом им было продемонстрировано право распоряжаться в природе по своему усмотрению. Значительно педагогичнее было бы подвести детей к цветку, рассказать, как трудно ему расти у забора, показать в цветке живое, красивое, требующее защиты, и отойти, вызвав у детей удовлетворение, даже гордость, что никто цветка не только не сорвал, но даже не притронулся к нему.

Мы иногда удивляемся жестокости детей по отношению к животным, которая, к сожалению, нередко переходит в жестокость к людям. Но это не врожденная черта, а воспитанная и преимущественно в раннем возрасте. Жажда исследования свойственна ребенку, он познает мир и с одинаковым интересом вскрывает заводную игрушку и отрывает по одной ноге у паука-сенокосца¹, приговаривая: «Коси, коси, ножка...» Потом вынутому из гнезда птенчику разрывает грудь ногтями, просто нет более подходящего инструмента, с единственной целью — посмотреть, как бьется сердце. Это факт, имевший место. И бывает же, что за сломанную дорогую игрушку взрослые наказывают ребенка, но сами же показывают ему забаву с отрыванием ног сенокосца, поскольку он ничего не стоит.

Это не значит, что нужно запрещать ребенку «исследовательскую» работу. «Нет, так не должно быть. Нельзя отгораживать детей от окружающего нас мира каменной стеной» — говорит В. А. Сухомлинский. Нужно только направить исследование в правильную сторону.

Бывает, в детском садике, переехавшем на дачу, детей вооружают сачками для ловли бабочек. Ребенок бежит за бабочкой, иногда ему удается ее поймать, оторвать крылышки, просто затискать пальцами. А что делать с пойманной бабочкой, никого, кроме ребенка, не интересует. Вот и готово запечатление: все живое, что летает в природе, можно ловить, а поймав, делать с ним что угодно. Попробуйте потом переучить ребенка в школе, но уже не в период запечатлений, а несовершеннейшим из методов — убеждением, доказать ему, что этого делать нельзя.

Впрочем, и в школе метод изучения насекомых часто остается тем же: наловите сачком бабочек, стрекоз, шмелей, умертвите их в

---

¹ Сенокосцы — не пауки, а отдельный отряд членистоногих животных.

морилке, наколите на булавки. И это должен проделать каждый шестиклассник.

Но можно иначе. Внук принес гусеницу, спрашивает, кто это. А я и не знаю, первый раз вижу такую, с длинным белым пятном на спине. Гусеница уже стала утолщаться, должна закуклиться. Мы посадили ее в коробку, и на следующий день вместо нее на крышке висела куколка с золотыми пятнами: первое чудо, поразившее внука. Каждое утро он, проснувшись, осторожно поднимал крышку: висит! И вот однажды — восторг! Рядом с пустой шкуркой куколки сидела красивая живая бабочка с вырезными крыльями! Ее-то мы сразу определили по картинке в книге. Название было необыкновенное: углокрыльница С-белое, на исподе крыльев четкая, будто специально нарисованная латинская буква «С». Логика событий требовала бабочку выпустить, что мы и сделали с некоторой даже торжественностью. А внук теперь все приглядывается к бабочкам: не его ли летает углокрыльница С-белое?

Большинство людей терпимо, даже ласково относится к одному из наших жуков — божьей коровке. Почему? Может быть потому, что в далеком детстве обязательно нужно было посадить осторожно пойманного жучка на ладонь и произносить нараспев общеизвестное, по-видимому, весьма древнее, глупейшее, но очень доброе заклинание: «Божья коровка, улети на небо, там твои дети в золотой карете!», пока она не улетит. Это владимирский вариант, навечно оставшийся в памяти.

И можно привести множество примеров, когда несравненно более полезные животные не пользуются любовью у людей: таковы совы, летучие мыши, жабы...

Мать пишет в редакцию: «Все дети — как дети, играют в мячки, бегают около дома, а моего Сережу днем с огнем не найдешь. Приходит: “Мама, посмотри, какая лягушечка!” — и подает мне зеленую жабу... Как с ним быть?» Вот видите, мать беспокоится, а у сына все нормально, человеческое отношение к живому существу. Очевидно, ее научили в детстве не любить лягушек, вот она и живет, сохраняя детское убеждение, что лягушку в руки брать противно, или вредно, или опасно. А у сына первая встреча с лягушкой, видимо, была хорошей, доброй, некому было, по счастью, сказать ему, что лягушки ужасные и противные, что от них бородавки бьются, или какую-нибудь подобную чушь.

Мне всегда были приятны жабы, именно за их вид. Знаю, откуда это началось: в детстве меня поразила красота глаз пойманной мною жабы. Глаза у нее удивительной окраски! И вот через всю жизнь прошло нежное, я бы сказал, отношение к жабе. В. А. Сухомлинский использовал самых, на мой взгляд, несимпатичных лягушек — жерлянок для воспитания любви к природе у ребят... «Услышали в пруду лягушек-жерлянок — и уже чудесный подводный дворец и колокол из хрустала чудится ребятам, хотя они знают, что это лягушки “умкают”. Я не хочу сказать, что все должны любить лягушек, я считаю только, что не должно их ненавидеть и глупо бояться».

Наша комнатная дворняжка Тепка — очень ласковая собачка и любит маленьких детей, к каждому во дворе подойдет, виляя хвостом и подчиненно приседая, а то и ляжет кверху лапками. Реакция детей различна: либо к собаке тянутся и глядят ее, либо испуганно прячутся за маму. И это всегда точное отражение маминого взгляда на собак: либо никакого значения встрече с собакой не придается, оно привычное дело, либо всегда испуганное: «А она не укусит?» Словно виляющая хвостом собака способна укусить ребенка!

Столь частое: «Не подходи к собаке, она укусит!» — приводит к тому, что ребенок принимает в дополнение к образу собаки навязанный ему страх перед ней, запечатлевает ее не как друга, а как врага. А если к этому еще говорится, что гусеницы вредные, их нужно давить, голуби разносят заразу, их нужно убивать, от кошек бывают всякие болезни, а от жаб бородавки, то у ребенка складывается система боязни и ненависти к живому.

Дети спрашивают, показывая на пойманную гусеницу своей воспитательнице: «Она полезная или вредная?» Ответ «полезная» — гусеницу отпускают, «вредная» — равносильно смертному приговору: тут же насекомое казнят. Думаю, что ответ на подобный вопрос не всегда сможет дать и энтомолог — так относительно понятие вреда и пользы животных. Единственно разумный ответ: «Она живая». А раз живая, нужно отпустить.

Когда мне как орнитологу задают вопрос, нужны ли в Москве сизые голуби и домовые воробьи, я уверенно отвечаю: «Нужны». Нужны они в наибольшей степени самым-самым маленьким москвичам как первые в жизни и «ничейные» существа для определения отношения крошечного гражданина к живой природе. Кошки и собаки в меньшей мере создают это отношение, у них есть хозяин,

который заступится, если обидеть животное, а у голубей и воробьев хозяина нет, они общественные, они как бы модель живых ресурсов страны, и забота о таких вот животных, например зимняя подкормка воробьев, — прекрасное средство воспитания любви к живой природе вообще, бережного отношения к ней. Конечно, последуют доводы разума: голуби разносят орнитозы. Но, во-первых, мы не предлагаем ребятам ловить, брать в руки голубя, а, во-вторых, опасность сильно преувеличена. Нужно сказать, что мы сами бездумно допустили ненормально высокую численность голубей. Нужно заниматься ее регулированием. Но беда, если папа учит трехлетнего сына, вооруженного палкой, не кормить, а бить разносящих «заразу» голубей, это я наблюдал на одной из людных площадей.

Не будем считать задачу воспитания у детей доброго и хозяйского отношения к природе сентиментальной или слишком далекой от практики. В наши дни особого внимания заслуживает воспитание молодежи в духе гуманного отношения к природе. Для самых маленьких граждан нашей страны это значит воспитание бескорыстной любви к живому.

ЧАСТЬ II

К. В. Авилова

МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА

ГОРОЖАНЕ ПОНЕВОЛЕ

Над Москвой-рекой на круче,
Где стоит наш Кремль теперь,
Был когда-то бор дремучий,
А в бору водился зверь.

Н. Кончаловская

Что заставляет животных жить в тесной близости к человеку, в мозаичной и неустойчивой городской среде? Этих причин несколько, и они тесно связаны с ростом и развитием городов. Можно назвать четыре основных.

Во-первых, животные оказываются вовлеченными в развивающийся город и вынуждены существовать в нем. После прокладки в 1960 году Московской кольцевой автомобильной дороги и отчуждения от области в 1984 году 10 тыс. га «резервных» территорий в городе осталась значительная часть Лесопаркового защитного пояса с его богатой фауной. После строительства дамбы, отделившей Финский залив от Балтийского моря, в черте Санкт-Петербурга остались мелководья, а с ними — утки, кулики, лебеди и другие водно-болотные птицы.

Крупные городские природные парки, Битцевский в Москве, Сосновка в Санкт-Петербурге, с виду ничем не напоминают город. Но незаметные на первый взгляд изменения, которым лес обязан частому посещению людьми, неизбежно затрагивают всех. Проложена кольцевая автодорога с интенсивным движением, построен новый жилой район, и все больше людей приходят в лес, разводят костры, вытаптывают заросли, в которых можно прятаться, пугают и беспокоят животных, заставляют их покидать последние укромные места. С такими условиями лоси не могут смириться и обречены на постепенное выселение или уничтожение. Кабаны же нашли удобный выход — ходят за город и обратно по трубам, проложенным для стока дождевой и талой воды. Зайцам и ежам, лягушкам и ящерицам трудно выжить под натиском людей и особенно — собак. Легче тем, кто может «закопаться» в землю, — лисицам, ласкам, землеройкам, полевым, кто умеет прятаться в дуплах, как белки или летучие мыши, плавать, как норки и водяные крысы.

Частое и долгое присутствие людей в городском лесу не всегда угнетает представителей лесной фауны. Формирование сети тропинок и постоянных пикниковых точек меняет структуру участков обитания и путей перемещения, весь ритм жизни многих животных. Остатки пищи, накапливающиеся на местах отдыха людей, привлекают как зверьков — белок, лесных мышей и полевок, так и птиц — соек, синиц, поползней, дятлов, дроздов. Адаптируясь к новой обстановке, они поселяются недалеко от стоянок, привыкают посещать их в определенные часы, а иногда берут пищу прямо из рук человека. Вслед за этим идет и перегруппировка хищников: к местам концентрации мелких животных подтягиваются лисицы, ласки, хорьки, недалеко поселяется ястреб. Обилие вытопанных «лысых» мест и насекомых вблизи мелких помоек привлекает к ним некоторых насекомоядных птиц — мухоловок, трясогузок, зарянок. Фауна мелких птиц в умеренно нагруженном городском лесу оказывается доступнее для наблюдений, так как животные становятся менее пугливыми, чем вдали от города.

Вторая категория городской фауны состоит из тех животных, которых человек сознательно выпускает, привозя с дач, или тех, что убегают из неволи и какое-то время живут в городе. Ежегодно в лесу оказываются попугайчики, канарейки, бурундуки и хомячки, сбежавшие из клеток. Известен случай, когда волнистый попугайчик даже перезимовал в Санкт-Петербурге. Индийских скворцов-майн несколько лет подряд продавали в московских зоомагазинах. За несколько лет на юго-восточной окраине Москвы из беглых птиц сформировалась и несколько десятилетий существовала небольшая колония майн. Летом они вели себя подобно обыкновенным скворцам, на которых похожи и внешне. Зимой эти птицы, не приспособленные к холодному климату, переселялись под крыши коровников скотоводческого комплекса, где находили корм и убежище.

По инициативе Московского зоопарка в Москве были расселены лесные утки-гоголи. В результате почти на всех крупных московских прудах создались небольшие устойчивые группировки гоголей.

Животные, попавшие не по своей воле в городскую обстановку, вписываются в нее по-разному. Каждую весну над Москвой с гортанными криками парами летают рыжие утки-огари. Когда-то несколько птиц завезли в Московский зоопарк из степной зоны, а затем они образовали свободно живущую группу. Выводить птенцов

огари улетают в город: гнездятся на чердаках, а выращивают потомство на городских прудах. Только зимой все они снова собираются в зоопарке.

Закрепление в городе животных южного происхождения закономерное. Недалеко от теплых сбросов на Москве-реке и в самих сбросных каналах образовалась устойчивая популяция тепловодных рыбок гуппи, когда-то выпущенных аквариумистами. В долине одной из мелких речек Москвы долго жила группа больших тушканчиков, завезенных в город и адаптировавшихся к его условиям. На незамерзающей Яузе в черте Москвы регулярно встречаются отдельные экземпляры болотных черепах. Настоящим бедствием для амфибий стал завезенный с Дальнего Востока бычок-ротан. За несколько лет он распространился по московским водоемам и во многих уничтожил икру и головастиков размножавшихся там лягушек и тритонов.

Третья категория живущих в городе животных самостоятельно осваивает городское пространство и более или менее удачно «вписывается» в него. С точки зрения совместного с человеком городского будущего, эти виды наиболее перспективны. Среди самых заметных птиц можно выделить группу чайковых, особенно обыкновенных чаек, гнездящихся большими, до нескольких тысяч пар, колониями на заболоченных топких берегах пригородных водоемов. Городское хозяйство использует различные технологические водоемы — пруды-отстойники, охладители, очистные сооружения, часто напоминающие природные озера и болота. Они быстро зарастают и становятся пригодными сначала для небольших, а затем все более многочисленных птичьих колоний. Поселения чаек привлекательны для уток и куликов, которым защита со стороны чаек позволяет избежать мародерства ворон.

Пример быстрого успешного освоения города птицами — жизнь городских группировок уток-крякв. Утки начали зимовать в городах с появлением незамерзающих водоемов. Постепенно на крупных парковых прудах образовались оседлые размножающиеся группы птиц. Они постоянно контактировали с людьми, перестали их бояться, активно выпрашивали еду, посещали автобусные остановки и окрестности булочных, где люди привыкли их кормить.

Пример внедрения в Москву и Санкт-Петербург демонстрирует группа дроздовых птиц — горихвостка, соловей и варакушка: первая поселяется в садах и скверах с дуплистыми деревьями вплоть до

Центра города, второй — в сырых низинах и зарослях по границам жилых кварталов и парков, третья — вдоль берегов мелких рек и городских прудов, богатых водной живностью.

Из хищных птиц хорошо адаптировались к городским условиям ястреб-тетеревятник, пустельга и чеглок, а также ушастая сова.

Активно внедряется в город полевая мышь, численность которой, как и хомяка, сильно сократилась после истребительных работ. Сейчас городская популяция полевых мышей во много раз превысила природную.

Четвертая категория диких животных приспособилась к существованию в тесной зависимости от человека, не вступая с ним в прямой контакт: это синантропные (сосуществующие с людьми) звери и птицы, «мирские захребетники»: серая крыса, домовая мышь, серая ворона, сизый голубь, домовый воробей. Участие в общей экологической цепочке приводит к конкуренции с человеком за ресурсы и общим заболеваниям. Эти виды занимают наиболее устойчивое положение в городской экосистеме, они общие для Москвы, Санкт-Петербурга и многих других городов. Именно их мы, как правило, и считаем истинно городскими, полагая существование в городе остальных животных в той или иной степени временным и случайным, хотя это не так. Набор этих видов невелик, зато численность бывает огромной: в подвале жилого дома в Москве обитает от ста до двухсот крыс, численность ворон в 90-х годах в Москве составляла 700—800 тысяч. Именно они благоденствуют в наиболее полярных по сравнению с природными условиях: в деловых и жилых кварталах, в складских и коммунальных зонах, на полигонах отходов.

Для видов-синантропов, всегда живущих «в тени человека», характерен особый тип использования пространства. Можно уверенно сказать, что не только птицы, но и млекопитающие мегаполисов живут в трехмерном мире: крысы и мыши, населяющие обе столицы с высокой плотностью, освоили скрытые от глаз человека территории и пути перемещения за обшивкой подвесных потолков, на трубах водоснабжения, на чердаках, в вентиляционных и канализационных ходах, лифтовых шахтах и теплоизоляционных коробах. Домовые мыши особенно преуспели в освоении чердаков и верхних этажей зданий, проникая туда через различные ходы и отверстия, вплоть до водопроводных, а также в различной таре с продуктами и товарами. Гнезда крыс находили как внутри холодильников в мо-

роженных мясных тушах, где они были сделаны из рассученных зубами зверьков пленок и сухожилий, так и в изоляции работающего парового котла. Гнезда мышей обнаруживали в мешках с мукой, утопанной и уплотненной вокруг гнездовой камеры, в электрических распределительных щитах и напольных часах, старых холодильниках и радиоприемниках. Разнообразие материалов, из которых делаются гнезда, соответствует разнообразию мест их размещения: от мяса и муки до полиэтилена и изоляции. От зверей не отстают и птицы: гнезда городских серых ворон все чаще почти целиком состоят из пластиковых трубок и алюминиевой проволоки, синиц — из собачьей шерсти, серых мухоловок — из волос и бумажек.

Вторая черта, позволяющая этой группе животных сосуществовать с человеком, — всеядность. Приспособившись питаться отходами с нашего стола, они находят обильную пищу на свалках, на продуктовых складах, в квартирах, на балконах и в мусорокамерах. Нередки случаи хищничества: крысы и вороны могут нападать на больных или раненых животных — голубей, уток, воробьев, ловить насекомых, собирать моллюсков и других беспозвоночных. Крысы иногда прибегают к экзотическим способам добывания пищи — например, опуская хвост в бутылку с кефиром. Вороны успешно размачивают сухие корки в лужах, описано, как ворона подкладывала сушки на рельсы перед подходящим к остановке трамваем, а когда трамвай уходил, собирала и съедала куски.

Пластичная гибкая психика позволяет синантропным животным учитывать причинно-следственные связи явлений и те свойства городской среды обитания, которые они могут использовать с выгодой для себя. В их взаимоотношениях с окружающей обстановкой под влиянием городской среды происходят изменения, отличающие их даже от их сельских собратьев. Неоднородный состав особей, наличие групп с разным типом поведения, легко переходящих одна в другую, — залог успешного освоения города. Это касается и птиц, и млекопитающих. Условия диктуются самим городом: мест для нормальной жизни не так уж много, они со всех сторон ограничены агрессивной к животным средой, корм сконцентрирован в отдельных местах (помойки и т. п.), изменения ситуаций часты и неожиданны. В такой, как говорят психологи, «обогащенной» среде и суждено расти городским вороньятам, мы-

шатам, крысятам. Вынужденно плотные поселения, где детеныши и родители, самцы и самки общаются чаще и дольше, чем в природе, усиливают развивающий эффект: дети «хорошо учатся», постоянно наблюдая и перенимая опыт старших. Последнее выражается в постоянном тщательном исследовании, изучении животными свойств множества рукотворных предметов, подражании более опытным особям, в игре как отработке приемов самостоятельной жизни. Домовые мыши-горожане, проникнув в новое помещение, иногда самыми необычными путями, например через канализацию, быстро и тщательно обследуют его во всем объеме, не прекращая обследования и после обнаружения пищи и убежищ. Они берут лапками и изучают мелкие незнакомые предметы, постоянно изыскивают возможные пути кратчайшего отступления. Вороны подолгу орудуют клювом, изучая незнакомые предметы: спичечные коробки, пластиковые банки, молочные пакеты, мячики от пинг-понга.

Молодые крысы, наблюдая за взрослыми, быстро обучались, например, нырять в один из московских прудов и охотиться на лягушек. Подражая крысе, удачно освободившейся из ловушки-верши, ее сородичи использовали прогрызенную вершу в качестве кормушки, поедая оставшуюся в ней приманку.

Маленькие крысята с удовольствием играют в догонялки, в чехарду, в разнообразные предметы, включая материнский хвост, туалетную бумагу, кусочки пищи; мышата крутятся в обрезках пластиковых бутылок, как белки в колесе.

Играют и взрослые животные, тренируя свои умственные и физические способности в свободное от добывания пищи время. Вороны специально раскачиваются на вибрирующих от ветра проводах, на пружинящих ветках плакучих ив в зоопарке, на оставших листьях железа на крышах, бросают и ловят в воздухе предметы, скользят по гладким поверхностям.

Синантропные животные, вписавшиеся в созданную человеком обстановку, используют ее многообразие для развития своих психических и поведенческих способностей, строят в ней свой особый «социум», развивающийся сопряженно с рукотворным миром человека.

В отличие от них животные-синурбанисты, только начинающие свой путь в город, не так тесно связаны с человеком, но у представителей этих двух групп можно найти много общих признаков. Ус-

ловия, в которых они вынуждены жить, далеки от природных: для уток-крякв это покрытые радужной пленкой водоемы центра города, для черных воронов — здания и трубы тепловых электростанций и опоры линий электропередач, на которых они строят гнезда, для скворцов и грачей — свалки и помойки, на которых они все чаще зимуют, для стрижей — чердаки и углубления верхних этажей многоэтажных домов.

На разных стадиях синурбанизации находятся в Москве большие синицы и лазоревки, белые трясогузки и зеленушки, варакушки и соловьи, лысухи и камышницы, пустельги и сизые чайки. В Санкт-Петербурге характерно круглогодичное присутствие скворцов, зябликов, дроздов-рябинников, озерных чаек. У всех этих птиц в городе уменьшается негативная реакция на человека, они становятся доверчивей, часто попадают на глаза. Весной, в период пролета, к таким городским птицам временно присоединяются дикие, следующие к местам гнездования. Прямо у подъезда можно тогда услышать песни зарянок, коноплянок, пеночек, некоторые из которых могут задержаться в городе и дать начало новой урбанизированной группировке.

Для устойчивого существования разнообразной фауны двух столиц прежде всего необходимо сохранение крупных природных массивов, водоемов, побережий, связанных речными долинами, придорожными посадками, живыми изгородями, предотвращение их расчленения проезжими дорогами и расчленения на отдельные мелкие фрагменты. Особое значение имеют прибрежные местообитания как пути расселения и сезонных миграций животных. Сохранение биологической проницаемости городской среды и разнообразия животного мира вписывает мегаполисы в биосферу, а значит, делает пригодными для поддержания жизни — уникального достояния нашей планеты.

ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ФАУНА САМЫХ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ РОССИИ?

Но туда, где край лета короче,
Где заря любит зорю будить,
В холодок Вашей северной ночи
Прилетаю я петь и любить.

А. Фет

В фауну городов существенные различия вносит их размер: чем больше город, тем богаче его фауна. Различное географическое положение и исторические особенности также определяют различия в видовом разнообразии и условиях обитания животных. Например, Москва расположена в глубине континента в условиях умеренно-континентального климата. Санкт-Петербург занимает 35 км побережья Невской губы Финского залива, устье Невы и острова Невской дельты. В Санкт-Петербурге, в отличие от Москвы, хорошо выражена морская составляющая климата, что особенно заметно в холодный период года. Осень здесь теплее весны, а самый холодный месяц года не январь, как в Москве, а февраль. Вторжение атлантических воздушных масс приводит к резкому нерегулярному сезонному изменению уровня воды в устье Невы и прилегающей части Финского залива, вплоть до наводнений.

Москва находится на стыке трех ландшафтных районов: Смоленско-Московской возвышенности, Москворецко-Окской равнины и Мещерской низменности. Местность, окружающая Санкт-Петербург, более однообразна: плоские заболоченные приморские низменности с выровненным рельефом и обильным обводнением — рек и каналов более восьмидесяти общей протяженностью свыше 300 км.

Расширение границ Москвы началось давно и развивалось во всех направлениях, заметно ускорившись только в конце XX столетия. Современная Москва — самый северный и самый континентальный гигантский европейский мегаполис. Рост Москвы в XX веке происходил поэтапно и кольцеобразно, постепенно вбирая пригородные леса, водоемы, населенные пункты, сельскохозяйственные угодья. Но лесное окружение до сих пор продолжает сказываться на облике ее природных территорий и составе их животного мира.

Построенный в короткие сроки и по единому плану, Санкт-Петербург единовременно внес резкие и глубокие изменения в природу болотистой низменности. В процессе развития города структура дельты Невы претерпела коренные преобразования. Уменьшилось число и изменились очертания островов, были засыпаны старые протоки и прорыты новые каналы, уничтожены болота, искусственно повышен уровень приморской береговой террасы. Новейшим преобразованием, оказавшим мощное влияние на природные условия города, стало строительство защитной дамбы, изолировавшей от моря большую часть Невской губы. Существенным отличием северной столицы является искусственное происхождение растительного покрова, занимающего 25% территории города. Это связано как с разбивкой парков и садов на ранее заболоченных берегах при строительстве города (Летний сад, Таврический сад), так и с его послевоенным восстановлением (Приморский парк Победы, Московский парк Победы) и современным развитием (Южно-Приморский парк). Близкие по структуре к лесным участки сохранились внутри города в парке им. Челюскинцев, в районе Пискаревки, Мечниковской больницы, Политехнического института, в парке Сосновка, Лесотехнической академии и др. В центральной части города растительности значительно меньше, чем в Москве. Различия в расположении и преобразовании территории двух столиц определяют различия и в условиях обитания животных.

Наиболее богат по составу и численности животный мир открытых территорий Санкт-Петербурга в весеннее время — за счет множества птиц, совершающих сезонный перелет по трассе Беломорско-Балтийского пролетного пути. В это время на побережье Невской губы, в поймах рек и ручьев обитает более 90 видов птиц. Основу весеннего населения птиц составляют чайки — озерная, сизая, малая, клуша, серебристая, речная крачка, кулики — турухтан и чибис, утка-кряква, воробьиные птицы — полевой жаворонок, скворец, соловей, камышевка-барсучок. Остальные птицы, в основном водоплавающие и прибрежные, встречаются в гораздо меньшем числе: это лебеди, гуси, утки, кулики, чайки, многочисленные воробьиные птицы. Среди последних — тростниковая и дроздовидная камышевки, славка-завирушка, овсянка-дубровник, лапландский подорожник, пуночка, которые редки или совсем не встречаются в Москве.

В Москве сезонные миграции птиц проходят широким фронтом и прослеживаются гораздо хуже, чем на территории Санкт-Петербурга. Тем не менее вдоль Москвы-реки весной и осенью также перемещается множество перелетных птиц, преимущественно околоводных, в основном уток, которых можно наблюдать, например, на юго-востоке города и в районе Строгино на акватории реки. Осенью 1998 года на Москве-реке до самого ледостава держалось даже шесть диких лебедей-кликунов.

Состав весенних городских мигрантов несколько отличается от осеннего, что говорит о несовпадении пролетных путей в разные сезоны года. Так, в Санкт-Петербурге морские утки (синьга, турпан, морянка) преобладают на пролете осенью, а гуси и крохали — весной, луни пролетают осенью, а канюк и скопа — весной.

Пролетных видов птиц в Москве меньше, чем гнездящихся, а среди последних преобладают виды, размещающие гнезда на деревьях, в подлеске и подросте: дроздовые, славковые, вьюрковые. В крупных лесных массивах успешно размножаются и птицы, устраивающие гнезда на земле: пеночки, лесные коньки. Но особенно высокой плотности в лесу достигают птицы, гнездящиеся в дуплах, разнообразие их доходит до 20 видов. Это совы, дятлы, скворцы, синицы, поползни, пищухи, зарянки, мухоловки, горихвостки.

В крупных парках Санкт-Петербурга обитает 77 видов птиц. Из них 47 широко распространены повсюду: врановые, трясогузки, дроздовые, вьюрковые, составляющие основную долю гнездовой фауны. 13 видов исчезло в последние десять лет. Среди них пока еще обычные в Москве певчий дрозд, барсучок, теньковка, тетеревиный, а также и более редкие вертишейка, желна, полевой жаворонок.

Три вида птиц — лесной конек, зарянка и пухляк — в Санкт-Петербурге находятся на грани исчезновения, а в Москве пока еще не очень редки. В Санкт-Петербурге редко и нерегулярно гнездятся широко распространенные в Москве поползень, пищуха, камышовая овсянка, малый пестрый дятел и более малочисленные — чеглок, желтая трясогузка, обыкновенная овсянка, юрок, чибис.

В небольших парках центра Санкт-Петербурга и в центральных районах Москвы фаунистическое сходство проявляется сильнее: доминируют 17 из 32 видов птиц, среди которых до 8% населения составляют зяблик, рябинник, стриженец, скворец, полевой воробей, сизый голубь и серая ворона, а 36% — домовый воробей.

Наконец, центральные деловые и жилые кварталы наиболее сходны бедным видовым составом и высокой плотностью гнездящихся птиц, среди которых преобладают домовый воробей и сизый голубь, составляющие до 70% всего населения. Также широко распространены черный стриж, большая синица, серая ворона, галка. Остальные птицы — скворец, городская ласточка, горихвостка-лысушка, зяблик, зеленушка, шегол — гнездятся в небольшом количестве и нерегулярно. За последние годы центр Москвы начала активно осваивать синица-лазорева, ставшая кое-где не менее обычной, чем большая синица.

Приморское положение северной столицы накладывает отпечаток и на фауну зверей. Близ устья и даже в самой Неве иногда появляются обыкновенный тюлень и кольчатая нерпа, обитающая как в Финском заливе, так и в Ладожском озере.

За исключением морских млекопитающих, фауна зверей в целом сходна, так как оба города расположены в лесной зоне. Ее составляют шесть «сухопутных» отрядов: насекомоядные, рукокрылые, хищные, зайцеобразные, парнокопытные, грызуны.

Самым обычным лесным насекомоядным зверьком города в последние годы стала обыкновенная бурозубка. В последние годы в Москве кроме нее стали встречаться два вида землероек-белозубок — обыкновенная и малая. Последняя даже более многочисленна в Москве, чем в области. Кроты — широко распространенные в обоих городах, но малочисленные насекомоядные звери. На них отрицательно сказывается уплотнение почвенного покрова, ограничивающее возможности перемещения под землей. Сильно сократилось число ежей, особенно из-за больших размеров их индивидуальных участков, обходя которые они попадают под колеса машин.

Численность летучих мышей в городах недавно была очень высокой, но в последние годы сокращается из-за снижения числа ночных насекомых — их основного корма.

Из хищных зверей в городе наиболее многочисленна ласка, например, в Измайловском лесу Москвы примерно на каждых 100 га обитают один-два зверька. Второе место занимает лисица, которая хорошо приспосабливается к обитанию в различных искусственных убежищах и укрытиях (строительных отходах, трубах, насыпях), вблизи свалок, где ловит крыс и мышей. Значительно реже в городе встречаются горностай, черный хорь и норка. Последние, по-

видимому, являются потомками клеточных американских норок, сбежавших из зверосовхозов. Довольно уверенно в последние годы леса Москвы обживает куница. Кроме лесных грызунов и птиц, она приспособилась ловить еще и крыс, выселяющихся летом из построек. В последние годы в городе исчезли барсуки и не выдержавшие конкуренции с лисицей и акклиматизированные в 30—40-х годах дальневосточные енотовидные собаки.

Лосей в окрестностях как Москвы, так и Санкт-Петербурга было особенно много в 50—60-х годах XX века, когда их численность восстановилась после длительного спада, а подвижность увеличилась. Они часто заходили на окраины Москвы, тогда еще почти не застроенные, проникали даже в центр города, о чем появлялись многочисленные заметки в газетах.

В Санкт-Петербург в эти же годы лоси заходили до 40 раз в год. Чаще они приходили с севера и попадали в парк Лесотехнической академии, на Васильевский остров, Выборгскую и Петроградскую стороны. Такой подъем численности лосей происходил примерно раз в 70—80 лет, а затем начиналось снижение. Сейчас численность лося в окрестностях городов, и тем более в городах, сильно сократилась. Например, в Москве осталось несколько зверей только в национальном парке «Лосиный остров».

Второй крупный зверь, сравнительно недавно появившийся в окрестностях городов, — кабан. Естественная область распространения кабана проходит гораздо южнее Москвы и тем более Санкт-Петербурга, но в результате завоза в 1930—1940-е годы, он акклиматизировался и стал быстро расселяться на север, переплывая даже крупные водные преграды. Большие затруднения для кабанов в новых условиях создает отсутствие необходимых им для зимовки желудей и орехов, глубокий снежный покров, делающий их легкой добычей собак. Поэтому кабаны заходят в города и пригороды на помойки, добывают плохо убранные овощи, подкапывают постройки в поисках пищи. В Москве кабаны много раз появлялись в микрорайонах Зюзино, Богородское, Измайлово, куда они по ночам выходили кормиться из заболоченных участков леса. Сейчас их осталось всего несколько особей. Общее сокращение числа кабанов связано с интенсивным строительством в городах и пригородах, уничтожением глухих болотистых пойм малых рек, сокращением площадей сельскохозяйственных культур.

На пустырях, в садах и на огородах Москвы обитает заяц-русак, который в последние годы превзошел по численности населяющего лесные массивы зайца-беляка. В Санкт-Петербург заяц-русак, искусственно завезенный в Ленинградскую область и расселившийся по ней, только иногда забегает.

Наиболее многочисленно и разнообразно в городе население грызунов. В городских парках живут оседлые группы белок, посещающие развешанные для них кормушки и выводящие потомство в дуплах и скворечниках. Белки Ленинградской области проявляют склонность к периодическим миграциям из ельников в сосняки, следующие с интервалом 4—5 лет, после очередного неурожая семян ели.

С 1938 года в Ленинградской области акклиматизирован американский водяной грызун ондатра. Она так широко распространилась по водоемам, что регулярно встречается и в городе. Часто можно встретить ондатру и в Москве, на Косинских озерах, на мелких речках юго-запада, на Лихоборке, куда она также заходит из Подмосковья после акклиматизации.

Для Москвы очень характерен обыкновенный хомяк. Хомяк считался когда-то злостным сельскохозяйственным вредителем, и ему была объявлена беспощадная война. В результате на полях области хомяк полностью исчез, а в городе, где борьба с ним не велась, сохранился: жилые норы хомяков до сих пор встречаются кое-где по долинам Сетуни и других городских рек.

На природных территориях Москвы встречаются лесная мышовка, мыш-малютка, водяная полевка, экономка, обыкновенная, пашенная и рыжая полевки.

Следует подчеркнуть, что благодаря географическому положению Санкт-Петербурга многие виды млекопитающих обитают здесь на северной границе области своего распространения и попадают гораздо реже, чем на широте Москвы. Это справедливо для европейского ежа, многих видов летучих мышей, зайца-русака, садовой сони, лесной мышовки, лесной мыши, мыши-малютки, обыкновенной полевки. Кроме того, образ жизни многих животных на северной границе ареала также изменяется: они тяготеют к жилью человека, становясь факультативными синантропами, особенно зимой. Это относится ко всем видам летучих мышей, полевой и желтогорлой мышам, мыши-малютке, водяной и обыкновенной полевкам, черному хорю.

Фауна земноводных и пресмыкающихся в Москве богаче, чем в Санкт-Петербурге, благодаря ее более южному расположению: здесь до сих пор обитает 11 видов земноводных и 3 — пресмыкающихся. В окрестностях Санкт-Петербурга фауна амфибий включает только травяную и остромордую лягушек, гребенчатого и обыкновенного тритонов. Из рептилий встречаются живородящая ящерица, гадюка, веретеница. В самом Санкт-Петербурге условий для них не сохранилось. В Москве хорошо чувствует себя только обитающая в малых реках озерная лягушка. Остальные амфибии находятся поистине в угрожаемом положении. Причины — не только в традиционно пренебрежительном отношении горожан к «гадам». Эти малоподвижные животные отличаются повышенной уязвимостью. Для благополучного существования им нужны мелкие, теплые и чистые водоемы, а зимой — непромерзающие укрытия. Любая канава с крутыми берегами или автомагистраль на пути — источник гибели массы травяных и остромордых лягушек, серых жаб, совершающих сезонные переходы от места зимовки к нерестовому водоему и обратно. Стремительное исчезновение двух видов тритонов, живущих в водоемах, связано с загрязнением мест обитания нефтепродуктами в результате бурного роста числа личных автомашин. По той же причине, а также в результате прогрессирующей застройки свободных территорий в Москве сохранилось единственное место обитания краснобрюхих жерлянок, бесхвостых амфибий, обладающих не только своеобразной внешностью, но и мелодичным голосом.

Более северное расположение города на Неве, специфика его ландшафтно-географических условий заметно отличают фауну бабочек Санкт-Петербурга от фауны Москвы и Подмосковья, в нее добавляются более северные виды. В Москве, наоборот, появляются некоторые более южные виды бабочек.

Увеличение численности дневного павлиньего глаза в окрестностях Санкт-Петербурга и переход его в число обычных бабочек произошел позже, чем в Подмосковье: еще в 1960-х годах он был здесь очень редок.

Большее число специфичных для Москвы видов бабочек является отражением закономерности, о которой уже говорилось: число обнаруженных на территории города видов тем значительнее, чем большую площадь он занимает. Это хорошо прослеживается и у птиц.

МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА

Если чайки прилетели,
Значит все пока в порядке,
И от этого, представьте,
Можно верить в чудеса.

К. Авилова

Такое место есть на окраине почти любого города или большого поселка. Обычно оно не пользуется известностью, а если слава и идет, то чаще дурная. Речь идет о территории, куда поступают для сушки осадки с очистных сооружений городской канализации. Как правило, это плоская низина, разделенная на одинаковые прямоугольные площадки. Кое-где растут кусты и деревья, кое-где блестит вода. Зимой здесь пустынно и неуютно. Но весной, летом и осенью невольно вспоминаешь строчки популярной песни о «Маленькой Стране». Помните: «... Кто мне расскажет, кто подскажет — где она?» Так вот, она — рядом с вашими домами. И надо только быть внимательным и осторожным, чтобы зря не пугать жителей «Маленькой Страны».

Давайте ненадолго перенесемся, например, на восток ближнего Подмосковья, в окрестности ст. «Люберцы» и внимательно посмотрим вокруг. Первое, что мы увидим на фоне яркой зелени — множество белых птиц, сидящих на земле и парящих в воздухе. Подойдешь поближе — половина сидящих (самцы) взлетит с тревожным криком. Еще несколько шагов — взлетают остальные (самки), и тогда видно, что кочки, на которых они сидели, — не просто кучки сухой травы, а гнезда. Во многих уже лежит по три зеленовато-коричневых яйца! Неужели от этой колонии озерных чаек всего несколько минут до остановки автобуса? Озерная чайка — птица довольно обычная, а вот ее соседи — малая и серебристая чайки — занесены в Красную книгу Московской области. С середины мая среди чаек часто попадаются речные крачки, похожие на больших белых ласточек, они часто останавливаются в воздухе, трепеща крыльями, и сопровождают пришельца резким возмущенным криком. Никто не подойдет к гнездовьям незамеченным.

Этой защитой пользуются другие обитатели «Маленькой Страны» — утки, которых увидишь не сразу. Самки искусно прячут

гнезда среди трав и кустов, маскируя светлые яйца пухом и собственным телом. За самцами же, собравшимися на водоемах небольшими группами, можно наблюдать без опасений: здесь больше всего красноголовых нырков и хохлатых чернетей, об облике которых говорят сами их названия. В сторонке держатся привычные нам в городе кряквы, временами появляется чирок-трескунок с белыми «косичками» на голове. Весной обычны пролетные гости — свиязи, свистунки. Но самая замечательная утка, несомненно, широконоска: одного взгляда на ее огромный, похожий на ложку, клюв хватит, чтобы сразу запомнить эту птицу! К тому же селезни, ярко раскрашенные в белые, рыжие и темно-зеленые цвета, резко выделяются на фоне воды и зарослей.

Познакомившись с чайками и утками, можно попробовать понаблюдать за куликами. Они — самые осторожные обитатели «Маленькой Страны» и близко к себе не подпускают. Поэтому наберемся терпения и не будем делать резких движений. Легче всего заметить чибиса. Если благополучное существование уток почти целиком зависит от чаек, то чибисы, как и другие кулики, вполне могут постоять за себя сами. Ширококрылый хохлатый черно-белый чибис незаметен на земле, но превращается в крылатый снаряд, когда с пронзительным «Чи-вы!» выставляет со своей территории случайно залетевшую туда ворону.

По соседству с колониями речных крачек бродят стайки разноцветных куликов с рыжими, черными, белыми «капюшонами» — турухтанов. Весной между ними разыгрываются настоящие турниры — брачные игры. Самцы приседают, подсакивают, хлопают крыльями, как петухи. Впрочем, баталии чисто символические, просто демонстрация яркой внешности. И все это — не в заболоченной тундре, где гнездятся турухтаны, а вблизи огромного города.

Перекрывая крики чаек, далеко разносится звонкая трехсложная трелька. Кажется, что звуки проливаются из самого небесного купола, отражаются от воды и снова уходят в поднебесье... И трудно поверить, что так поет серенький куличок мородунка, скромно стоящий на кочке с сухой травой. А в воздухе, тоже с песней, исполняет причудливый брачный танец другой кулик-травник. Низко над водой, словно гребя по ней крыльями, с тонким свистом летает третий — перевозчик. Высоко над отмелями и прудами суетится и трепещет четвертый — малый зуек.

На воде можно увидеть еще одну редкую птицу — черношейную поганку. Весной поганки устраивают на водоемах своеобразные «сеансы фигурного плавания».

Экскурсия в птичий «заповедник» была бы неполной, если бы мы не послушали певчих птиц, населяющих берега прудов и разделяющие их дамбы. Вокальный сезон одними из первых открывают varaкушки. Если бы здесь не было чаек, уток и куликов, стоило бы приехать только для того, чтобы посмотреть и послушать varaкушек. Блестящий синий нагрудник с белой или красной «звездой» сверкает на солнце, рыжий хвост с черным концом поднят и развернут, крылья опущены ниже спины. Певец внезапно срывается с места и круто взмывает вверх, останавливается и, не переставая петь, планирует, чтобы закончить песню сидя. За один весенний день можно увидеть и услышать 15—20 varaкушек.

Какой же птичий концерт без соловья? В разгар весны соловьев можно слушать в любое время суток, даже днем. А ведь есть люди, которые никогда не слышали этих завораживающих звуков! Прелесть соловьиного пения состоит в том, что сколько ни слушай его, никогда не надоест: бесконечно разнообразие колен и строф, песня изменчива как сама природа, такая знакомая и всегда новая и неожиданная.

Экскурсия обязательно ознаменуется встречами и с другими, менее известными, птицами, песни многих из которых приятны для уха, а внешность — для глаза: камышевками, чечевицей, луговым чеканом, желтой трясогузкой, серой славкой, пеночкой-весничкой, коноплянкой. Любители орнитологических редкостей обязательно увидят что-нибудь необычное: желтоголовую трясогузку, белую лазоревку, ремеза, сорокопуга-жулана, а то и серого сорокопуга, встретить которых в Московской области — большая удача для натуралиста.

Эти места очень привлекательны для птиц как источник корма и убежище во время сезонных миграций. Концентрация пролетных птиц на небольшой площади сулит иногда такие встречи, которые в природе очень маловероятны благодаря низкой численности, разреженному обитанию на территории или удаленности гнездовых мест птиц. Видели здесь на свободе черного аиста, орлана-белохвоста, сокола-сапсана и даже... белую цаплю! Характерно, что птицы относительно спокойны по отношению к людям, что делает возможными групповые экскурсии.

Животные-аборигены в городе и его окрестностях — часть природного наследия России. К ним относятся и насекомые, особенно такие заметные, как бабочки: крапивница, траурница, лимонница, дневной павлиний глаз. Гудят зимовавшие в земляных убежищах шмели и одиночные дикие пчелы. В середине лета появляются стрекозы.

Немного существует мест, где так причудливо сплелись сооружения человека с элементами дикой природы. Рукотворный водно-болотный массив похож на живой зеленый оазис в индустриальном ландшафте, пронизанном трубами, опорами линий электропередач, железнодорожными путями и нитками теплотрасс. Голубая лента реки Пехорки связывает его с подмосковными полями. Это открытое всем ветрам пространство как огромный вентилятор выдувает асфальтовый жар, пыль и фабричную копоть из жилых и промышленных районов.

Чем же обусловлено такое необычное орнитологическое богатство «Маленькой Страны»?

При использовании биохимического метода очистки стоков применяется специальная культура микроорганизмов — активный ил. После его деятельности остается большое количество нерастворимых веществ — иловой осадок, который надо сушить. Вместе с остатками ила его перекачивают на иловые площадки, где он покрывается коркой, уплотняется и уменьшается в объеме. А пока осадок уплотняется, его заселяют целые растительные сообщества, постепенно сменяющие друг друга и подготавливающие почву для следующих поколений. Растительная масса образует сплошную «подушку», на поверхности которой появляются вторичные водоемы благодаря атмосферным осадкам и фильтрации воды. Так как заполнение разных площадок происходит в разные сроки, постепенно на всей территории возникает огромное разнообразие микроландшафтов, напоминающих озера, болота, отмели или сырые луга. Именно так воспринимают их птицы, использующие эти безлюдные места для гнездования и остановки на путях пролета. Нигде больше мы одновременно не встретим такого разнообразия видов и жизненных форм, такой концентрации зоологических раритетов и плотности птичьих поселений!

А ведь очистные сооружения есть в любом городе! Значит, в каждом есть и своя «Маленькая Страна». Попробуйте посетить ее вес-

ной или летом и осторожно понаблюдать за ее обитателями. Опишите их повадки и внешний вид, даты встреч и сроки пребывания. Возможно, ваше сообщение окажется новым и интересным для зоологов.

ПЕРНАТЫЕ СОСЕДИ

А в апреле спозаранок
Надо слушать коноплянок:
Вот они на проводах
В огородах и садах!
А еще поют на крышах,
Чтобы песни каждый слышал.
Ярко-красного самца
Можно слушать без конца!
На лету роняя трели,
Поднялись и полетели,
Но не ждите тишины:
Песни новые слышны!

К. Авилова

Все случилось мгновенно. На фоне березовых крон, где мирно перепархивали дрозды-рябинники, четко вырисовались широкие распахнутые крылья, длинный хвост, пепельно-полосатое брюхо...

«Внимание, тетеревятник!» Я обернулась к своим спутникам, стараясь показать им птицу. Но полюбоваться молниеносным броском хищника довелось только мне. Через миг лишь какие-то птички, трепеща крыльями, поднимались над верхушками берез в бледное небо. Не сразу узнали мы в них перепуганных дроздов, забравшихся на головокружительную высоту. Ястреб же как сквозь землю провалился. Охотился он не только из засады. Мы потом не раз встречали его во время патрулирования охотничьего участка и радовались: не так давно ястребов считали вредными и старались уничтожить, а теперь вот он, ястреб, живет в Москве! Да еще сумел вырастить птенцов в старом вороньем гнезде недалеко от оживленной аллеи в шумном парке на юго-западе столицы. Никому из отдыхающих там людей и в голову не приходило, что у них такой сосед. Ястреб охотился в парке за сороками, и вблизи гнезда мы нашли

немало свидетельств его удачных охот. Так он избавлял мелких обитателей парка от назойливых разорителей гнезд.

Итак, ястребы стали вновь гнездиться в Москве. А соколы? Как-то весной в одном из вестибюлей биологического факультета МГУ на Ленинских горах появилось объявление: «Всем членам сектора “Фауна” дружины по охране природы запрещается выходить из дому без бинокля». С этого апрельского дня студенты — члены дружины — начали поиски одной из самых замечательных птиц — сокола-сапсана, некогда гнездившегося в Москве на колокольнях, башнях, высотных домах.

Серое утро. Еще не скоро проедет по улицам городской транспорт, заспешат люди. А московские птицы изо всех сил стараются использовать короткие часы безлюдья: озабоченно расхаживают по газонам вороны и галки, чайки с хозяйским видом гуляют по набережным, сидят на парапетах, утки, оглашая воздух громким криканьем, перелетают с прудов на Москву-реку. И соколов видели немало. Но, к сожалению, не сапсанов. Самой обычной хищной птицей Москвы оказалась пустельга. На некоторых каменных домах живет по несколько пар этих рыжих острокрылых птиц. Городской ландшафт приглянулся и самому быстрому соколу — чеглоку, занявшему, как и многие другие хищники, старое воронье гнездо.

Обойдя знакомый лесопарк, мы уже поворачивали к дому, когда из кустов донеслось звонкое стрекотание сороки. Приглядевшись, мы обнаружили, что ошиблись: «автором» голоса была не сорока, а сойка. Видно, появление человека заставило перейти на хорошо знакомый всем лесным жителям сорочий стрекот. Сойки — известные подражатели. Летом в одном из подмосковных заказников мы постоянно встречали сойку, которая точно повторяла крик хищных птиц — канюка и ястреба-тетеревятника. Есть сойки, имитирующие собачий лай, мяуканье и другие звуки. Собственный голос — хриплое короткое карканье — сойки чаще всего подают осенью, он тогда далеко слышен в настороженно замолкшем лесу.

Но самая интересная особенность сойки в другом. Осенью, когда поспевают урожай желудей и они, опадая, начинают звучно шлепать по не увядшим еще опавшим листьям, сойки собираются в дубравах. Выбирая самые урожайные деревья, они, наскоро насытившись, набирают желуди в подъязычный мешок — растяжимую складку под клювом — и уносят подальше, в глухое тенистое место, в ельник или сосняк. Там сойка некоторое время тихо пры-

гает по земле, посматривая по сторонам (не видит ли кто?), а затем быстро прячет свою ношу в мох, под корни, в лесную подстилку, в полости под пнями. Зимой, в бескормицу и мороз, по одной только ей знакомым приметам найдет сойка это место, раскопает снег и вытащит из тайника весь свой запас или часть его. Тайник может оказаться и соседским, но это сойку не смущает. Запасы из кладовых нередко воруют белки, которые часто кормятся тут же, в хвойном лесу. Если снег глубже 30 см, сойке трудно его раскапывать, и она голодает. Тогда ей приходится «обращаться за помощью» к белке. Зверек, добравшись до соевого запаса, не всегда уничтожает его полностью, зато прокапывает глубокий подснежный тоннель в снегу. Этим беличьим тоннелем и пользуется сойка, добывая то, что осталось от запасов. Иногда она при этом скрывается в снегу с головой и, не видя возможной опасности, серьезно рискует. Но голод не тетка.

Запасы соек выгодны не только белкам и лесным мышам. Те и сами умеют прятать желуди в тайники. Самое удивительное в том, что, места, выбранные для кладовых сойкой, максимально соответствуют требованиям желудей к условиям прорастания — они тенистые и влажные, с достаточно рыхлой и питательной почвой. Если урожай желудей велик и часть запасов осталась несъеденной, а дуб может давать до четырех тонн желудей с гектара леса, то оставшиеся в земле желуди прорастут в молодые дубки. Вот и получится, что сойки сами посадили новый лес, да еще в самом подходящем месте. И не только посадили, а расселили дубы по окрестным лесам.

Дуб — главное дерево в нашей средней полосе и к югу от нее. Лесоводы называют его основной лесообразующей породой. В дубравах самые высокие урожаи плодов и семян, самая богатая флора и фауна. Если лес не рубить и не сажать, а оставить его расти по естественным законам, то каков бы он ни был, рано или поздно его должна сменить дубрава. А в этой смене очень важно вовремя позаботиться о семенах, ведь желуди тяжелы и сами далеко от дубов не падают. Вот тут-то и вступает в действие природный механизм восстановления дубрав, в основе которого — теснейшая взаимная связь растения и потребителей его плодов. Главным агентом в этом сложном процессе в данном случае выступает сойка. Широкое и равномерное распределение ею желудей по большой территории — яркий пример роли животных в восста-

новлении и поддержании среды их обитания. Это пример тех экологических связей, которые так важны для поддержания природного равновесия. Мы знаем об этом еще далеко не все и тем не менее сплошь и рядом позволяем себе грубо вмешиваться, обрывая такие нужные, но не заметные простым глазом нити. Вспомните об этом, встретив сойку в зимнем лесу.

В последние годы просторы Москвы осваивают самые крупные представители вороньего семейства — вороны. Недалеко от Воробьевых гор встретился утром одинокий журавль. Что он делал в городе? Поведение его говорило о том, что это семейная птица. Журавли, конечно, не загнездились в Москве, но такая встреча — всегда приятный сюрприз для орнитологов!

Полной неожиданностью поначалу было гнездование в Битцевском лесном массиве Москвы белоспинного дятла. Эта птица долгое время была редкой не только в Москве, но и в Московской области.

А как важны для городских вольных птиц малые московские речки — Сетунь, Раменка, Очаковка, Битца и многие другие. Незаметные и вроде бы ненужные, они создают своеобразные коридоры, по которым дикая природа проникает в сердце города, радуя глаз и слух горожанина.

Многие биоценозы города создаются заново, буквально на пустом месте. На выровненной бульдозером площадке был заложен дендрарий Ботанического сада Московского университета. Через 20 лет здесь образовалось, хотя и рукотворное, но устойчивое растительное сообщество, близкое к настоящему лесу. Огромное разнообразие растений обеспечило богатый мир насекомых, а вслед за ними здесь стали гнездиться около трех десятков видов птиц, в том числе редкие для Москвы, — дубонос, иволга, чечевица. Отмечен здесь и почти полный набор видов грызунов Московской области, вплоть до мыши-малютки. При этом за все время существования дендрария не было ни одной сколько-нибудь опасной для растений вспышки численности вредителей, хотя химическая защита в дендрарии не применялась.

В Москве есть своеобразные укрытия — ремизы для птиц. В основном это кустарники. Мелкие птицы получают здесь возможность беспрепятственно размножаться. Такие места становятся очагами расселения птиц в городе. Ремизы очень нужны во всех больших парках. В свое время они были предусмотрены планами паркового строительства, было принято даже специальное решение Моссовета.

Однако до сих пор в парках такие участки складываются стихийно, а не создаются сознательно.

Москва в современных границах получила поля и луга, долины речек и даже болота. И все это вместе с птицами и другими животными, свойственными каждому биотопу. В Москве сейчас отмечено, вместе с зимующими и залетными, 177 видов птиц. Это большое хозяйство, требующее научного подхода к управлению им.

ЗЕЛЕННЫЕ КОРИДОРЫ МОСКВЫ

У варакушки на грудке
Перья цвета незабудки
С яркой звездочкой-глазком,
С черно-рыжим пояском.
Вот она в начале мая
В небо синее взлетает,
Льется песня через край...
Осторожно, не пугай!

К. Авилова

Не будь природы в нашем громадном городе, наша участь была бы значительно тяжелее: как прожить без зеленой лужайки, утино выводка на пруду? Не обойтись без речек и ручейков, что некогда омывали семь московских холмов. В Москве сохранилось около 70 малых рек и ручьев, а когда-то их насчитывалось несколько сотен. В центральной части города малые реки давно прекратили свое существование, а по окраинам еще сохранились. Состояние их, мягко говоря, не идеальное. Пройдитесь по руслу любого ручья, задавшись целью сосчитать помойки, — быстро собьетесь со счета. 80% прибрежных территорий заняты промышленными зонами и гаражами.

В обывательском представлении река — вместилище воды. Но если посмотреть шире, это сложная экосистема, тесно связанная с другими. Точнее, две экосистемы — водная и наземная. Во-первых, это водоем с его сложной жизнью, во-вторых — пойма или долина,

рельеф, подземные воды, растительность, почвы. Получается система с обратными связями, которые существуют до тех пор, пока человек не разрушил их. Мы совсем забыли о том, что реки для человека всегда были и транспортными системами, и окном в мир. Теперь же наоборот, природа проникает в мир человека по этим руслам и задерживается в городе.

Мы с небольшим коллективом биологов прошлись по рекам весной. Обнаружились вещи удивительные. Например, на незастроенных участках, там, где еще сохранилась пойма, жизнь бурлит куда сильнее, чем в Подмосковье, — это битком набитый зеленый коридор, по которому перемещается все живое. Только птиц насчитали 146 видов. Например, очень красивая птичка варакушка, родственница соловья. В Подмосковье варакушек не так уж много, в Москве же концентрация колоссальна по сравнению с прочими местами обитания. Любая речка, по берегу которой растут кусты и есть водная растительность, хороша для утиных выводков. На Яузе их число на километр берега бывает в два-три раза выше, чем в среднем охотничьем хозяйстве! Даже наши титанические усилия не смогли до конца погубить природу. Лишнее подтверждение тому — множество красивых дневных бабочек, например, вдоль речки Чермянки. Как ни странно, много там и шмелей. Видимо, шмели зимуют у реки, весной гудят на остатках жидкой растительности. А шмель — крайне важный для растений опылитель.

Многие звери тоже попадают в город по рекам. Например, ондатра. Ее можно увидеть на Городне, Очаковке, Москве-реке, там, где нет набережных. Есть в поймах и горностай. Москва ему вполне подходит, среди строительного мусора удобно прятаться, да и крысой можно подкормиться. Но крыс по сравнению с жилыми массивами в поймах мало. Пока пойма сохраняется как экосистема, как среда обитания ондатры, норки, хорька, — крысы здесь появляются временно и их отсюда быстро выставляют.

Получается, что река — это биологический коридор, по которому жизнь проникает в город, распространяясь в нем по паркам, скверам и дворам. Эта биологическая проницаемость может быть частично сохранена за счет пойм, а если мы уничтожим реки и жизнь вокруг них, то лишим себя остатков природы.

Существует такой архитектурный прием — зрительная изоляция микрорайонов. Малые реки при этом — очень важный элемент. Хороший пример — 9-й микрорайон Теплого Стана возле улицы Баку-

лева. Его разделяет приток речки Очаковки, так называемый Воронинский овраг с прудом и старой дубравой по берегам. На пруду выводятся утки, в дубраве живут сойки и поползни. Этот коридор был оставлен как граница между двумя жилыми массивами: по левому берегу построены красно-белые дома, по правому — синие-белые. Другой пример — Братеево. Мы нашли старые карты. Поле между этим районом и Москвой-рекой раньше именовалось «Красным (красивым) лугом». И в самом деле, прекрасное было место. Здесь сплелись долины трех рек — Москвы и ее притоков Городни и Шмелевки. Последняя уходит далеко за МКАД и в новостройки, сохраняя рельеф. Долина также играет роль барьера, разделяющего микрорайоны. Человек выходит из дома и видит природный ландшафт, который ему снимает стрессы. Нагромождение корпусов не бросается в глаза, не портит настроения. Получается, что сначала река была барьером для некоторых растений и животных, ограничивая их распространение. А теперь наоборот — для человека это барьер, а для природы — путь к проникновению в город. Все помнилось в наших представлениях и в природе.

В Москве более 15 тыс. га пойменных территорий. Реабилитация малых рек не может проходить только путем очистки русла или озеленения 15-метровой прибрежной полосы. Необходимо оставить нетронутой полосу шириной, как минимум, в 30—50 метров с камышами и родниками. Реке нужен естественный берег, а не бетонированный, иначе это — канава.

В крупнейших городах мира сейчас появляются участки живой природы. Используются естественные способы очистки, например, тростник. Эта зеленая «щетка», растущая на местах с избытком влаги, способна не только снизить загрязнение, но и украсить ландшафт, стать домом для множества птиц. К сожалению, многие просто не знают, что такое река в городе.

Несмотря на все издержки бурного экстенсивного развития, Москва до сих пор обладает уникальным среди столиц мира природным наследием. Национальный парк «Лосиный остров», Битцевский природный парк, заповедник Тимирязевской сельскохозяйственной академии, природно-исторические парки Измайлово, Сокольники, Фили—Кунцево, заказники «Царицыно», «Крылатские холмы» и «Теплый Стан», памятники природы «Серебряный бор», «Воробьевы горы», «Щукинский полуостров» и многие-многие другие создают неповторимый, исторический, ей одной присущий ландшафт

столицы России. Сохранение его не менее важно для самосознания горожан и устойчивого развития города, чем восстановление духовного наследия и увековечение памяти исторических деятелей.

Природная среда города, неоценимая не только как его ландшафтное наследие, но и как средство развития здоровой любознательности и познавательной деятельности, раскрывается во всей полноте, только составляя целостную взаимосвязанную систему, неразрывную с системой памятников истории, архитектуры и творчества наших великих предшественников. Все вместе они составляют индивидуальность великого города, с потерей которого в значительной степени теряется и его «лицо» в мировом сообществе. Технические возможности в строительстве сейчас не ограничены: можно построить что угодно и где угодно! А создать искусственно природный объект невозможно: он невозпроизводим и самобытен, как все истинные ценности!

В европейских столицах нравственные ориентиры расставлены в направлении приоритетного сохранения природных и близких к ним территорий. Это отражает заботу об окружающей среде и внимание к собственному прошлому.

Особое место в природном наследии Москвы занимают сохранившиеся долины и поймы малых рек, концентрирующие до 60% фауны города. Здесь, в двух шагах от жилых и промышленных кварталов, поют птицы и цветут растения, обитавшие еще тогда, когда граница города отстояла на десятки километров. В единстве с более крупными природными массивами они составляют единую инфраструктуру, обеспечивающую непрерывность жизненного пространства в городе и за его пределами, связывающую в единое целое среду обитания всех живых существ. Без особого внимания и заботы эти «коридоры жизни» могут быть легко поглощены агрессивным городским пространством, что часто и происходит. Для сохранения этой хрупкой составляющей природного наследия более 40 фрагментов сохранившихся речных долин были объявлены городскими памятниками природы. Однако этот статус не получил широкой огласки и часто их не спасает.

Для того чтобы сохранить оставшиеся, нужно кардинальное изменение общественного мнения, не оставляющее места для бездумного разрушения любых, даже самых мелких, природных элементов города. Здесь недостаточно усилий отдельных энтузиастов, призывы которых часто остаются «гласом вопиющего в пустыне». Без

поддержки наиболее гуманной и просвещенной части москвичей и их объединений в этом деле не обойтись. Возрождение милосердия и нравственности необходимо не только к человеку и его духовности, но и к природе — нашей общей колыбели и Храму, достойному почитания не меньше, чем Храм рукотворный.

Вот перечень основных памятников природы в долинах городских рек:

Долина реки Яузы от Кольцевой автодороги до Окружной железной дороги (в тех местах, где она не занята предприятиями). Ближе всего к реке подходят следующие улицы: ул. Северодвинская, пр. Шокальского, ул. Сухонская, пр. Извилистый и Олонский, ул. Ленская, Тенистый пр., ул. Заповедная, Лазоревый пр., ул. Леонова и Докукина, ул. Малахитовая, ул. Кадомцева. Далее река уходит в Лосиный Остров.

Долина во многих местах заболочена, что благоприятно для водоплавающих птиц, которые здесь гнездятся, а потом остаются на зимовку. В «диких» участках, не занятых огородами, масса певчих птиц и красивых бабочек. Долина — зеленый коридор между Лосиным Островом, Главным ботаническим садом и Подмосковьем. Это пролетный путь птиц, трасса перемещения всего живого в пределах Москвы. Сохранились устья притоков: Лихоборки, Чермянки, Каменки, Ички, Будайки. Множество притоков забрано в коллекторы и служат приемниками сточных вод.

Долина реки Чермянки. От ул. Дежнева до ул. Молодцова. Ближе всего к реке подходят ул. Плещеева, Корнейчука, Пришвина. Второй участок: от ул. Дежнева до устья. Здесь рядом: ул. Мусоргского, Ясный пр., Юрловский пр., Северный бульвар, ул. Заповедная. В долине сохранился густой травяной покров, заболоченные участки, пойменный лес, изобилующий стрекозами и бабочками, луга с массой шмелей-опылителей, местообитания певчих и водоплавающих птиц.

Устье р. Лихоборки от ограды Главного ботанического сада (ГБС) до впадения в Яузу. Раньше территория относилась к ГБС, теперь превращена в пустырь. Связывает воедино хорошо сохранившиеся низовья Лихоборки в ГБС и зеленый коридор долины Яузы.

Джамгаровский пруд и речка Ичка — приток Яузы. Сохранился живописный парк и прибрежная растительность. Любимое место отдыха москвичей. Пруд посещают чайки, крачки и другие около-

водные птицы. Ближайшие улицы — Напрудная, Эстафетная и Стартовая. Река связывает север Москвы с загородной частью Лосино-Острого острова.

Сходненская чаша или Сходненский ковш — живописная глубокая долина реки Сходни вблизи проездов Донелайтиса, Светлогорского, бульвара Яна Райниса. Типичный рельеф южных отрогов Клинско-Дмитровской гряды, по которым течет речка Сходня. В недавнем прошлом — место стоянки стай перелетных птиц (уток, куликов) на весеннем пролете. Одно из самых живописных мест в Москве.

Щукинский полуостров Москвы-реки. Вход на него со Строгинского моста с левого берега из Щукина и с правого — из Строгина. Живописные участки леса с полянами и искусственным заливом Москвы-реки, местообитания редких растений и множества разнообразных птиц. Полуостров — часть «зеленого коридора» вдоль Москвы-реки.

Долина речки Химки в лесопарке Покровское-Глебово. Берега со множеством родников. Один из последних участков естественной долины, выше по течению речки, вошедшей в состав Химкинского водохранилища. Пролетный путь певчих птиц. Местообитание редких и охраняемых видов растений. Связывает лесопарк с коридором вдоль Москвы-реки. Ближайшие улицы: ул. Береговая, Ивановский пр., Ивановское шоссе.

Овраг Малая Гнилуша — живописный ручей в глубокой долине длиной 200 м с родниками, впадающий в Москву-реку справа, напротив жилого массива Крылатское. Сохранился травяной покров с редкими видами растений. Верховье замусорено и требует расчистки.

Долина реки Сетуни в Матвеевском лесу. Подход с улиц Старовольнской, Нежинской, Давыдовской. Участок самого крупного зеленого коридора на западе Москвы, живописная долина со старыми ветлами, местообитания певчих и водоплавающих птиц.

Долина реки Раменки от Мичуринского проспекта до Винницкой улицы. Пролетный путь птиц, местообитания редких растений.

Долина реки Раменки от парка имени 50-летия до ул. Раменки. Коридор, объединяющий парк и долину Сетуни до Матвеевского леса. Местообитание нескольких видов певчих птиц, зимовка водоплавающих. Подход с ул. Раменки и проспекта Вернадского.

Долина речки Самородинки вдоль ул. Лобачевского. Через Олимпийскую деревню соединяет воедино долины Очаковки, Раменки и Сетуни.

Долина одного из истоков речки Очаковки от ст. метро «Теплый Стан» до Зоны отдыха Черемушкинского района — «Ляхвинский овраг» с небольшим прудом возле детской поликлиники. Весной и летом — прибежище множества певчих птиц. Вместе с другими истоками образует пруд в зоне отдыха Черемушкинского района.

Долина речки Очаковки вдоль ул. Тропаревской. Основной природный коридор между юго-западными лесными массивами и долиной Сетуни.

Долина речки Котловки от Нахимовского проспекта до пл. «Нижние Котлы». Самая близкая к центру естественная речная долина. Путь пролета через город мелких птиц и сохранившиеся места участки лесной растительности. Живописный ландшафт. Подход с ул. Ремизова, Нагорная, Нагорного бульвара.

Пруд на реке Городне возле ул. Дорожной: ежегодная зимовка водоплавающих и место обитания мелких прибрежных птиц. Ближайшие улицы: 2-й и 3-й Дорожные проезды, ул. Подольских Курсантов, пл. «Покровская» Курской железной дороги.

Долина р. Язвенки от Кольцевой автодороги до впадения в Верхний Царицынский пруд. Одна из самых живописных речных долин Москвы, связывающая воедино комплекс Царицына, Бирюлевский дендропарк и Южное Подмосковье. Подход с Шипиловского проезда, ул. Ясеновой, Орехового бульвара.

Долина р. Шмелевки, притока Городни. Коридор между долиной Москвы-реки и Южным Подмосковьем. Ближайшие улицы: Гурьевский проезд, ул. Воронежская, Задонский проезд.

Долина р. Городни ниже Борисовского пруда. Связывает самые крупные искусственные водоемы Москвы с долиной Москвы-реки. Многочисленная пойма Москвы-реки, Городни и Шмелевки с заболоченными участками, густым травяным покровом, луговым разнотравьем, обилием птиц и полезных насекомых. Ближайшие улицы: ул. Борисовские Пруды, ул. Братеевская, ул. Городянка, Задонский проезд.

Долина р. Пономарки между Люблинским прудом и Шibaевским прудом в Кузьминках. Уникальный случай сохранения естественной заболоченной лесной долины в городе. Место обитания во-

доплавающих птиц, влаголюбивых растений. Ближайшие улицы: ул. Юных Ленинцев, ул. Маршала Чуйкова, ул. Шкулева.

Долина р. Серебрянки в Измайлове. Сохранившаяся в лесопарке плоская заболоченная долина типичной малой реки восточной части Московской области — Мещерской низменности. Очень живописная, с полянами и группами кустарников, с обилием певчих птиц, бабочек, красивоцветущих растений. Подход от станции метро «Измайловская».

Что же можно сделать, чтобы улучшить состояние памятников природы?

Главная их беда — чрезмерная нагрузка, которой они не выдерживают. Это приводит к появлению «лысых» мест, иногда очень большого размера, которые обезображивают их внешний вид. Вторая беда, не меньшая — скопление огромного количества мусора и хлама, который иногда специально сносят «в овраг», почему-то считая природу подходящим местом для отходов. Третья беда — регулярное выжигание сухой травы, вошедшее в привычку у горожан. Это очень вредно для растений и животных. В огне погибают куколки и личинки, птичьи гнезда, семена растений, страдают корни деревьев, меняется и обедняется состав природного сообщества. Наконец, укоренившаяся не так давно традиция мыть в речках машины приводит к гибели множество водных организмов, ни один из которых не выдерживает появления пленки бензина на поверхности воды. Из этого следует, что забота о памятниках природы — дело долгое, за которое надо браться всерьез.

Прежде всего, необходимо заранее установить места скопления наибольшего количества мусора и позаботиться о средствах его вывоза, а главное — установить, куда его будут вывозить. Известны случаи, когда тщательно собранный мусор вскоре оказывался в ближайшем лесопарке. Очень важно выловить из речки пустые пластмассовые бутылки из-под напитков, они стали настоящим бедствием.

Во-вторых, хорошо бы подготовить посадочный материал и озеленить наиболее нарушенные участки. У речек лучше всего сажать иву: это ее природное место и приживается она очень легко. Разумеется, необходимо впоследствии контролировать состояние посадок.

Чтобы не допустить поджигания травы, надо вести разъяснительную работу в школах и других образовательных учреждениях задолго до наступления весны.

Наконец, кампания против мойки машин в речках требует совместных усилий граждан и средств массовой информации, санитарной инспекции, экологической милиции, других контролирующих организаций, префектур. За последние годы многие жители города удивительно быстро утратили всякие следы былой культуры, и их надо долго и упорно восстанавливать.

Наконец, надо иметь в виду, что конец апреля — начало мая — время гнездования птиц и цветения некоторых привлекательных растений. Находясь на природных территориях, очень важно не распугать их обитателей и не разрушить их среду обитания, что можно сделать и случайно, без злого умысла. Необходимо также воздержаться от сбора любых растений, ведь ради них, в том числе, и организованы памятники природы. Словом, помните о принципе «не навреди».

Хотя каждый из этих зеленых островков ничего особенного как бы не представляет, вместе они, будучи сохраненными, образуют единый экологический каркас города.

Произвести бурный переворот в природоохранном сознании горожан в наше время очень трудно. Мы надеемся, что наиболее гуманная и просвещенная часть москвичей сумеет сделать первый шаг от расточительного разрушения среды обитания к ее сохранению и восстановлению. И что за первым шагом последуют другие.

В ДОЛИНЕ РЕКИ СЕРЕБРЯНКИ

Над заросшей тихой речкой
Кто-то с песней взвился свечкой,
А потом прервал полет,
Сел — и больше не поет!
Вот опять певец стрекочет,
Вот опять в траве хлопочет...
Не кузнечик, не жучок —
Камышевка-барсучок!

К. Авилова

По мнению выдающегося российского зоолога Александра Николаевича Формозова, богатый животный мир Измайловского леса, как и других лесных массивов Москвы и ближнего Подмосковья, сохранился во многом благодаря их использованию для охоты особами царской фамилии. Действительно, Измайлово в первую очередь известно своим охотничьим прошлым.

Окрестности дворцового села Измайлова со времен Ивана Грозного были одним из участков, специально приспособленных для великокняжеских и царских охот вблизи Москвы. Село, расположенное в двух верстах от Семеновской и Преображенской застав, между старыми дорогами «Володимирской» и «Остромынккой», было вотчиной бояр Романовых. Первые цари династии Романовых охотились в окрестностях Измайлова на лосей, волков и медведей. Сохранились упоминания о таких охотах в 1620, 1657 и 1675 годах.

При царе Алексее Михайловиче, царствовавшем с 1645 по 1676 год, особенно процветала соколиная охота. При царском дворе в соколятнях содержалось до трех тысяч ловчих птиц, а «кречатьи помытчики» ежегодно доставляли еще по две сотни. Хорошие сокола оценивались в 1000 рублей. Соколиная охота была отдана в ведение Приказа тайных дел, в то время как всякая другая — в ведение Конюшенного приказа. Доверенных людей из Приказа посылали специально к берегам Восточного Мурмана на Баренцевом море, чтобы «кречеты и челиги помыкать с великим радением неоплошным». Ради сохранения мест гнездования соколов царь приказал «считать Семиостровье под особое государевой заповедью». Таким образом, заповедник «Семь Островов», ныне входящий в состав Кандалакшского заповедника, и Измайловский лес не случайно стали одними из первых заповедных территорий России.

Царским указом близ Москвы была выделена запретная для охоты зона: «Около Москвы в ближайших местах со псовой охотою не ездить и по рекам, озерам и в лесах птиц не стрелять». При Алексее Михайловиче было принято 67 указов об охоте: о сроках охоты, о запретных зонах, о всеобщей регалии (исключительном праве охоты царя на некоторых животных), о нарушениях и наказаниях. Запрет охоты вблизи Москвы подтверждался в последующие три столетия много раз. Для сохранения природного наследия Москвы русские охотничьи традиции имели огромное значение.

Дело отца продолжил Петр I. Его указ от 18 апреля 1703 года гласит: «Ныне ведомо великому Государю учинилось, что на тех Измайловских лугах по рекам и по прудам и по озерам ездят всяких чинов люди со птицами и с пищальми, птиц ловят и из пищалей по ним стреляют». Управителю села Измайлова приказывалось навести порядок в угодьях: «Самому в них ездить почасту и мужиков и крестьян посылать человек по десять и больше непрестанно, и тех людей ... со птицами и пищальми ловить». За браконьерство взыскивали по 100 рублей, а людей нижних чинов наказывали «без всякия пощады» и ссылали «в Азов с женами и детьми на вечное житье».

В 1663 году в Измайлове появился царский хутор, было заведено садоводство и другие «статьи» хозяйства. Вокруг сосновых боров Измайлова уже к концу XVII века были поля и пашни, а на речке Серебрянке две плотины со шлюзами — Жуковская, очевидно мельничная, и Лебедянская. Существовал и Красный пруд на притоке Серебрянки, от которого в наше время сохранился только Красный мост. Благодаря плотинам речка была превращена в цепь больших прудов, а долина затоплена. На прудах прикармливали овсом диких уток для охоты. Охотой на уток с соколами особенно увлекался царь Петр II. Он подтвердил указ Петра I о запрете охоты псовой и птичьей в полосе 30 верст от столицы.

Измайловский зверинец как таковой был создан в 1731 году по указу Анны Иоанновны. Предварительно ею было в апреле 1830 г. «накрепко указано», чтобы под Москвою помещики и люди их и крестьяне «со псовой и птичьей охотами не ездили, и зверей, зайцев, лисиц и прочих... не травили и тенетами и ничем не ловили и не стреляли». Нарушителей «штрафовали, не чиня никакого послабления». Велено было, «ежели кого наедут, таковых брать под караул, а собак всех перестрелять».

Сам зверинец состоял из заячьего массива — близ Владимирской дороги, лосяного и кабаньего («кабанника») — на севере. Лес тщательно охранялся. В эти участки искусственно выпускали животных — зайцев, оленей, косуль, кабанов. Завозили даже американских оленей. В 1752 г. был еще лисятник.

Елизавета Петровна, царствовавшая с 1741 по 1761 год, очень любила охоту и охотилась на зайцев и тетеревов в окрестностях Измайлова. В 1743 году она издала указ о 50-верстной запретной для охоты зоне во все стороны от Москвы. «Со псовой охотою и тене-тами никому не ездить, и как зверей, так и птиц не травить, не ловить и не стрелять, а никакими вымыслы не ловить же».

Численность животных многократно превышала естественную. Так, во времена Александра I оленей было несколько сотен. Чтобы они не разбежались, зверинец обнесли деревянным тыном в 1740 году. Его многократно ремонтировали, но к 1820 году он сгнил, остались только канавы и вал на месте тына. Какое-то время в зверинце, как в зоопарке, содержались и экзотические звери: индийские слоны, белые медведи.

На пруды завозили лебедей и других водоплавающих птиц, а в лес — куропаток. Их насчитывались сотни. Еще в конце XIX века в Измайлове водились белые куропатки, а вплоть до 1918—20 годов — серые, очевидно из числа завезенных. Лебедянский пруд в те времена оправдывал свое название — на нем действительно жили лебеди. Такое полувольное содержание птиц для охоты было как бы прообразом современного дичеразведения. Кроме того, вокруг прудов гнездились кулики — черныш и перевозчик, лысухи, чирки и благородные (речные) утки. В лесу обитали серая неясыть, филин, дрозд-деряба. На участках, граничащих с полями и прогалинами, были обычны тетерева. Благодаря соседству полей и покосов в лесу обитали мышеядные хищные птицы — канюк и пустельга. Когда пруды спустили, канюки стали кормиться также в долине Серебрянки. Есть указания на гнездование такой редкой в наше время хищной птицы, как большой подорлик, а также луней, осоедов и ястребов. Возможно, повышенная плотность и разнообразие крупных хищников были отчасти вызваны искусственно созданным обилием дичи. Делались попытки регулировать численность хищников. В Зверинце «отпускали порох и дробь для уничтожения филинов, ястребов, подорликов, коршунов и прочих рауптиров», нападавших на зайцев.

В 1739 году была проведена перепланировка массива и проделаны новые просеки. В 1774 посажены сады — Кольшкинский, Просянский и другие.

В 1802 году было проведено межевание и составлен план массива. В 1859 лес был передан в Московскую удельную контору. Его разбили на кварталы и начали обычное лесное хозяйство. Но хотя значение леса как охотничьего угодья уменьшилось, Удельное ведомство продолжало охранять его от браконьеров вплоть до 1917 года.

До 1888 года велась вырубка массива делянками, но в 1891—94 годах Департамент уделов издал постановление о прекращении всяких рубок.

К этому периоду, очевидно, относится и ликвидация прудов на Серебрянке, хотя документальных записей по этому поводу не сохранилось. После того как пруды были спущены, в долине быстро образовалось большое болото, стало меньше водоплавающих птиц и больше водно-болотных. Возможно, в это время особенного расцвета достигла и колония серых цапель, на которых прежде охотились с соколами.

А. Н. Формозов приводит описание этой колонии в Измайловском зверинце, сделанное В. Дуровым по наблюдениям в 1904—1905 годы. Колония занимала площадь около четверти квадратного километра и размещалась на соснах. В ней было более ста пар цапель. По краям колонии размещались гнезда коршунов и воронов, было и одно гнездо сапсана. Цапли в той же компании коршунов и воронов весной кормились на свалке возле станции Сортировочная, летали на Москву-реку и Яузу. Колония сильно пострадала во время урагана 1904 года (было повалено и дерево с гнездом сапсана), но существовала вплоть до 1918 года, когда была уничтожена браконьерами.

Краткое описание посещения Измайлова в первые послереволюционные годы сделано И. А. Буниным в книге «Под серпом и молотом», написанной в эмиграции в 1930 году: «В жаркий майский день ходил в село Измайлово, вотчину царя Алексея Михайловича. Выйдя за город, не знал, какой дорогой идти. Встречный мужик сказал: «Это, должно быть, туда, где церковь с синим кумполом». Шел долго, устал. Но весна, тепло — было очень хорошо. Увидел, наконец, древний собор, с зелеными главами, которые мужик назвал синими, весенний сквозной лес, а в лесу стены, древнюю башню, ворота и

храм Иосафа, нежно сиявший в небе среди голых деревьев позолотой, — в небе, которое было особенно прекрасно от кое-где стоявших в нем синих и лазурных облаков...

Теперь тут казармы имени Баумана. Идут какие-то перестройки, что-то ломают внутри теремов, из которых вырываются порой клубы известковой пыли. В храме тоже ломают. Окна пусты, рамы в них выдраны, пол завален и мусором, и этими рамами, и битым стеклом. Золотой иконостас кое-где зияет дырами — вынуты некоторые иконы. Когда я вошел, воробьи ливнем взвились с полу, с мусора, с иконостаса в дырах, с выступов риз над ликами святых.

А как знаменита была когда-то эта вотчина! Вот кое-что из одной старой редкой книги о ней: «Рощи 115 десятин. Рощи, числом 5, заповедные. Роща цапельная, где жили цапли. Зверинец. Плодовые сады, числом 32, аптекарские огороды. Регулярный сад. Виноградный сад. Волчий двор. Житный двор в 20 житниц. Льняной двор для мятя льну. Скотный двор, в нем 903 быка, 128 коров, 190 телиц и 82 тельца, 82 барана, 284 свиньи. Конюший двор, в нем 701 иноходец, кони, кобылы и мерины. Воловий двор. Виноградная мельница. Пивоварня, медоварня, солодовня, маслобойня. Птичий двор, в нем лебеди, павлины, утки и охотничьи куры многих родов. На мукомольне 7 мельниц. Стекланный завод... Церквей каменных 3, деревянных 2, дворов поповых 5 и 11 причетников. Воксал для блистательных представлений. Мост, мощенный дубовыми брусьями... 27 прудов, в одном щуки, в другом стерляди, каковым щукам царевны вешали золотые сережки и кликали в серебряные колокольчики...»

В 1920-х годах в Измайловском лесу проводил экскурсии для студентов 1-го Московского университета известный орнитолог и натуралист А. Н. Промптов, автор трижды переиздававшегося определителя «Птицы в природе», которым пользуется уже не первое поколение начинающих орнитологов. Им опубликованы описания местообитаний и результаты учетов птиц. Александр Николаевич подчеркивал, что Измайловский «зверинец» как будто специально приспособлен для демонстрации птиц, так как в нем велико разнообразие растительных группировок и очень четко выражены границы между ними. Это позволяет сразу увидеть разницу качественного состава сообществ птиц различных биотопов: ельника, соснового леса с примесью лиственных пород, молодой лиственной поросли по опушке, болота в пойме речки и других. Такое разнообразие растительных сообществ и соответствующих им группировок птиц

сложилось благодаря неоднократно проводившимся посадкам лесных пород (в 1884—89 годы велись посадки ели под полог леса), на месте которых сформировались близкие к естественным комплексы: сосняки, липняки, ельники. Их дополняли открытые участки: на месте старых вырубок, в долине Серебрянки, пышные заросли по опушкам («эктоны»), особенно богатые птичьим населением. Все это во многом справедливо и для сегодняшнего Измайловского леса, сохранившего многое из своих природных качеств благодаря размерам, целостности и компактности лесного массива.

Однако уже в середине столетия выявлялись и значительные отличия условий обитания от тех, что существовали в наиболее благоприятные для Измайловского леса времена. Они связаны с приближением города и увеличением количества людей в лесу. А. Н. Промптов предсказывал обеднение фауны птиц по мере застройки прилегающих территорий. К счастью, не все оправдалось. К исчезающим видам А. Н. Промптов отнес чечевицу, чижа, юлу, крапивника, снегиря, синиц, кроме большой, лугового чекана, ястребиную славку, всех камышевок и сверчка, соловья, варакушку, малую мухоловку, кукушку, дятлов, голубей, сов и дневных хищников.

Хорошо и с пользой для себя приспособившимися к соседству с человеком птицами Измайлова он считал ворона, ворону, скворца, воробьев домового и полевого, белую трясогузку, большую синицу, горихвостку, серую мухоловку, деревенскую и городскую ласточек, коршуна.

Наконец, таким видам, как зяблик, коноплянка, зеленушка, пеночки весничка и трещотка, серая славка и черноголовка, по мнению А. Н. Промптова, прямая опасность в ближайшее время в Измайловском лесу не угрожала.

В 1943—45 годы недалеко от Измайлова, близ бывшей усадьбы Терлецкого, лесной массив которой составляет единое целое с Измайловским лесом и почти целиком сохранился до сих пор, вел наблюдения известный педагог и натуралист Петр Петрович Смолин. В его архиве, любезно предоставленном мне руководством Дарвиновского государственного музея, сохранились записи круглогодичных учетов, к сожалению, без описания местообитаний и без комментариев. По этим данным можно попытаться установить, какие птицы тогда еще продолжали гнездиться или встречаться во время пролета в окрестностях Измайлова. В гнездовой сезон там были отмечены серая цапля, большой улит, перепел, сапсан, осоед,

коршун, канюк, чеглок, сизоворонка, дрозд-деряба, дубровник и другие редкие или исчезнувшие в Москве птицы. Во время пролета и кочевков встречались гуси-гуменники, большой подорлик, зимняк, седой дятел, юла, краснозобый конек, серый сорокопуд, гренадерка, пуночки и другие виды птиц.

В. Е. Флинт, проводивший учеты в Измайловском лесу в свои студенческие годы по совету П. П. Смолина примерно через 25 лет после А. Н. Промптова, отмечает прекращение гнездования канюка, пустельги, вяхиря, горлицы, кукушки, сойки, снегиря, юлы, хохлатой синицы, московки, лазоревки, королька, лесной завирушки, славки-мельничка, малой мухоловки. Зато констатирует появление перепела, полевого жаворонка, каменки, деревенской ласточки, зеленой пеночки, увеличение числа дуплогнезdnиков.

Пройдемся вдоль Серебрянки погожим утром в конце мая— начале июня. Долина реки делит Измайловский лес на две почти равные части. Она довольно плоская и широкая, нередко заболоченная, с отдельными живописными кустами ивняка. По берегу речки проложены пешеходные тропинки, с которых удобно наблюдать за птицами и откуда летним утром хорошо слышны голоса многочисленных пернатых певцов.

Первый участок, граничащий с заболоченным лугом, утопает в пышных зарослях ивняка по берегам. На этом участке в гнездовой сезон встречаются: соловей, большая синица, пеночка-весничка, садовая камышевка, чечевица, садовая славка, белая трясогузка, дрозд-рябинник, скворец. Эти птицы собирают корм у реки или поют в прибрежных зарослях на своих гнездовых участках. Кроме того, на поверхности довольно прозрачной в этом месте воды то и дело встречаются утки-кряквы, гнездящиеся в заболоченной долине и приводящие выводки на реку. С опушки леса хорошо слышны звонкий росчерк зяблика, свистовая песенка славки-черноголовки, гнусавое хихиканье зеленой пересмешки. Посещают речку и синантропные птицы: ворона и домовый воробей, но их немного.

Второй участок представляет собой заболоченный луг с кочками. Здесь также поют чечевицы, которых, видимо, сейчас не меньше, чем во времена А. Н. Промптова, болотные камышевки, садовая славка. Над лугом с песней взлетает серая славка, а поодаль — другая, по дорожке бежит в погоне за насекомыми белая трясогузка. Здесь также присутствуют домовые воробьи, несколько голубей-сизарей, одна-две вороны, а на речке — кряквы.

Третий участок небольшой, частью занят ивняком, а часть открытый. Состав птиц здесь такой же, как на уже пройденном отрезке маршрута: чечевица, серая славка, кряква.

На четвертом участке берег открыт и особенно сильно заболочен, среди болотистого луга местами разбросаны группы ив, а на речке устроен пруд. Здесь в разгар весны даже днем можно послушать соловья, рядом с которым особенно нежно звучит скромная песенка пеночки-веснички. Здесь же поет болотная камышевка, а на опушке громко вторят друг другу зяблик и славка-черноголовка. По берегу пруда расхаживает несколько сизых голубей, над прудом охотится пара речных крачек, а на воде плавает несколько крякв с выводками. Вечером и ночью слышен резкий двойной скрип самца-коростеля.

Следующий участок также граничит с болотистым лугом и обрамлен ивовой уремой. На заболоченных участках обитают камышовая овсянка и садовая камышевка. Слышно громкое стрекотание речного сверчка. Сочно шелкает соловей, журчит садовая славка (смородинка). В ивняке гнездится сорока, но ведет себя в эту пору она очень тихо и скромно. Гораздо более заметны соседствующие с ней пеночка-весничка и серая славка. Ивняки прочесывает целая компания длиннохвостых синиц. Назойливо повторяет свой свистовой вопрос чечевица. Изредка появляется ворона.

Следующий отрезок представляет собой пойменный ольшаник с отдельными участками открытого берега. Он резко отличается от светлой заболоченной долины. Здесь слышны, в первую очередь, голоса лесных птиц: песенка зяблика, бормотанье зарянки, свистовой перелив черноголовки, колокольчики крапивника, двусложный перебор белобровика. С берега с испуганным квохтаньем взлетает рябинник. Возле старых дуплистых деревьев поет мухоловка-пеструшка. Постукивает и громко вскрикивает, увидев человека, большой пестрый дятел. Недовольно стрекочут синицы: большая, а чуть поодаль — лазоревка. Живет здесь и полевой воробей, тоже дуплогнездник. Вблизи воды без устали раскатывает дробь неутомимый соловей, которому меланхолично вторит садовая камышевка или сорокопесенник. Вполголоса, как бы исподтишка, подает тревожный сигнал сорока. Вдали из кустов доносится бесконечная шелестящая песенка речного сверчка. Звук словно приближается и удаляется, это поющий самец то поворачивается «лицом», то отво-

рачивается спиной, равномерно охватывая звуковым сигналом пространство.

Лес кончается, перед нами Лебедянский пруд. Это любимое место отдыхающих, поэтому берега сильно вытоптаны и зарослей на них нет. На пруду плавают кряквы: самки с выводками и начинающие линять самцы, а над прудом летают одна-две озерные чайки и столько же речных крачек, высматривающих добычу. На низкой траве рудерального луга пасется табунок скворцов, прыгают домовые воробьи. По берегу ходят голуби-сизари. Над лугом с песенкой летает серая славка, из зарослей вдоль сырой низины доносится песня соловья.

Наконец, последний участок — снова темный ольховый лес, подходящий вплотную к речке. И здесь мы опять встречаем лесных птиц: зяблика, мухоловку-пеструшку, славку-черноголовку, дрозд-рябинника, большую синицу, на опушке — пеночку-весничку, в прибрежных зарослях — соловья и чечевицу. Встретится и ворона, для которой речная пойма — естественное местообитание. Именно отсюда началось ее победное шествие по освоенным человеком территориям.

Даже после такой короткой экскурсии видно, что, к счастью, далеко не все предсказания А. Н. Промптова сбылись. Не исчезли из Измайлова камышевки и сверчки, чечевица и соловей, крапивник и синица-лазоревка, большой пестрый дятел. Они живут здесь, пока сохраняются их местообитания: луга, болота, прибрежные заросли (урема), лес с дуплистыми деревьями, валежником, кучами хвороста, густым подлеском. При соблюдении необходимых на орнитологической экскурсии внимания и осторожности экскурсанты смогут понаблюдать еще за многими птицами, голос которых приятен для уха, а внешность — для глаза. И если не проводить в лесу и на водоемах нарочитого «благоустройства», не превращать лес в парк культуры и отдыха, в нем всегда будет хватать места всем — и птицам, и людям.

Новую экологическую нишу освоили кряковые утки: они вернулись в Измайлово, когда Серебрянка перестала замерзать зимой. А затем стали и гнездиться в болотистых участках. Зимой в конце 80-х годов на Серебрянке и на отстойниках жилого массива Ивановское скапливалось почти 2000 крякв. К зимующим уткам присоединялись то задержавшийся в городе чирок-свистун, то чомга. Окрестные жители с удовольствием подкармливали птиц, фо-

тографировали их, охраняли от лишнего беспокойства. Однако в 1991—1992-м годах материальное положение горожан изменилось и подкормку невольно пришлось сократить. Численность уток с этого момента пошла на убыль, но зимовка, хоть и сократилась в 10 раз, существует до сих пор и очень оживляет пейзаж зимнего леса.

Профессор А. Н. Формозов во введении к очерку фауны Москвы, посвященном 800-летию столицы, процитировал слова замечательного зоолога Карла Францевича Рулье, произнесенные теперь уже полтора века назад. Они несколько не потеряли актуальности и звучат как никогда современно. Вот эти слова: «Кому из просвещенных людей не любопытно, особенно в наше время, когда все со столь похвальным рвением обратились к Истории своего Отечества, ...ознакомиться хоть слегка с теми многообразными животными, которые занимают одинаковую с ним местность, которые, следовательно, окружали его предков, окружают его самого, даже будут окружать его потомков».

Сегодня Измайловский лес сменил статус и называется Природно-историческим парком. Хочется верить, что это поможет избежать разрушительных для него преобразований и сохранит для потомков одну из его непреходящих ценностей — богатую и разнообразную фауну.

КУЗЬМИНКИ — КУСОЧЕК МЕЩЕРЫ

Встали сосны как колонны,
Под колоннами — песок.
Вы слышали хит сезона?
Так поет лесной конек!

К. Авилова

Лесной массив Кузьминки, почти единственный старый сосняк в пределах Москвы, представляет собой самый западный форпост Мещерских боров. Речка Пономарка, на большем протяжении преобразованная в пруды, разделяет лесной массив вдоль: на меньшую северную и большую — южную части. Зимой на незамерзающих участках прудов скапливается несколько сотен кряковых уток, привыкших к подачкам. Они хорошо знают как места прогулок людей,

так и возможные пункты подкормки. Из года в год эти пункты сохраняются. Летом некоторые утки гнездятся поблизости и приводят на пруды утят. Так формируется оседлая группировка городских уток. Среди крякв попадаются птицы других видов: шилохвости, чирки-свистунки и трескунки, красноголовые нырки. Заглядывают сюда и чайки, совершая свои ежедневные кормовые перелеты. В теплое время года над прудами всегда кружит несколько озерных и сизых чаек. Часто среди них можно увидеть речных крачек, похожих на больших белых ласточек.

Натуралист Ю. А. Новиков, работавший помощником лесничего в 60-х годах, отмечал в Кузьминках оседлую популяцию индийских скворцов-майн, выпущенных любителями из клеток. Майны до конца 90-х годов обитали на хозяйственных постройках и коровниках у села Беседы за Кольцевой автодорогой. Весной в конце апреля — начале мая в лесу и возле прудов особенно светло, так как еще не распустилась листва. Это короткое время особенно располагает к орнитологическим экскурсиям. С каждым днем прибавляется число поющих птиц, подлетающих с зимовок: начинают петь и включаются в общий хор те, кого вчера еще не было. В то же время еще можно услышать и последних ранних весенних певцов, которые вот-вот замолчат.

Уже при входе в парк на кленовой аллее слышна двусложная песня большой синицы, звонкий росчерк зяблика, быстрая строчка пеночки-трещотки, чирикающий голос мухоловки-пеструшки. На большой поляне возле парковых построек бегают по земле белая трясогузка. Песню трясогузки услышать в это время не удастся. Брачные игры у них уже закончились, и самки сели насиживать кладки. Гнезда трясогузок обычно построены под крышами и застрехами деревянных домов. Второй раз они поют в конце июня, перед вторым гнездованием.

На голой еще липе, у поляны, выделяется шарообразное гнездо сороки. Благодаря его конструкции невозможно догадаться, жилое оно или нет: если птица и находится внутри, она хорошо замаскирована рыхлым куполом из сухих веток. Распустившаяся листва липы позже скроет и самое гнездо с глаз непрошенных гостей.

На опушке слышна нежная песенка пеночки-веснички. В отличие от других пеночек она никогда не встречается в глубине леса.

На берегу Шibaевского пруда растут старые деревья черной ольхи, корявые и дуплистые. Первыми бросаются в глаза серые во-

роны, сидящие на гнездах через каждые двести-триста метров. Для ворон, которые в отличие от грачей никогда не образуют коллективных поселений, это довольно высокая плотность гнездования. Ее причина — в наличии удобных деревьев для размещения гнезд.

По короткой еще траве возле пруда бродят, собирая корм, черные желтоклювые скворцы. Они тоже гнездятся на старых ольховых деревьях, но «этажом ниже» ворон — в дуплах.

Рядом с ними на земле кормятся группы воробьев. Присмотревшись, видим, что это не домовые воробьи, которые в изобилии шныряют у нас под ногами на автобусных остановках и в жилых кварталах, а полевые. Они все одинаковые, самцы и самки не различаются между собой, как у городских, у каждого на голове — коричневая (а не серая) «шапочка», на щеке — яркое черное пятно. Полевые воробьи тоже гнездятся в дуплах.

Сообщество дуплогнездников дополняют синицы: в отличие от воробьев и скворцов это строго территориальные птицы. Поэтому каждый самец громкой песней оповещает соседа о том, что участок вокруг его дупла занят. Весенним днем над прудом звенят голоса сразу нескольких больших синиц и зеленых лазоревок. Они часто гнездятся в дуплах с таким узким щелевидным входом, что его трудно рассмотреть с земли.

На примере одного этого участка можно убедиться, какое большое значение в формировании птичьего населения имеют старые дуплистые деревья: не будь их, мы бы не увидели здесь такого разнообразия птиц.

Выше пруда, вдоль старого яблоневого сада, в заросшей долине течет речка Пономарка. Густые заросли ивняка, ольхи, черемухи, а летом — крапивы и болотных трав хорошо скрывают обитателей. Но птиц и здесь выдают их голоса. Громче всех звучит песня соловья, который в разгар сезона поет и днем. За его четкими коленами не всегда различишь протяжное жужжанье зеленушки, скромные строфы пеночки-веснички, негромкую дробь малого пестрого дятла. В зарослях у берега часто попадаются криквы: то и дело самки, преследуемые самцами, с громким криканьем проносятся вдоль реки, взмывают над лесом, плюхаются на воду.

Близко к реке подходит знаменитый Кузьминский сосновый бор. Первыми в нем дают о себе знать вездесущие зяблики: они расхаживают по траве, по дорожкам, по веткам сосен, собирая корм. Самцы громко поют, заканчивая песню округлым коленом-

росчерком. Иногда между ними возникают пограничные конфликты. При встрече самцов-соседей начинается драка и короткое преследование в воздухе. Птицы мгновенно успокаиваются, как только разлетаются по своим индивидуальным территориям. В пасмурную погоду самцы громко «рюмят» — издают монотонное повторяющееся «рю...рю...рю...», или «дождевой крик».

Непременный обитатель сосняка — пеночка-теньковка, рассыпающая звонкую «капель» своей песни далеко по прозрачному весеннему лесу. С вершины сосны доносится песня дрозда-белобровика: несколько хриловатых свистов и глухое шелестящее бормотание. Первая, более звонкая, часть песни белобровика чрезвычайно изменчива, и если бы не второе, сходное у всех самцов, колено, было бы трудно догадаться, кому принадлежит песня.

Птицы семейства дроздовых активнее поют вечером, поэтому, посетив Кузьминки на закате солнца, вы услышите их во всем разнообразии: сочные звучные колена певчего дрозда, минорный вопросительный напев черного, неспешный затихающий к концу свистовой перебор зарянки. Всю ночь до рассвета будет звучать песня соловья, дальнего «родственника» дроздов. Под утро еще в полной темноте начнет петь садовая горихвостка, тоже птица семейства дроздовых.

Кое-где сосняк прерывается участками березового леса с подлеском из кустарников. В таком светлом лиственном лесу в фауне птиц появляется славка-черноголовка, песня которой особенно ценится за красоту и гармонию звуков. В начале мая черноголовки только возвращаются с мест зимовок и еще не поют всю песню целиком, ограничиваясь ее фрагментами. В это же время начинает петь и обитатель лиственных лесов и парков зеленая пересмешка — птица, по внешности напоминающая крупную пеночку. И тоже начинает с отдельных, самых характерных колен, постепенно добавляя новые, которых много в ее репертуаре.

Ранневесенние певцы к этому времени смолкают. Только если очень повезет, в зеленеющем уже лесу удастся услышать последнюю звонкую песенку пищухи — незаметной серой птички, мышкой снующей по стволам сосен, звонкий тройной свист самца синицы-гаички, тихое поскрипывание снегиря. Давно уже молчит поползень: его сезон пения кончился, когда растаял снег, а подросшие пенцы в мае покидают дупло.

Такое расхождение во времени гнездования между отдельными видами, живущими летом друг подле друга, позволяет более рационально использовать ресурсы и территорию. Некоторые птицы — белая трясогузка, большая синица, дрозд-рябинник успевают вывести птенцов два раза за лето, но таких видов немного.

Среди соснового леса в южной части массива нередко встречаются ельники. Если год выдался урожайный, под деревьями скапливается множество еловых шишек, обработанных животными. По манере обработки можно узнать, чей рацион составляли в этом году еловые семена. Самая «чистая» работа у белки: после нее остается только стерженек и кучка чешуек. Если белки при хорошем урожае всю зиму держались на одной территории, земля под елками бывает густо усыпана еловыми чешуйками.

Кое-где растрепанные шишки свалены в кучи под деревьями, причем не обязательно под елками. Это работа большого пестрого дятла: он выбирает для раздалбливания шишек наиболее удобные развилки в сучьях, куда можно крепко загнать шишку для обработки. Чаще всего такие конструкции попадают ему на соснах, реже — на других деревьях. Как-то мы обнаружили «кузницу» дятла на старой груше, хотя ель поблизости не росла, а шишки дятел носил откуда-то издалека.

Если множество шишек сброшено с деревьев почти без повреждений, значит в ельнике хозяйничали клесты-еловики. Они обычно используют лишь небольшую долю заключенных в шишках семян. Остальное сбрасывают вниз и предоставляют наземным животным — полевым мышам. Подбирают их и белки. При хорошем урожае клесты появляются в ельнике уже в конце лета, гнездятся зимой, когда созреют семена, а весной вместе с молодыми откочевывают с мест гнездования. Тогда песни клестов звучат в ельнике с осени до весны.

Белки, дятлы и клесты — основные животные потребители еловых семян, вся жизнь которых тесно связана с распространением и плодоношением ельников.

В глубине леса слышен вороний гам — это холостые вороны обнаружили ястреба-тетеревятника и всей стаей громко выражают недовольство присутствием хищника. Ястреб относится к этому довольно спокойно и, несмотря на преследование ворон, не первый год благополучно обитает в Кузьминках.

Хвойный лес обрывается возле просеки, над которой проходит линия электропередачи. На юге виден факел Московского нефтеперерабатывающего завода. Под проводами регулярно вырубают древесную растительность, поэтому ландшафт здесь напоминает зарастающий луг с отдельными кустами козьей ивы. После мрачного ельника на просеке празднично-светло. Между кустами ив перелетают стайки коноплянок, еще не разбившихся на пары. На цветущих ветках, покрытых желтыми барашками, поет желтый самец обыкновенной овсянки. С сырой мочажины доносится щелканье соловья, пролетает, мелодично перекликаясь, пара щеглов, по дорожке бегают белая трясогузка. На опушке продлевает один из первых в этом сезоне токовых полетов лесной конек: взлетает с песней высоко над землей и, распустив крылья, плавно планирует на противоположный край просеки.

В лесу у опушки попадается дубонос, птица семейства вьюрковых с очень массивным клювом. В конце лета выводки дубоносов часто кормятся в речных долинах на поспевающей черемухе, раздавливая клювом косточки плодов.

Миновав молодой лес между просекой и Кольцевой автодорогой, обогнув стрельбище, выходим на зарастающую поляну в северной части так называемого Головачевского леса. Эта поляна, очевидно, расположена на месте бывшего поселка и сейчас зарастает, но не березами и осинами, как большинство вырубок и прогалин, а густой щеткой молодых деревьев ясенелистного клена, некогда завезенного в Москву с американского континента. Этот агрессивный интродуцент не только занял долины многих городских рек, но проник и в лесные массивы. Пока деревца молодые и не образовали сплошного полога, между ними густо разрослось высокотравье, которое каждую весну выжигают. На фоне черной обугленной земли ярко зеленеют молодые ростки злаков. Пейзаж дополняют нежно-зеленые, похожие на зонтики, кроны молодых раки, выросших над осушительными канавами, и поросший бурьяном земляной вал над подземным нефтепроводом промзоны Чагино-Капотня. Этот причудливый и не лишенный своеобразного очарования ландшафт населяет сообщество опушечных и кустарниковых птиц, которых не встретишь в сплошном лесу.

В первой половине весны поляна наполнена звенящими песнями обыкновенных овсянок, голосами пеночек-весничек, щебетанием щеглов, жужжанием зеленушек. Позднее появляются серые славки,

несколько пар сорокопутов-жуланов. Были отмечены встречи и редкой в Подмоскowie лесостепной птицы — ястребиной славки.

К югу от поляны до самой улицы Верхние Поля тянется сухой сосновый лес. Когда бродишь по нему, не оставляет впечатление, что находишься не в Москве, а где-нибудь под Петушками или Шатурой. В этом лесу присутствуют следующие виды птиц: дрозд-белобровик, мухоловка-пеструшка, пеночка-трещотка, пересмешка, кукушка, большой пестрый дятел, славка-черноголовка, большая синица. Летом в этом лесу видели довольно редкую в московских лесах малую мухоловку с выводком, очевидно, гнездившуюся поблизости.

На южном краю леса расположены два небольших водоема: один — круглой, а другой — продолговатой формы. Круглое озеро сильно заросло тростником и кустарниковыми ивами. В зарослях гнездятся кряквы и болотные курочки-камышницы. Весной в тростниках слышна песня камышевки-барсучка, а в кустарниках — соловья. На водоем залетают озерные чайки, гнездящиеся в колонии неподалеку, по берегу ходят скворцы.

Продолговатый водоем с одной стороны граничит с молодым подтопленным березняком, а с другой — с автомагистралью и производственными постройками. Он более открытый, в нем, видимо, есть рыба, так как по берегам много людей с удочками. Птиц здесь практически нет.

Кузьминский лес вместе с прилежащим Головачевским массивом занимает 910 га. Этот большой компактный массив сохраняет и поддерживает высокое видовое разнообразие животных, в первую очередь птиц.

Интенсивное строительство в окрестностях Кузьминок привлекает в лес все больше людей. Несмотря на это, изменения, произошедшие в его фауне за последние годы, не столь велики, как можно было предполагать. Однако, если нагрузка на лес и дальше будет расти, природное равновесие может нарушиться.

СИМФОНИЯ ВЕСНЫ

Замри, на влажный мох присев...
Черноголовка, флейта мая!
Какой торжественный напев,
И звуков чистота какая!

К. Благосклонов

Весной, когда оденутся в зелень, наполнятся голосами и звуками леса и парки, полезно вспомнить старую поговорку жителей тайги — малого народа хантов. «В лесу, — говорили они, — первое дело — уши, глаза — второе». Последуем и мы мудрому совету, оставим разговоры, замедлим шаг, прислушаемся... Нет, я не приглашаю вас в сибирскую тайгу, множество песен разносится по самому обычному пригородному лесу, звучит во дворах, садах, на пустырях и даже в жилых массивах современных городов! Это сравнительно короткий, но наиболее оживленный период весеннего пролета птиц к местам гнездования продолжается на широте Москвы с конца апреля до второй половины мая. Путешествуя длинными пролетными путями, птицы ненадолго задерживаются на отдых в любом мало-мальски подходящем для временного житья месте. В это время особенно часто слышны их весенние брачные сигналы, которые человек, следуя привычным понятиям, называет песнями. За один весенний день можно получить огромный объем полезной «акустической информации», иными словами, вдоволь насладиться птичьих песен.

Далеко разносится среди белоствольных берез звонкая барабанная дробь. Это заявляет о своем праве на территорию большой пестрый дятел. Дробь у него четкая, задорная, всегда одинаковой продолжительности. Если услышите тихую и короткую, словно несмелую, знайте — это барабанит сородич большого, малый пестрый дятел. По Сеньке и шапка. Высокая протяженная дробь принадлежит третьему виду из семейства дятлов — белоспинному, громкая резкая и непродолжительная — выходцу из тайги, самому редкому трехпалому дятлу. Все пестрые дятлы используют для своей весенней дроби специальные «барабанные» деревья, которые тщательно разыскивают и подбирают. А если повезет, из темного ельника донесется такой раскат, что вздрогнешь от неожиданности: будто ударяют раз за разом большим топором! Это дробь самого крупного из

дятлов — черного. Часто вслед за ней слышится и его голос: протяжное немного таинственное «Ки-ааай!» с ударением на втором слоге. Взлетая, черный дятел рассыпает над лесом короткие гортанные трельки: «Кри-кри-кри-кри...!» Если не знаешь, подумаешь — кричат две разные птицы.

Два вида дятлов вовсе не издают барабанной дробы, хотя и выдалбливают дупло, в котором выводят птенцов. Зато их голоса легко запомнить. У зеленого дятла незамысловатая крикливая «песня», в малолюдных лесных оврагах она звучит таинственно и жутковато. Брачная песня второго дятла, вернее близкого родственника дятлов, невзрачной серой вертишейки, напоминает многократно повторенный высокий пронзительный хохот. Порой птица сидит совсем рядом, но заметить ее на фоне коры и сучьев почти невозможно.

При наступлении первой фазы весны — «весны света», когда ничто, кроме удлинения дня, еще не предвещает смены времен года, начинает петь в лесу юркий проворный поползень. За его простую песенку, состоящую из серии повторяющихся озорных свистов, называют эту птицу еще «ямщиком». Но есть у него и более сложная песня, исполняемая так же часто, — серия громких и чистых булькающих звуков.

Крапивник, или подкоренник, — одна из самых мелких лесных птиц, ростом с грецкий орех. Его и называют иногда «орешком». Но голос его по силе и звучности превосходит голоса даже многих более крупных певцов. Крапивник всегда прячется в валежнике и буреломе, среди пней и куч хвороста, в оврагах. Весной он возвращается с зимовки рано, когда такие места еще завалены снегом. И особенно звонко разносится над голым еще лесом серебряный колокольчик его длинной переливчатой песни. А если взлетит птичка на большой пень, не переставая петь, поворачивается во все стороны, тогда ее слышно в самых глухих уголках леса!

Вы слышали, как поет дрозд-рябинник? Если нет — не обольщайтесь! Он поет ужасно! Смесь скрипа немазаного колеса и дребезжания пустой консервной банки — вот нечто, отдаленно похожее на его скрипучую песню. Когда рябинник поет, его надо не просто слушать. На него надо обязательно еще и смотреть. Чтобы быть более заметным, самец демонстрирует особенный туковый полет: широко распустив хвост и подняв над спиной крылья, он плавно плывет в воздухе над большой лесной поляной. И так он хорош, желтоклювый и пестрогрудый, на фоне синего неба и пегой, не до

конца оттаявшей земли, что и неблагозвучная его песня кажется прекрасной!

А про каких же дроздов поется в популярной песне: «Вы слышали, как поют дрозды, нет, не те дрозды, не полевые?» Уж конечно не про полевых, так как таких в природе вообще нет. Все дрозды — лесные птицы. Дрозду, чтобы жить и петь, нужен лес. Так и родственники рябинников — певчие и черные дрозды — населяют российские леса. Только в Западной Европе они не отказываются жить и в городах, распевать на фонарных столбах, гулять по газонам в палисадниках... Непривычно звучит песня дрозда, усиленная эхом каменных домов. Ведь мы слышим ее только в лесу. И всегда — с высоты. С вершины самого высокого дерева. Певчий дрозд — солист, признанный самыми строгими ценителями птичьего пения. Когда поет, он не суетится, а как дирижер лесного хора, занимает самое главное, центральное место в зале. Он — за пультом. На весь затихающий вечерний лес разносятся на заре величественные звуки его неторопливых колен, немного напоминающих соловьиные. Ведь и соловей, самый знаменитый солист птичьего хора, родом из семейства дроздовых.

Небольшой изящный белобровик в строе своей песни как бы заимствует части песни своих родственников — певчего дрозда и рябинника. Первая часть — звучная и четкая, как у певчего, вторая — скрипучая и длинная, как у рябинника, да притом еще и тихая, словно певец исполняет ее шепотом, стесняясь такого неблагозвучного финала своей арии. Первая часть, конечно, не так эффектна, как у певчего дрозда, но вполне приятна на слух. Ее отличительная черта — разнообразие напевов у отдельных певцов. Разные самцы исполняют ее по-разному: как низбегающее журчание ручейка, как отдаленное ржание жеребенка, как громкую трехсложную вопросительную фразу. Часто это разнообразие сбивает с толку: а белобровик ли это? Разобраться легко, послушав вторую часть песни. Для этого надо осторожно подойти поближе и тихо постоять несколько секунд. Если после трели вы услышите неясное бормотание и шорох, значит, ошибки нет — поет белобровик.

Все три дрозда живут по-разному. Рябинник лепит свое чашеобразное гнездо из земли и сухой травы в развилке дерева на высоте до пятнадцати метров над землей. Соседние пары живут недалеко одна от другой, если кому-то грозит опасность, например, пожало-

вала ворона, соседи защищают поселение совместно. А защищаться они умеют.

Певчий дрозд более уязвим: он строит гнездо из мха в чаще молодых елочек чуть выше человеческого роста. Как ни прячь такое гнездо, гарантий, что оно уцелеет, нет.

Труднее всех белобровику: его плетеная из сухих былинки корзиночка размещается на высоте до полутора метров на высоком пне, сломанном дереве или куче хвороста, иногда почти на земле. Маскируется гнездо неплохо, но как ни маскируйся, в набитом людьми лесопарке летом уберечься трудно.

Тем не менее дрозды, как и многие другие птицы, если специально не вырубать и не вытаптывать подлесок, постепенно привыкают к близости людей, шуму транспорта, музыке, даже реву взлетающих самолетов. Не могут привыкнуть только к дыму костров, огонь — вечный враг всего живого. Так же, как к частым визитам собак. Даже если пес не заметит и не разорит гнезда, птица его все равно бросит. Экологически грамотный человек весной не пойдет в лес с собакой — ни с болонкой, ни с овчаркой, во всяком случае, не даст лазать без поводка по кустам. Ведь весной почти в каждом из них — детский сад для птичьих малышей.

Звуки весеннего леса нелегко описать словами. Чтобы научиться различать отдельных исполнителей по голосам, надо много раз прослушать каждого. Поют не только птицы. Наряду с пернатыми в весеннем концерте участвуют и земноводные: травяные и озерные лягушки, зеленые и серые жабы. Обычно они поют совсем недолго. Но как привлекательны на фоне их хора величественные раскаты соловья и таинственное стрекотание камышевки над заросшим берегом неприметной речушки!

В городском лесу, живущем своей, недоступной для непосвященного жизнью, можно весной за одну прогулку услышать дроздов, крапивников, зарянок и еще несколько десятков голосов других птиц. Собираясь на природу, оставьте дома транзисторы и магнитофоны, пожертвуйте звуками современной музыки ради симфонии природы! И она вознаградит вас сторицей.

Пусть удача сопутствует терпеливым.

ГДЕ ПОВЕСИТЬ СКВОРЕЧНИК?

Чтобы лес звенел от песен,
По дуплянке мы повесим.
Обеспечим птиц жильем:
Каждой паре — новый дом!

К. Авилова

С приходом весны мы все чаще обращаем внимание на птиц. И вспоминаем о старой народной традиции — вешать у жилья птичьи домики-скворечники. Казалось бы, чего проще? Нашел подходящий коробок, провернул дырку, подвесил — и жди гостей! Однако времена меняются, а вопросы остаются. И как показывает опыт, не все найденные ответы бывают правильными.

Несколько слов о том, почему некоторые птицы, в первую очередь скворцы, так отзывчивы на приглашение человека поселиться рядом. Ответ в эволюционно закрепленных у некоторых видов птиц стереотипах: использовать для размножения разнообразные замкнутые пространства — дупла, расщелины, ниши, в том числе и вблизи человеческого жилья. В природе часто возникает дефицит подходящих убежищ, а человек еще и усугубляет его, вырубая дуплистые деревья, возводя гладкие стены. Поэтому любая подходящая полость претендует на роль гнездовья. Возмещая недостаток дупел, можно восстановить, а иногда и увеличить, численность птиц-дуплогнездников: скворцов, синиц, мухоловок, трясогузок.

Первый вопрос «Когда вешать?» самый легкий. Как ни ответь — не ошибешься! Осенью и зимой убежище пригодится, птицы в нем будут ночевать и скрываться от непогоды, а иногда, как, например, поползень и воробьиный сыч, делать запасы на период бескормицы. Однако, если хотите, чтобы в домике вывелось потомство, то вешайте весной, лучше всего до прилета скворцов, то есть до конца марта—начала апреля.

Второй вопрос «Где вешать?» тоже не самый трудный. Выясняется, что кроме парков, садов, дачных участков, деревенских дворов птицы селятся даже в домиках, помещенных на балконах многоэтажных домов. В последние годы у меня на балконе 8-го этажа типового панельного дома в московском районе Теплый Стан жили и выводили птенцов: скворец, большая синица, домовый воробей,

мухоловка-пеструшка, стриж. Однако не стоит вешать домики слишком низко в целях безопасности птиц.

Третий вопрос «Что вешать?» самый сложный. Здесь надо семь раз отмерить, чтобы не истратить силы впустую. Традиционный птичий домик делается из толстого (1,5—2,5 см), хорошо просушенного теса без трещин и щелей, неструганого с внутренней стороны, некрашеного или окрашенного в тусклые (коричневый, болотный) цвета. Не годятся картон, фанера, пластмасса, глина и т. п. Они недолговечны, звукопроницаемы, не держат тепло и недостаточно шершавы для птичьих коготков. Значит, нельзя использовать яркие футляры от новогодних подарков, а тем более — молочные пакеты, для птиц они непригодны.

Размеры гнездовья очень важны, они определяют будущего хозяина и комфортность его жилья. Традиционный домик-скворечник делается высотой 25—30 см и шириной 13—15 см, с летком диаметром 4,7—5 см. Кроме скворца скворечник может занять большая синица, большой пестрый дятел, домовый или полевой воробей, стриж. Однако наибольшей «популярностью» среди певчих птиц пользуется гнездовье, обычно называемое синичником. Его размеры: 22—28 см в высоту, 10—11 см в ширину, с летком диаметром 3,2—3,5 см. Занимают его мухоловка-пеструшка, поползень, садовая горихвостка, все синицы, оба вида воробьев. Крышка должна быть односкатная, съемная, но плотно прилегающая, не поддающаяся воронам. Никакие украшения, полочки, резьба и тем более яркая окраска домиков птицам не нужны, но могут облегчить доступ к гнезду хищникам или привлечь внимание посторонних. В начале осени домик надо открыть, вытряхнуть мусор и снова повесить.

Последний вопрос «Как вешать?» также имеет большое значение. Нельзя вешать гнездовья ниже 2—3 метров, вешать «лицом» на север — северо-восток, откуда обычно дует холодный ветер с дождем, вешать с наклоном назад. Домик должен плотно держаться на шесте, дереве или стене и не должен раскачиваться. Его надо закрепить прочно, но так, чтобы можно было легко снимать и возвращать обратно. Обычно это делают с помощью мягкой проволоки. Наконец, нельзя размещать гнездовья слишком близко друг к другу, так как у каждой пары птиц существуют индивидуальные территории, в пределах которых не должно быть соседей. Исключение составляют только скворцы и воробьи, гнездящиеся группами. Минимальное

расстояние между домиками для мухоловки-пеструшки — 20 м, для большой синицы — 50—60 м.

Необходимо помнить, что даже если вы постараетесь учесть все требования птиц, стопроцентной гарантии занятости гнездовья нет. Заселенность убежищ, как и другие природные явления, реализуется всегда в статистической форме, на нее влияет множество случайных и неслучайных обстоятельств. Поэтому лучше изготовить несколько домиков и развесить их в разных местах. Тогда вероятность того, что часть их обретет хозяина, повысится. Замечено, что в лесу с подлеском и вблизи опушек птицы поселяются охотнее, чем в однообразном древостое. Скворцам обязательно нужны открытые места поблизости — пашня, луг, большая поляна, пустырь.

Развесив домики, регулярно посещайте их, чтобы оценить результаты своей работы. Во избежание гибели кладок не стоит в начале сезона проверять внутренность гнездовий, а лучше наблюдать со стороны из укрытия. Полученная информация поможет в следующем сезоне удачнее выбрать места развески.

Всех, кто интересуется подробностями конструкции и размещения домиков, разнообразием форм убежищ и их обитателей, можно адресовать к книге «Охрана и привлечение птиц» (Москва: Просвещение, 1972), автор которой, зоолог и педагог, один из соавторов этой книги — Константин Николаевич Благосклонов (1910—1985).

ГОЛОСА ЗИМЫ

Цветет репейник дважды в год:
Весной, когда положено,
И в дни, когда зима придет,
Цветение возможно...
Красивы зимние цветы,
Да вот — людей пугаются!
Чуть подойдешь поближе ты,
Щеглами разлетаются!

К. Благосклонов

Признаки зимы иногда появляются рано: в октябре уже можно слышать в городских лесопарках грустные монотонные посвисты — голоса снегирей. Еще один голос зимы — длинная серебристая

трелька. Источник звука обнаружить нетрудно — почти у самых домов, не боясь человека, путешествуют с дерева на дерево стайки хохлатых свиристелей.

Сиротливо чернеют среди голых ветвей такие незаметные летом шарообразные сорочки и плоские вороньи гнезда. Тихо. Только сердитое таракхенье больших синиц, не поладивших между собой, да нежное «тррь-тррь» стайки длиннохвостых ополовничков, обследующих березы большой компанией, будит настороженную тишину.

Длиннохвостые синицы, или ополовнички, внешне напоминают синиц, хотя зоологи относят их к другому семейству — толстоклювых синиц, или толстоклювок. Ополовнички зимой — общительны и заметны, зато летом их не увидишь, во время строительства гнезда и выкармливания птенцов они проявляют чудеса скрытности и маскировки. Настоящие синицы гнездятся в дуплах, а длиннохвостые строят крохотный полый шарик из паутинок, коконов насекомых и растительного пуха с отверстием сбоку, он получается теплым, но эластичным, и растущие птенцы, а их у ополовничков бывает до 17, растягивают его к концу своего младенчества и изнашивают в буквальном смысле слова до дыр. Гнездо обычно помещается высоко, в тонкой березовой развилке, но бывает и в еловой «лапе», тогда разглядеть его нельзя, даже стоя рядом. Ополовнички очень миролюбивы и общительны, у них не бывает ссор и драк, как, например, у больших синиц, и, что совсем удивительно, даже на гнездовании, в строительстве гнезда и уходе за птенцами иногда участвуют не две, а три птицы. Корм эти птички используют только животный, очень специфический — гли, листоблошки, яйца и гусеницы бабочек, долгоносики и пауки. Нелегко добыть такой нежный и труднодоступный корм в зимние морозы. Вот и приходится стайкам кочевать с рассвета до темноты по березнякам, обследовать каждое дерево, подвешиваться к каждой веточке, появляться то там, то тут, прокладывая свои запутанные маршруты по зимним лесопаркам.

На кормушки ополовнички не идут, и человек может помочь им, только сохраняя в неприкосновенности их местообитания: разновозрастные березняки, приречные заросли ивняков и ольшаников, смешанные леса с густым подлеском. Добывая вместе с настоящими синицами скрытых насекомых в течение всего года, ополовнички играют важную роль в жизни лесов и парков, огра-

ничивая и подавляя число листовых вредителей деревьев. Они обычно выковыривают жертву из углубления между черешком листа и веточкой, вокруг закрытых почек, что не всегда удается другим зимующим птицам, и, таким образом, занимают среди пернатых зимовщиков свою специфическую «нишу». Они не смешиваются со стайками кочующих синиц, поползней и пищух, предпочитая обрабатывать деревья «своей компанией». Близких родственников ополовничков в Подмоскowie нет. В тростниковых зарослях южных рек и озер живут усатые синицы, очень похожие на них по размеру и поведению.

В березняке невольно готовишься к кратковременному оживлению, сопровождающему появление стаи чечеток и чижей, неизменных спутников вереницы зимних дней. В их обществе всегда царят шум и суэта. Птички разом осаждают верхушку березки с особенно хорошим урожаем семян, галдят, щебечут и гнусаво выкрикивают «чи-и?»), быстро подвесившись на тонких веточках, деловито потрошат сережки и, разом поднявшись над лесом, не переставая галдеть, отбывают к им одним ведомой цели.

Часто зимой заметишь и дятла. Не раз приходилось видеть, как пестрый франт гордо сидит на краю пустой консервной банки и клювом вычищает остатки содержимого. В этом он конкурирует с исконными зимними нахлебниками человека — воронами и галками. А вот он стучит в ветвях старой сосны клювом, словно деревянным молотком. Вы конечно догадались — здесь у него кузница — импровизированный станок для обработки сосновых шишек. Потрошенные шишки, потрепанные и помятые, валяются на снегу. Кончил с одной, полетел за следующей, за короткий зимний день надо успеть раздолбить несколько десятков шишек, достать из каждой до полусотни жирных сосновых семян.

Несомненная заслуга большого пестрого дятла — восполнение дефицита «жилплощади» для птиц, живущих в дуплах: мухоловок, синиц, поползней. Дуплистые деревья, как правило, старые, больные или сухие, старательно убираются из насаждений. Нехватку их отчасти восполняет человек, вешая скворечники, синичники, дуплянки. Но основной поставщик лесных квартир — дятел. Свое гнездовое дупло он использует лишь один сезон, а на следующий строит новое.

Зимой лес расплачивается с дятлом за те услуги, которые оказаны ему летом, в период размножения насекомых-ксилофагов, по-

требителей древесины, то есть летней пищи дятла. Теперь лес щедро одаривает его шишками. Семена хвойных — основной зимний корм большого пестрого дятла. А городские дятлы едят не только их, но и все, что могут найти на помойках у леса и в кормушках для птиц и белок. Урбанизированные дятлы отказываются от сезонных кочевков и переходят к оседлому образу жизни. Каждый имеет свой индивидуальный участок в несколько гектаров, и, однажды застав его за работой, вы потом сможете ежедневно наблюдать за своим знакомым примерно в том же месте. На его участке есть подходящее для кузницы дерево, сосны со спелыми шишками и дупла для ночевки. Обычно их два: одно основное и одно запасное. Еще летом они «отремонтированы» так, как удобно дятлу: леток расширен по росту квартиранта. С дятлами-соседями по участку поддерживаются дружественные отношения, но незнакомый, пришлый дятел подлежит немедленному изгнанию.

Большой пестрый дятел — самый обычный, но не единственный представитель отряда дятлов в лесопарках. Словно его антипод, существует малый пестрый дятел, размером чуть побольше воробья. Его теперь видят не реже, чем большого, и не только в мягкие зимы, как раньше. Довольно обычен стал недавно редкий белоспинный дятел, похожий на большого пестрого, но с бледно-розовым брюшком и белой спиной.

Иногда в сосняках и ельниках встречается угольно-черная птица в красной шапке ростом почти с ворону. Принадлежность к дятлам выдает манера сидеть, вертикально прилепившись к стволу дерева. Это черный дятел, желна. У сидящей желны громкий, протяжный, далеко слышимый голос: «Ки-ааай!», на лету же она издает короткие дребезжащие трельки. Долбление желны такое громкое, что можно принять его за удары топора.

Всю зиму дятел с утра до вечера неутомимо трудится в своей кузнице. Но ослабнут морозы, осядет снег, выглянет февральское солнышко, и к перезвону синиц прибавится торжествующая барабанная дробь. И это будет одним из первых признаков приближения весны.

Огромные стаи вороньего племени вечерами летят ночевать поближе к центру города, на бульвары и в скверы, где теплее и нет ветра. Так они поступают всю зиму — ведь температура воздуха в центре города на несколько градусов выше, чем в пригородах. В свете фонарей притихшие на ночь птицы кажутся какими-то дико-

винными плодами, густо облепившими ветви. Не сразу догадаешься, что стоишь посредине огромной птичьей «спальни».

Отправляясь на ночлег, вороны и галки собираются на полях и пустырях на окраинах города и уже отсюда стартуют стая за стаей, заполняя вечернее небо тысячами машущих крыльев. А перед стартом можно и закусить: неторопливо шагая по земле, вороны высматривают неосторожных грызунов — серых полевок, расплодившихся за лето в подземных норках. Те полевки, что помоложе и поглупее, попадают воронам на ужин. Если случившаяся поблизости собака начинает раскапывать норку, вороны собираются полукругом вокруг нее и внимательно наблюдают, не выскочит ли грызун через запасной выход? Поймать зверька они всегда успевают раньше, чем пес разгадает их намерения.

Иногда вороны проявляют явное недовольство поведением собаки, если не могут извлечь из него выгоду для себя. Когда собака занимается, например, распутыванием следов или другим бесполезным по вороньим понятиям делом, ворона иногда взлетает и с лету ударяет собаку грудью. Собака, не разобравшись, откуда последовал шлепок, подходит к хозяину и с виноватым видом виляет хвостом. Ворона же взлетает на нижнюю ветку ближайшего дерева и громко отрывисто каркает несколько раз в направлении собаки с выражением явного возмущения.

Вписавшись в городскую среду обитания, серые вороны проявляют и другие необычные формы поведения. Вот со стороны домов в сторону лесопарка бежит крупная желто-пегая дворняга с костью в зубах. Собака не голодная, она живет в ближайшем доме, но регулярно сбегает от хозяев, и кость ей не так уж нужна. Перебежав дорогу, пес останавливается в полосе березового мелколесья. Все время за ней на небольшой высоте и на расстоянии 3—5 м следует ворона. Когда собака останавливается, ворона садится. Пес выкапывает под березой ямку, кладет кость и зарывает про запас, а затем убегает по своим делам. Ворона не спеша приближается, находит его «захоронку» и приступает к раскопкам.

Случаются у ворон и неудачи, свидетельствующие о несовершенстве их рассудочной деятельности. Одна из ворон регулярно прилетала с костью или коркой на одно и то же место у автобусной остановки и опускала добычу в мелкую лужицу, скопившуюся на асфальте после дождя. Когда кусок размокал, ворона его расклевывала. Но вот лужица высохла. Ворона точно также кладет во вмяти-

ну на асфальте куриную косточку и терпеливо ждет, когда корм размягчится, а затем старательно, но безрезультатно, теревит и клюет его на том же месте.

Во дворе валяется остов розовой пластмассовой куклы. Собака схватывает его и приносит мне. Я бросаю куклу, пес бежит, хватается и снова приносит. Когда бросаю второй раз, между куклой и собакой оказывается ворона. Она прыгает по земле и явно интересуется предметом. Собака, наоборот, теряет интерес к игре и занимается вынюхиванием чего-то на земле. Ворона боком подскакивает к кукле, рассматривает ее, клюет 2—3 раза, берет в клюв и взлетает, но роняет на высоте около трех метров. Спускается, снова клюет, берет и взлетает. Роняет уже с высоты около 5 м на асфальт. Спускается, клюет, берет, взлетает, пролетает метров 50, роняет с высоты около 10 м на проезжую часть. Спускается, берет, улетает, я теряю ее из вида. Видимо, ворона уже играла, когда мы с собакой нарушили этот процесс.

Как хлопья первого снега, носятся над рекой, пока еще не замерзшей, озерные чайки. Присмотримся: они выглядят совсем иначе, чем весной. Тогда их головки были красивого шоколадного цвета с красным ободком вокруг глаз. Сейчас они белые, лишь на щеке — коричневый штрих. Озерные чайки перелиняли, сменив наряд на зимний. Много среди них птиц с буровато-коричневой спиной, это молодежь — «урожай» нынешнего лета. Так же, как и уткам, чайкам нужна проточная вода. Они остаются в родных краях, пока не станут реки. Опускаясь на воду, они кажутся легкими парусными кораблями на свинцовой волне.

Зима бывает особенной в годы высоких урожаев семян ели и ягод рябины. Елки, как новогодними игрушками, увешаны крупными золотистыми шишками. Еловый урожай в средних широтах случается далеко не каждый год. И как верная примета обильного плодоношения хвойных, еще в начале лета появляются в Подмоскowie стайки клестов. С громкими криками проносятся они над вершинами леса. Уже в ноябре все хвойные массивы необычно, не по-осеннему оживляются. Яркое солнце и неровные пятна снега, создав красочное обрамление для десятков громкоголосых птиц, превращают угрюмую обстановку поздней осени в веселый праздник. Нечасто в природе такое бывает. У клестов все не так, как у других птиц. Во-первых, они не имеют постоянной территории, на которой живут и размножаются. Из года в год птицы меняют ме-

сто своего обитания, спеша туда, где уродила ель. То птицы-кочевники облюбовут Подмоскowie, то улетят за сотни километров. Во-вторых, выводят птенцов клесты часто не весной, а зимой, когда еще короток день, стоят морозы и часты метели и снегопады. Этот период их жизненного цикла определяется не длиной дня, как у других птиц, а обилием еловых семян, которых в урожайный год вызревает по несколько десятков килограммов на гектар леса. В-третьих, замечателен способ, которым клест добывает себе корм. Весит он в среднем 40 граммов, а справляется с шишкой, едва ли не превосходящей его по размерам. Подвесившись к ветке, клест перекусывает ножку в основании шишки, перехватывает ее клювом и, часто немисливо изогнувшись, втаскивает шишку на ветку. Плотно зажав ее лапами верхним концом вверх, он начинает обрабатывать шишку. Для этого кривой ножницеобразный клюв птица засовывает под чешуйку и раздвигает челюсти. Чешуйка оттопыривается и клест языком извлекает семечко за «крылышко». С елки, на которой работают клесты, сыплется целый дождь откушенных «крылышек» и часто шлепаются почти целые шишки. Клест не дает себе труда вынуть все семена до единого. Едва начав обработку шишки, он бросает ее и отрывает следующую. До 95% семян, не покидая шишек, падает на снег. Елки из них, конечно, никогда не вырастут. Одно время клеста за эту манеру даже пытались объявить... вредной птицей. Он-де мешает возобновлению ели! На самом деле это, конечно, не так. Всех шишек при хорошем урожае клестам, разумеется, не сбросить, они в марте благополучно раскроются, из них вылетят крохотные планеры-семена и по снегу будут долго скользить, подгоняемые ветром. Когда растает снег, они попадут на почву и, если никто их не съест, а условия окажутся благоприятными, прорастут.

А что будет с теми семенами, что остались в шишках? Они пробудут в них еще год, а то и два, ведь в лесу на земле всегда прохладно, поэтому шишки не раскроются, а семена в них «законсервируются», не теряя питательной ценности. Когда кончатся семена текущего года, все лесное население набросится на эти упавшие «кислые» шишки. Сами клесты будут слетать на землю к этим шишкам, семена не дадут пропасть многим мелким зверькам, особенно белкам, которым этот «аварийный» запас — настоящее спасение.

Гнездо клеста расположено обычно на ели, у ствола или в «лапе», оно плотное и толстое, но ничем принципиально не отличается от гнезд других мелких птиц. Веточки, лубяные волокна, мох — тот же материал, что и у «летних» видов. Птенцы вылупляются опушенными, но тоже не более чем у теплолюбивых родственников. Уцелеть выводку в лютый мороз помогает тепло взрослой самки, которая после откладки первого яйца уже не сходит с гнезда, предоставляя самцу кормить еловыми семенами ее и вылупившихся птенцов. Когда в лесу мороз -30°C , в гнезде $+38,8^{\circ}\text{C}$! Только когда птенцы подрастут, самка ненадолго оставляет их, чтобы покормиться. Малыши замирают, тесно прижавшись друг к другу, и впадают в оцепенение: все жизненные процессы у них замедляются, дыхание становится слабым и редким, температура тела падает. Однако стоит самке вернуться, птенцы отогреваются. Такова защитная реакция на охлаждение. Молодые клесты, покидающие гнезда в марте, отличаются от взрослых, особенно красных самцов, тускло-зеленой окраской и прямым, не перекрещенным клювом.

Не все клесты гнездятся именно в феврале. При хорошем урожае отдельные пары начинают гнездиться еще с осени, а в течение зимы подлетают все новые птицы и тоже приступают к гнездованию. Поэтому процесс этот сильно растянут во времени. Еловые семена — основная, но не единственная пища клеста. Они охотно шелушат шишки сосны и лиственницы, обрывают почки хвойных деревьев, добывают насекомых. Весной 1983 года орнитолог И. И. Шурупов в национальном парке «Лосиный остров» наблюдал клестов, отдирающих кусочки коры на зараженной малыми короедами ели. Птицы доставали из-под нее личинок и жуков.

Несколько слов о пении клестов. Почему-то эту песню не считают достойной похвал. Мы не можем с этим согласиться. Темнокрасный самец-клест, распеваящий на ели в косых лучах неяркого зимнего солнца, необыкновенно красив. Его звонкая переливчатая песня, состоящая из многочисленных округлых рулад, перемежающихся сухим цоканьем, задорная и оптимистичная, придает неповторимое очарование застывшему на морозе лесу. Прислушайтесь к ней, гуляя в зимнем лесопарке. Такая возможность выпадает не часто!

ПО БЕЛОЙ ТРОПЕ

Что происходит на свете?

— Да просто зима!

Ю. Левитанский

Если накануне вашей лыжной вылазки в лесопарк была хорошая погода и ночь прошла без ветра и без снега, то попробуйте пожертвовать скоростью бега и расстоянием, пройдите не спеша, с остановками. Экскурсия на лыжах, а по малому снегу и без лыж может быть посвящена следам животных.

Свежий снег — увлекательная книга, и совсем не обязательно уезжать в далекие леса и поля, чтобы узнать о скрытой от глаз жизни, все лето незаметно теплившейся рядом с нами в любом городском лесочке, на незастроенном пустыре, в сквере, даже просто в заросшем дворике старой Москвы. Присмотритесь к чистой «странице» первой пороши. В каждом зеленом массиве, особенно там, где есть сосны, вам бросятся в глаза небольшие трапециевидные четверки следов — два побольше впереди и два поменьше — позади. Извилистая дорожка прихотливо вьется между деревьями, чтобы вдруг исчезнуть у ствола старой сосны, а затем снова появиться, словно ниоткуда. Это искала пропитание белка.

Совсем недавно, всего два десятка лет назад, белки стали привычными соседями москвичей. Первые успешные попытки приручить белок были сделаны в подмосковном доме отдыха под Калининградом, а затем — в Архангельском. Люди ездили сюда не только для того, чтобы побывать в прославленном дворце-музее, но и покормить из рук белок в парке — тогда это было делом удивительным.

Издавна белки жили в Измайловском парке, на «Лосином Острове», только ручными они не были. Еще бы, совсем недавно здесь на них охотились! И вот теперь белки в городе стали не только обычными зверьками, след их на снегу теперь можно встретить в каждом парке, особенно в том, где есть плодоносящие ели, сосны, лиственницы.

Белка чаще обнаруживает свое присутствие не следами, а остатками кормежки. Семена ели — главная пища белок зимой. Чтобы достать их из шишки, белка сгрызает чешуйки шишек одну за дру-

гой, они падают на снег под елкой и, конечно, сразу бросаются в глаза.

В некоторые годы белок бывает особенно много, тогда зоологи говорят, что у них «пик численности». Такое явление случается раз в несколько лет. Ранним утром выходят белки в серых зимних шубках на кормежку, спускаются с деревьев и оставляют на снегу путанные строчки, будя охотничьи инстинкты в благовоспитанных квартирных собаках.

Когда снега станет больше, белки перестанут много бегать и подолгу будут пережидать морозы в дуплах, пустых скворечниках, старых сорочьих гнездах. Они — нередкие гости на птичьих кормушках. Москвичи специально для них кладут туда лесные и кедровые орешки.

В лесопарке на окраине Москвы можно встретить следы лесных мышей. По соседству с ними попадают цепочки следов, оставленные короткохвостыми родственниками хомяков — рыжими и серыми полевками. А по следу городских полевков ходят их враги — ласки — самые маленькие хищники куньей породы; их мелкие парные следы — так называемая двухчетка — никогда не идут прямо, а суетливо извиваются между поваленных стволов, пней, кочек, то и дело меняя направление. Любит ласка пользоваться и подснежными тоннелями, если снег достаточно глубок. К концу зимы мыши, полевки и ласки пробивают под снегом целую сеть разветвленных ходов, ни дать ни взять — звериное «метро».

«Что происходит на свете? Да просто зима!» Такими словами начинается популярная песня. Однако мы присмотримся внимательно: в природе не бывает некоей средней «просто зимы», каждая неповторима и своеобразна. Например, зарядят частые оттепели: нет-нет да и превратится снег в тонкую ноздреватую корочку, и, как неведомый чертеж, проступят тогда под ним прямые и извилистые линии, словно гигант-невидимка нарисовал ему одному ведомую карту на огромной кальке.

Прочтем одну страницу. У подножия покрытого травой пригорка проходит как раз такая линия-бороздка. От нее отходит несколько коротких тупичков. Бороздка — кормовая трасса мелкого лесного грызуна — рыжей полевки, а в тупички зверек неоднократно отлучался, чтобы закусить подснежной травкой и семенами. В конце хода словно жирная точка поставлена — отверстие норки под корнями березы, убежища более надежного, чем тоннель в снегу.

А вот лесная тропинка пересекается частым «пунктиром» — крохотными следочками лесной мыши, мчавшейся бешеным галопом, чтобы проскочить «опасную зону» и нырнуть в спасительный снег. Бесконечно разнообразны картины ходов, открытые оттепелью. Внимательный глаз обнаружит здесь десятки ситуаций.

Следы горностая — тоже не редкость в кустах на склоне заросшего оврага. Мы встречали их почти в самом центре Москвы — на территории Нескучного сада. Они немного крупнее ласочьих, длина прыжка — расстояние между парами лапок — от 40 см до одного метра (у ласки — 25—35 см).

Встречается зимой в Москве и заячий след. Почти наверняка он будет принадлежать лесному зайцу — беляку. Следы его задних лап, расположенные впереди следов передних, — крупные, овально-грушевидные, следы передних — небольшие, округлые. Похоже, что заяц надел на зиму короткие лыжи-снегоступы, какими иногда пользуются охотники в лесу. Так оно и есть. Косой не только сменил серое пальтишко на белый «маскхалат», но и отрастил густую шерсть на лапах, чтобы не мерзли и не проваливались.

Каждую зиму наведываются зайцы в ботанический сад Московского университета. Нередки они и на окраинах последних московских деревень. Нетрудно догадаться, что привлекает их сюда, — яблони, любимое заячье лакомство и немалое подспорье в голодное зимнее время.

Реже, чем зайцы, но тоже регулярно появляются в Москве лисицы. Они не прочь покопаться на помойках, свалках, на месте снесенных домов — нет ли чего съедобного. Не раз видели лисиц в Чертанове, одна пара долго жила в Филевском парке. И все же увидеть кумушку трудно. Выдает ее присутствие след, только не спутайте его с собачьим. Больше всего след лисы похож на след фокстерьера, но есть одно отличие. Если положить спичку поперек лисьего следа, то она пройдет между подушечками передних и задних пальцев, не коснувшись ни тех, ни других. С собачьим следом такой фокус не проходит.

И в сквере, и в лесопарке, и на бульваре снег испещрен цепочками вороньих следов. Вот ямка, раскиданы сухие листья. Ворона шарил клювом под снегом в поисках съедобного. На вороньих тропах встречаются самые разнообразные и странные вещи, и распутывание их обещает внимательному глазу много интересного. На зиму к жилью прибывают сороки. Их легко отличить по следам. В отли-

чие от ворон они быстро передвигаются прыжками, иногда впечатывают в снег свой длинный ступенчатый хвост.

На кормушках для птиц и белок, на земле возле них вы обязательно встретите следы соек. Яркая хохлатая голубокрылая сойка — настоящее украшение зимнего городского леса, и не беда, что она порой разгонит синиц, зато сама ни от какой еды не откажется — каша, картошка, кости из супа: сойка всеядна. Но любимое ее лакомство — желуди. Она их даже запасает с осени, правда, потом забывает, где спрятала, и вырастают маленькие дубки на месте забытых сойкой кладовых. По снегу сойки прыгают двумя ногами сразу, а взлетая, обязательно оставляют на снегу два веера — отпечатки раскрытых крыльев.

Если встретится в лесу след большого копытного зверя, — почти наверняка это лось. Зимой лось — нечастый гость города, но в мае-июне в город нередко заходят лосята-годовички. Дело в том, что это время отела, и лосихи прогоняют от себя годовалых телят. А они — несмышленьши — разбредаются в разные стороны, и многие попадают в город.

Это только некоторые самые заметные следы, которые совсем нетрудно обнаружить. Если быть внимательным, можно увидеть еще немало интересного. Помните об этом во время пеших и лыжных прогулок.

Над поверхностью снега поднимаются почерневшие и побуревшие стебли трав. Как подурнели они с далекого лета! Но и такими, потерявшими свои краски, они очень нужны обитателям зимнего леса. Присмотритесь, растения можно узнать: вот подорожник, конский щавель, лебеда, крапива, лопухи... И все с семенами! С утра до вечера кормятся на них медлительные снегири, проворные синицы, стайки ярких щеглов. А упавшие остатки птичьего обеда подбирают подснежные жители.

В пасмурные дни нет в зимнем лесу ярких красок. И облетевшие деревья все кажутся «на одно лицо». Но и тут есть способы установить «личность» растения, своя система опознавательных знаков. Попробуйте в эту пору узнать едва выглядывающий из-под снега молодой дубок! Весь секрет в почках — на конце каждой веточки они сидят тесной кучкой. У осинки почки острые, как шило. У липы — округлые, светлые, будто полированные, у рябины — покрытые серыми волосками, будто припудренные. Сосны напомнят о себе сотнями разбросанных по снегу обломков шишек — чешуек и

стерженьков. Эти детали сброшены вниз кормившимися белками, которые выбирали из шишек семена. Такова зимняя дань сосны белчиному племени. А не хватает шишек — пойдут белки по плотному февральскому насту, будут копать лунки, по одним им ведомым приметам искать опавшие желуди, грабить кладовые полевков, подбирать опавшие семена.

Все этажи леса связаны прочными незримыми нитями, всюду живут свои «кормильцы» и «нахлебники». Но часто в городе прочно установившиеся экологические связи нарушаются. Один из виновников этих нарушений — серая ворона. Исходно ворона — лесная птица, образующая стаи только во время зимовок. Несколько десятилетий назад вороны заселили крупные города, и с тех пор в их биологии начались стремительные изменения. Этому способствовала прекрасная приспособляемость птиц, их склонность к научению и даже к поступкам, обусловленным, как полагают физиологи, зачатками рассудочной деятельности. Отсутствие истребленных человеком крупных хищников — ястребов и соколов — сняло основной «пресс» с вороньего племени, а растущие в городе и вокруг него свалки дали обильную пищу. В результате птицы заняли свободную экологическую нишу и стали бурно ее осваивать: не только гнездиться в городах, но и наращивать плотность гнездования, ночевать в Центре, перешли на оседлый образ жизни. Можно смело сказать, что в лице вороны человек приобрел достойного партнера по жизни в городе и избавиться от этого соседства ему вряд ли скоро удастся. Даже если применить единственное радикальное средство — уничтожить свалки, вороны вряд ли быстро исчезнут. Наверняка они придумают какое-то свое средство для выживания.

Повсюду разносят эти пернатые самые необычные предметы: консервные банки, молочные и сметанные пакеты, проволоку для ремонта гнезд, а то и просто блестящие «игрушки». Вот расклеванный воронами труп крысы. Естественная среда для крыс — жилище человека. Лишь в конце лета этот скрытный обитатель подвалов и чердаков ненадолго выселяется на опушки и пустыри.

На земле не так уж много подобных, крепко связанных с человеком видов диких животных, но суммарная численность их огромна. Недаром еще Чарльз Дарвин писал, что если потомству одной пары мышей дать беспрепятственно размножаться, то оно через несколько лет ровным слоем покроет весь земной шар. Широкое распространение, плодовитость, быстрые темпы размножения этих живот-

ных стали возможны благодаря стабильности условий, созданных человеком в своем жилище. Добиваясь комфорта для себя, он обеспечил его и своим «мирским захребетникам». Он же стал для них, при отсутствии природных факторов, ограничивающих рост популяции, единственным регулятором численности. Чего только не придумали, чтобы избавиться от мышей и крыс, — давилки, капканы, отравленные приманки, наконец, биологическую борьбу, которую ведут с мышами кошки, собаки, даже мангусты! Но серые соседи не исчезают. Они следуют экологическому закону: чем изобретательнее становится человек, тем лучше приспосабливается к созданной им среде обитания грызун, подчиняясь действию естественного отбора. Так, у крыс выработались незаурядные способности, позволившие им оставить далеко позади своих сородичей по возможности к исследованию помещения, манипуляции с предметами, подражанию и научению. О хитрости и ловкости, с которыми крысы избегают ловушек, ходят легенды. Эти звери — зеркальное отражение порядка и организованности в хозяйстве человека, они существуют благодаря издержкам в хозяйстве людей. Ликвидировать их полностью, скорее всего, не удастся никогда. Чем упорнее будет человек, тем хитрее и изобретательнее станет крыса.

Из сказанного следует один важный вывод. Временно проникая в природу, синантропные грызуны закрепляются прежде всего там, где экосистема обеднена, нарушены ее связи, есть «пустые места», «лишняя» кормовая база. Вы уже догадались, что речь идет о городах с их пустырями, свалками, стихийными складами стройматериалов, скоплениями пищевых отходов. Там, где экосистемы сохраняют свою структуру, крысы и домовые мыши долго жить не смогут, на них быстро найдется управа — те же ласки и горностаи, которые быстро вытеснят их из речных долин и лесных оврагов и загонят обратно в дома. Вот почему требования «уничтожить заросли, чтобы там не разводились крысы», не имеют никакого экологического смысла. И наоборот, как только на месте луга, леса, болота устраивается котлован, заполненный бытовым мусором, первыми вселяются в будущий подвал серые «новоселы» — крысы. Если после строительства или ремонта в домах остаются отверстия, щели, зазоры, незаделанные вентиляционные ходы, они быстро становятся «воротами» для грызунов.

Но вернемся в зимний лес. Хоть и звенит уже в ясные февральские дни колокольчиком песня большой синицы, все труднее при-

ходится лесному народцу. Запасы еды в лесу кончаются. А впереди еще метели и холода.

Из десяти больших синиц, вылетевших из дупла прошлым летом, до весны доживет лишь одна. Поэтому особенно важно сейчас не оставлять пустыми кормушки; идя на лыжную прогулку, запастись горстью семечек, орехов, конопли, кусочком сала. У птиц и зверей трудное время. Помогите им выжить.

КОРЗИНА ДЛЯ ПОДСНЕЖНИКОВ

Пусть в дубравах стоят подснежники
Словно в храмах весны подсвечники
С хрупким пламенем в краткий срок.

К. Авилова

Представьте себе, что на Театральную площадь пришел человек и давай лопатой выкапывать голландские тюльпаны перед Большим театром, увязывать в пучки и укладывать в сумку. Неправдоподобно, не правда ли? Между тем именно таким или почти таким способом уничтожаются сейчас целые «месторождения» или популяции редких дикорастущих растений, многие из которых занесены в Красную книгу.

Еще до наступления весны нет-нет да и увидишь на бойких перекрестках и рынках Москвы своеобразные иллюстрации к ее страницам. Идет бойкая торговля «по рублю за пучок», а таких пучков у перекупщиков не одна сотня. Подсчитайте выручку: на кругленькую сумму грабят любители легкой наживы уязвимую весеннюю природу.

Несмотря на решения о запрете торговли любыми видами дикорастущих растений, она продолжается. Убедиться в этом нетрудно. Каждый год в весенний праздник 8 Марта, а в последние годы и в феврале — в День Святого Валентина, студенты, члены дружин по охране природы, организуют рейдовые группы, обследующие различные районы столицы. За эти рейды дружинники изымают у торговцев до 1000 букетиков цикламенов кавказских, до 500 пучков галантусов и белоцветника, крокусов, морозника, сциллы... В ходе рейдов отмечаются места постоянной незаконной торговли, где особенно нужна помощь органов охраны правопорядка. А она прихо-

дит далеко не всегда. В результате люди, сделавшие своим бизнесом уничтожение диких цветов, начинают свято верить в собственную безнаказанность.

На рынках, где развешаны объявления о запрете торговли, администрация, как правило, смотрит на подобные запреты сквозь пальцы. Часто лица, призванные поддерживать порядок в торговле, не знают об этом запрете, а если знают, то не отличают растения, которые нельзя продавать. Сами торговцы, разумеется, не собираются их просвещать, а утверждают, что все это «выращено на грядке». Вот почему тем, кому по должности положено выявлять и пресекать нарушения, необходимо опираться на помощь общественников-профессионалов, а не отмахиваться от нее. Каждую весну упакованные в мешки и чемоданы невезучие лесные первенцы — морозники, цикламены, крокусы — летят на самолетах в сторону Москвы, чтобы бесславно увянуть через день в московских квартирах. Но обычно это только начало. За ними наступает черед пролесок, печеночниц, купальниц, а позже — ландышей и других представителей племени исчезающих.

Многое зависит и от каждого из нас. Прежде чем протянуть торговке рубль, давайте признаемся: тем самым мы помогаем ей в преступлении против природы, соучаствуем в нем. До тех пор, пока мы будем покупать украденные у природы цветы, будут уничтожаться целые поляны. Именно уничтожаться: там, где подобно саранче, прошел браконьер, растительный мир год от года скудеет.

Весна движется на север. И кто-то уже готовит к сезону тару для цветов...

Какого цвета подснежник? На этот вопрос каждый отвечает по-разному: белого, синего, розового, а кто и вообще скажет — «разного». И все по-своему правы: подснежниками зовут в народе самые различные весенние растения. Всех их объединяет одно — чрезвычайная привлекательность и чрезвычайная уязвимость. Чтобы привлечь немногочисленных весной насекомых, цветы должны быть яркими и заметными издали. А заметны они не только для пчел и бабочек, а и для первых туристов, для детишек из ближнего микрорайона, для предприимчивой «тети Маши», которая уже достала с антресолей свою корзину. Пока поднявшаяся трава не заслонила живительные лучи солнца, подснежники спешат заранее, в полном смысле слова под снегом, подготовить стебли, листья и бутоны. Чуть он стает, и из корневищ, клубней, луковиц дружно ползут

разноцветные лесные первоцветы. А когда подсохнет земля и наберут силу травы, подснежники отомрут, почти не оставив семян. Эти растения не имеют длинных цепких корней, их корневища и луковицы сидят в самом верхнем слое почвы, поэтому выдирают их, что называется, «с мясом». Из всех городских и пригородных цветов судьба подснежников наиболее плачевна, на них больше всего охотников в лесу, их чаще всего продают возле метро и в подземных переходах. Именно поэтому они стали предметом особого внимания биологов и участников природоохранного движения в целом. Они инициировали издание целого ряда решений местных властей об охране диких растений. В тексте содержатся три важных указания, обусловленных резким сокращением числа декоративных и лекарственных растений в Москве и ее окрестностях.

Во-первых, в Москве нельзя собирать никакие дикие растения, во-вторых, их тем более нельзя продавать, а в-третьих, даже в области нельзя рвать те особенно красивые и привлекательные цветы, которые перечислены в специальном приложении (впоследствии — в Красной книге Москвы) и изображены на многочисленных плакатах. Что же это за растения, чья жизнь висит на волоске? Как отличить их, не спутать, обойти стороной?

Первый весенний цветок — знакомая всем мать-и-мачеха — пока вне опасности. Совсем в другой ситуации оказалась голубая печеночница, или перелеска с ярко-синими цветками о 6—10 лепестках и темно-зелеными кожистыми листьями. Печеночница очень декоративна, что ее и губит. Не повезло и ветреницам — лютиковой и дубравной. Эти желтые и белые «звездочки», покрывающие всю землю сплошным ковром, удивительно недолговечны: только появились — и словно ветром сдуло: отцвели. К моменту распускания деревьев ветреницы «уходят в корневище» — прячутся до следующей весны. Разумеется, те, что уцелели.

Невысокая лиловато-розовая хохлатка лепится тесными компаниями по самым солнечным склонам и берегам оврагов. Сладкий нектар у нее спрятан в длинные шпорцы цветков, собранных в плотное соцветие, — «хохол», опылять ее могут только насекомые с длинным хоботком. Тем не менее она хороший медонос. Постепенно цветки меняют окраску с розовой на голубую. По этому признаку насекомые отличают не опыленные «вкусные» цветки от опыленных, уже использованных.

Чуть позже хохлатки зацветает медуница — ее цветы, словно маленькие красно-синие грамплатинки на пушистом стебельке. У них то же свойство, что и у цветов хохлатки: молодые не опыленные — красные, опыленные — синие. Лесная живность очень любит медуницу: ее посещают пчелы, шмели, бабочки, ею лакомятся отошавшие за зиму зайцы, лоси и олени. Летом медуницу не узнать, она хоть и не прячется под землю, но выбрасывает розетку крупных яйцевидных листьев, делающих растение совершенно не похожим на весеннее. Потому и называется она «медуница неясная».

Позже медуницы из свежей весенней травы поднимутся на длинных стебельках золотистые головки первоцветов-баранчиков. Их «домашние» родственники — примулы — часто цветут на клумбах и грядках, продаются в виде рассады. Их окраска — самая разнообразная. Желтоголовые дикари, возможно, не столь эффектно, но вполне заслуживают того, чтобы за них заступились.

Купальница, или бубенчики, зацветает во влажных тенистых участках леса под пологом листвы. Ее звонкое латинское название *Trollius* — от латинского «trullens» — «чаша». Круглые плотные цветки приспособлены к защите нежной пыльцы от излишней влаги, накопившейся в воздухе в сырых местах в лесу. По-французски купальница называется «золотой бутон» за то, что ее цветки словно бы не раскрываются до конца, оставаясь на стадии бутона. По выходным дням именно купальницу несут и везут из зон отдыха целыми охапками. Сохранится ли она в черте города — вопрос ближайших лет.

Не все готовы к разумному самоограничению. Ведь придется сделать над собой не одно усилие, чтобы удержаться от искушения нарвать ландышей, не отойдя и двухсот шагов от многоэтажных новостроек, не купить у «тети Маши» пучок ночных фиалок, чтобы удержать ребенка, готового нарвать букет для мамы.

Слово за учителями — кому, как не им, объяснить детям правила поведения в городском лесу, воспитать бережное отношение к цветам и травам? Пусть задания по изготовлению гербария заменят экскурсии в ближайший лес, а пожелтевшие страницы с неумело засушенными растениями — рассказы об их жизни и пользе, о нашей ответственности за их судьбу.

В Подмоскowie охраняются не только первоцветы. В список редких попали кувшинки и кубышки, колокольчики и фиалки, забуд-

ки, ирисы, дикие гладиолусы и гвоздики и, конечно, король весенних цветов — ландыш.

Кто же должен схватить за руку человека с корзиной? Хочется верить, что многое в этом можем изменить мы сами. В наших силах «перекрыть кислород» дельцам, которым не важно, за счет чего набить карман: цветы так цветы, рыбки так рыбки, елки так елки — лишь бы брали!

Сохранит ли пригородный лес свой яркий весенний убор? Увидят ли его таким наши дети и внуки? Сегодня это, как и вчера, зависит от нас.

УТКИ НАРУШАЮТ ТРАДИЦИЮ

Нам сегодня не до шуток:
Мы зимой кормили уток.
Получили результат:
Десять выводков утят!

К. Авилова

В ясные погожие вечера московской осени не раз, и не два случилось нам наблюдать в вечеряющем небе стремительные силуэты летящих уток. Городские кряквы осваивали новую для них среду обитания, но пока сохранили прежнюю привычку: два раза в день перекочевывать с одного водоема на другой, с дневки на жировку, как говорят охотники, и обратно. То, что еще лет двадцать назад казалось чудом, стало правилом: утки заселили город.

С приходом ледостава исчезают и утки. Исчезают, да не все. С каждым годом все больше их задерживается надолго там, где вода не замерзает на зиму: у теплых сбросов, очистных сооружений, электростанций. Эта ситуация характерна не только для Москвы, но и для всех крупных городов Европы.

Открытая вода — ключевой фактор, определяющий поведение водоплавающих птиц в средней полосе. При наличии незамерзших акваторий они могут удлинить сроки жизни в районе гнездования, прервать миграции или даже совсем отказаться от них, особенно при наличии корма. Рост числа незамерзающих рек при массовой жилой застройке города сопровождался внедрением в него зимующих водоплавающих птиц и ростом их численности.

В Москве не развито обратное водоснабжение и повторное использование очищенных сточных вод, что приводит к обильным сбросам воды вместе с содержащимися в ней биогенами. Эти биогены используются водоплавающими птицами вместе с биомассой растений и животных, развивающейся в городских водоемах.

Наиболее пластичным видом речных уток, приспособленным к обитанию в небольших водоемах с мозаичной неоднородной структурой местообитаний, оказалась кряква, быстро освоившая все мало-мальски пригодные городские пруды, поймы и русла рек.

Кроме кряквы в Москве регулярно встречаются еще 17 видов гусеобразных птиц, постоянно и временно обитающих в городе зимой.

В годы бурного освоения нетронутых природных пространств будущее остается за теми видами животных, которые сумели найти себе место рядом с человеком. Исчезновение огромных болот и пойм — реальность, которая приводит к тому, что численность водоплавающих птиц неуклонно сокращается. Человеку приходится прибегать к искусственному разведению дичи.

При наличии незамерзающей воды утки держатся в городе круглый год, а если есть укрытия для гнезд, то и размножаются по соседству с человеком. Они не брезгают никаким кормом, не нуждаясь в деликатесах, постепенно перестают скитаться с водоема на водоем, полностью утрачивают инстинкт сезонных перелетов. Наконец, уткам в городе не угрожает пресс охоты.

Кого из уток можно встретить зимой на московских водоемах? Прежде всего, отметем сомнения: домашних уток зимой в Москве нет. Большую часть водоплавающих составляют кряквы: яркие с каштановым зобом и зеленой головой самцы и серенькие уточки. У всех на крыле синее «зеркальце» с белыми каемками.

Среди прочих водоплавающих могут встретиться и редкие птицы. Если повезет, можно встретить лебедей: у северного, кликуна, клюв черный с желтым основанием, а у более южного — шипуна — розовый с черным основанием.

Часто видят в Москве рыжих уток крупнее кряквы с белой головой и коротким темным клювом. Птицы эти на московских прудах сразу привлекают к себе внимание, резко отличаясь от ставших привычными для горожан кряковых уток. Высоконогие, стройные, каштаново-рыжие с черными крыльями, они похожи одновременно на уток и на мелких гусей. И голос — не кряканье, а негромкое ме-

лодичное гоготанье или гортанное курлыканье. Места постоянного обитания этих красных уток или огарей — сухие степи нижнего Поволжья, Прикаспия и Причерноморья. Там они устраивают гнезда во всевозможных земляных норках и пещерках, часто разделяя их с другими животными: бывает так, что в одной половине норы живет лиса, а в другой — сидит на яйцах утка. Степные кочевники — калмыки, туркмены — считали огаря необычной волшебной птицей и передавали из поколения в поколение удивительные легенды. Одна из них рассказывала, что раз в сто лет в гнезде у «ит-ала-каз» (красной утки) из одного яйца вылупляется не птенец, а щенок борзой собаки-газы. Нашедший такое гнездо должен взять собаку в семью и ухаживать за ней лучше, чем за человеком, тогда она принесет ему небывалую удачу. И наоборот, тот, кто обидит огаря и его потомство, никогда не будет счастлив.

В 1957 году ко Всемирному фестивалю молодежи была разработана программа обогащения фауны Москвы. На ее водоемы поселили водоплавающих птиц разных видов. В их числе были и огари. У нескольких привезенных в зоопарк птиц перестали подрезать крылья. Так образовалась летная группа — птицы расселились по городу. Зимой в голодное время они собираются на пруды зоопарка, а летом широко разлетаются по Москве и устраивают гнезда на чердаках жилых домов, словно в пещерах или дуплах. Птенцы из таких необычных укрытий благополучно планируют на асфальт и пешком добираются до ближайшего водоема, порой внося смятение в транспортные потоки и создавая масштабные автомобильные пробки на улицах. На прудах они остаются до осени. Зимой огари с подросшими птенцами снова собираются в зоопарке. Московская популяция огарей — потомки птиц, завезенных в Москву более 50 лет назад.

Утка размером с крякву, но с очень длинной шеей и заостренным шиловидным хвостом называется шилохвость. У самца коричневая голова и белая шея, самка бурая. Зимой в Москве отмечена дважды.

На незамерзающих участках прудов юга столицы можно встретить чирков-свистунков — мелких уток, почти вдвое мельче кряквы. Самцы очень красивы — с каштаново-красной головой и зелеными «косичками». Маловероятна, но возможна встреча с серой уткой или серухой — она похожа на самку кряк-

вы, но светлее и с белым «зеркалом» на крыле. Самец и самка окрашены одинаково.

Все описанные утки — настоящие или речные, раньше охотники называли их еще «благородными». На воде они сидят неглубоко и легко с нее взлетают. Но попадают на водоемах Москвы и нырковые утки — плотные, с глубокой посадкой, когда вся задняя часть тела скрыта под водой. Они часто и охотно ныряют, а при взлете сначала должны как следует «разбежаться», прежде чем оторвутся от воды. Поэтому нырковые утки избегают мелких прудиков и узких речек: там нет места для разбега. «Зеркала» на крыле у нырковых уток нет. Очень темная утка с белыми боками и хохолком на затылке — хохлатая чернеть. Серая птица с каштановой головой и светло-серым клювом — красноголовый нырок. Утка заметно мельче кряквы, с очень яркой черно-белой окраской и хорошо заметным круглым белым пятном у клюва, с желтыми глазами — гоголь. В природе гоголи живут на лесных озерах, а в городе — на прудах зоопарка, где для них вывешивают специальные гнездовья, заменяющие естественные дупла, в которых они гнездятся в природе. Сотрудники зоопарка установили, что половина гоголей, живущих на прудах, ежегодно обновляется, то есть поддерживается активный обмен городской группы и природной популяции. Концентрируясь в зоопарке, гоголи посещают и другие водоемы Москвы, возле которых есть старые деревья. Ежегодно здесь появляется несколько выводков. В Московской же области гоголь — очень редкая птица.

На одном пруду Москвы появилась в 1984 году водоплавающая птица, совершенно не похожая на утку. Когда плывет по воде, то дергает головой, как голубь. Сама черная, в хвостовом оперении просвечивает белое. Близко подойти к ней невозможно — прячется. Меня неоднократно спрашивали, что это за птица.

Только две наших птицы, когда плывут, покачивают головой в такт движениям ног, словно кланяются. Это представители отряда пастушковых — лысуха и камышница. Обе почти черные, лысуха крупнее, с небольшую утку, у нее издали заметна белая «лысина» на лбу, за которую она и получила свое название. У камышницы клюв и небольшое пространство вокруг него — красные. Но главное отличие этих двух птиц — хвост. Лысуха держит его, опустив в воду, как чомга или нырковая утка, а у камышницы он торчит прямо вверх. Заметны у нее и длинные белые нижние кроющие перья хво-

ста. Неизвестная птица на московском пруду была, следовательно, камышницей или водяной курочкой, ее латинское название в переводе на русский — «зеленоногая курочка».

В Московской области камышница — довольно редкая птица, она многочисленнее в более южных районах. Однако в самой Москве в конце 1970-х — начале 1980-х годов камышниц встречали, и даже с выводками, на Люблинских полях орошения, в Кузьминках, по рекам Лихоборке и Сетуни. Камышница — в меньшей степени водоплавающая птица, чем лысуха, у нее нет даже перепонки или лопастей на пальцах. Ноги длинные, зеленого цвета, и кажется, из всех наших птиц эта — почти что самая длинноногая.

Питаются птицы и птенцов выкармливают преимущественно всевозможными водяными и наземными насекомыми и их личинками, пауками, моллюсками — чаще прудовиками и катушками. Птенцов они выводят дважды за лето, первые кладки появляются в апреле-мае, вторые — в середине июня-июле. Небольшие пруды, озера заселяет только одна пара камышниц, на больших водоемах они гнездятся за сотню метров пара от пары.

В природе камышница — очень осторожная и скрытная птица. Но выкормленная и воспитанная в неволе, она отличается удивительной для птицы доверчивостью и привязанностью к хозяину — человеку.

Болотная курочка-камышница одинаково хорошо плавает и бежит по мелководью и листьям плавающих растений. Ее близкий родственник — коростель — обитает не на водоемах, а в траве сырых луговин, сохранившихся в поймах малых рек и по берегам прудов. На глаза он никогда не показывается, но выдает себя громким весенним криком, напоминающим двусложный резкий скрип: «Крэк-крэк!» Самый редкий представитель пастушковых в Москве — погоньш. Возможно, он останавливается здесь только на весеннем пролете. Увидеть его, как и коростеля, практически невозможно. Но из густой травы и зарослей ивняка по берегам какой-нибудь речушки доносится весной его громкий односложный призыв, похожий на свист бича: «Уить!... уить!...»

Еще одна водоплавающая птица, не имеющая отношения к уткам, — чомга, или большая поганка. Называют ее еще нырцом за феноменальные способности к нырянию. Никакая птица, пожалуй, так часто и надолго не исчезает под водой, как эта смешная остроклювая птица поменьше утки, с рыжим капошончиком на голове и

двумя пучками перьев — «рожками». Туловище птицы, и вправду слегка напоминающей «поганку-гриб», над водой почти не видно, торчит только головка-шляпка на тонкой шее. Стоит опустить голову под воду, и нет чомги — исчезла. Несколько раз на Москве-реке в черте города видели птицу с гуся величиной, черную с белыми полосками, с острым мощным клювом — чернозобую гагару. Она хоть и большого роста, а над водой почти не видна — торчит только голова и шея, да немного плечи, остальное под водой. Когда-то гагары гнездились в Подмосковье, а сейчас встречаются только на пролете.

Оценивая результаты учетов, можно сказать, что дикие утки чувствуют себя в городских условиях совсем не плохо. Об этом говорит рост их численности, освоение ими новых водоемов, а главное — увеличение количества размножающихся птиц. В теплые зимы в городе остается больше птиц, чем в холодные, но все они выглядят здоровыми, гибели уток ни разу не отмечено.

До двадцати пяти тысяч крякв зимовали ежегодно на водоемах Большой Москвы¹ в 1980—1990-х годах. Жители окрестных микрорайонов, как правило, берегут эти места, кстати, не столь уж многочисленные, многие приезжают сюда специально, часто с детьми. Раздолье здесь и для фотолюбителей. Однако за последнее время в Москве исчезло множество речек и прудов, а те, что остались, сильно загрязнены. Таковы многие участки Раменки, Лихоборки, Сетуни и других рек. Бывшие живописные долины и поймы в считанные месяцы превращаются в однообразные кварталы жилой застройки.

Одно из неперемennых условий успешной охраны животного мира — охрана мест обитания животных. Не будет в Москве малых водоемов — не будет и фауны, которая скрашивает однообразие городского ландшафта, отвлекает от повседневной суеты, напоминает о том, что рядом с человеком живут и его соседи по планете.

Речки и ручьи — каналы, по которым природа проникает в город. Уничтожая их, мы перекрываем эти пути, такие ненадежные и уязвимые.

---

¹ В конце 90-х годов численность крякв сократилась до 8—9 тысяч птиц.

ЧАЙКИ НАД МОСКВОЙ-РЕКОЙ

Ну а что такое счастье?
Счастье — это крики чаек,
Счастье — это мир весенний,
Мир — на тысячу дорог!

К. Авилова

Чайки возвращаются в Москву с зимовок всегда почти в одно и то же время. Каждый год в начале апреля носятся они под низкими тучами над просыпающейся Москвой-рекой, над белыми еще склонами Воробьевых гор, над потемневшими весенними полями.

Чайки — одни из самых популярных птиц. Море, солнце, синее небо да ветер в лицо — наверное, именно эти ассоциации вызывает у нас упоминание о белых птицах-странниках, провожающих в дальние плаванья корабли, несущих морякам радостную весть о близости суши, символизирующих весну на далеком Севере. На значках и открытках, марках и плакатах путешествуют по свету чайки, воспетые в сотнях песен и стихов. Первая женщина-космонавт Валентина Терешкова своим космическим псевдонимом выбрала чайку. У жителей Вьетнама есть обычай: подкармливать в весенние дни чаек рисом, так же, как у нас принято подкармливать голубей хлебными крошками. Действительно, не только во Вьетнаме, где чайки зимуют, но во многих европейских странах и в странах Балтии чайки становятся обычными городскими птицами.

Присмотримся к нашим московским чайкам. Оказывается, они белые только издали. Концы длинных маховых перьев в крыле у них черные, а спина и верх крыльев совершенно особенного синевато-сизого оттенка, который так и называется «чаячий голубой». В Москве обычны два вида чаек: озерные — ростом с голубя, с шоколадно-коричневой головой и сизые — размером покрупнее, белоголовые. В последние годы в черте города зимует также более двух сотен крупных серебристых чаек.

Все чайки — колониальные птицы, гнездящиеся большими группами-колониями, часто по несколько тысяч пар. Это особенно типично для озерных чаек. Вместе легче вовремя заметить опасность и прогнать врага. Самая крупная подмосковная колония, насчитывающая до 16 тысяч гнезд, находилась близ города Лобня на зарастающем озере Киёво. Колония была объявлена памятником природы, а жите-

ли Лобни берегли ее как достопримечательность своего города. Но после того, как озеро окончательно заросло, чайки перестали на нем гнездиться. Вокруг Москвы разбросано около 20 небольших колоний, из которых чайки летают кормиться порой за десятки километров, в том числе и в город. А сами колонии расположены на озерах и старых карьерах, прудах и старицах рек. Часто они занимают окраины прудов, в которых разводят рыбу. Здесь можно встретить редкую малую чайку с черным низом крыльев, речную и черную крачек — птиц, похожих одновременно на чаек и ласточек из-за длинных крыльев и вильчатого хвоста.

К сожалению, с незапамятных времен приклеили чайкам ярлык «вредных рыбадных птиц», поедающих ценную рыбу. Орнитологические исследования неоднократно опровергали эти представления. Вред чаек часто раздувается искусственно — таково было мнение орнитологов.

Что же можно сказать в оправдание чаек? Ранней весной, как показали исследования, чайки ловят не рыбу, а часто грызунов, выгнанных из подземных нор тальми водами, собирают отбросы на свалках, червей и личинок насекомых на полях. Каждый видел, как во время пахоты за трактором вместе с грачами следует облако белых чаек. В летнее время чайки охотно ловят насекомых, в том числе весьма нежелательных на полях, — шелкоунов, кузнечиков, кобылок, а в лесных посадках — майских хрущей. В прудах и озерах они вылавливают личинок стрекоз, плавунцов, которые сами не прочь поживиться мальками рыб.

В американском городе Солт-Лейк-Сити стоит единственный в мире памятник чайкам. Чайка изображена и на гербе штата Юта. Легенда рассказывает о том, как при заселении европейцами американского континента на поля переселенцев напали полчища саранчи, грозившие гибелью урожаю и людям. Но вслед за саранчой появились стаи чаек, уничтожившие насекомых в считанные дни. Благодарные переселенцы поставили памятник птицам-спасительницам.

Важно и то, что вблизи колоний чаек вода постоянно удобряется пометом птиц. Содержание фосфатов и нитратов в ней повышается иногда в 100 раз, вызывая бурное развитие микроскопических водорослей и мелких рачков — основной пищи молодежи рыб.

Под защитой шумной колонии чаек гнездится множество одиночных птиц: уток, лысух, куликов, в чьей сохранности человек

особенно заинтересован. В отсутствие же таких активных «покровителей», как чайки, более половины их гнезд обречено на разорение воронами. После прилета чаек вороны и галки, бывшие зимой полновластными хозяевами территории, вынуждены отступить на ее окраины, под прикрытые строения и больших деревьев. Лишь изредка совершают они осторожные вылазки на открытое место, держась поближе к земле. Но это редко проходит незамеченным: чайки преследуют ворон в одиночку и группами, пока не выдворят с территории. К началу гнездования колония бывает полностью очищена от ворон, которые не появляются там до осени.

Еще в начале столетия в Европейской России колонии чаек были редкостью, а имеющиеся не отличались многочисленностью. Увеличение их числа произошло в середине столетия, а расширяющаяся урбанизация приблизила их вплотную к растущим городам. Существование поселений птиц в городском окружении — одна из примет и достопримечательностей нашего времени.

Чайки возвращаются в колонию в конце марта, когда земля еще частично покрыта льдом. В дневное время они заняты поисками корма на окрестных полях и собираются вместе в основном под вечер. В это время птицы еще не разбились на пары и часто образуют на замерзшей поверхности водоемов так называемые клубы — группы из нескольких особей, предпочитающих держаться рядом. В начале апреля птицы разбиваются на пары и начинают подыскивать участки для будущих гнезд. Этот процесс сопровождается шумными столкновениями претендентов на лучшие, оттаявшие участки; одновременно самцы ухаживают за самками, принимая характерные демонстративные позы. Шум и суeta в колонии многократно возрастают. В промежутках между ухаживаниями и драками члены пары подхватывают сухие стебельки болотной растительности и укладывают на место будущего гнезда. По мере обнажения территории ото льда на ней сразу же появляются гнезда. Каждый день их число возрастает. В первую очередь птицы сооружают их на прошлогодних кочках и заламах сухого рогоза, растущего по окраинам площадок, а затем уже — на открытых местах. Самые мокрые участки заселяются в последнюю очередь.

Гнезда различаются в зависимости от того, на каком месте они построены. Высокие конусовидные прочные гнезда обычны на мокрых участках, плоские и примитивные — на сухих, которым не грозит промокание. Постройка гнезд сильно растянута. Некоторые

птицы достраивают их даже в мае, когда у соседа уже вылупились птенцы. Чайки строят гнезда из тех растений, которые растут поблизости, но иногда приносят издалека самые неожиданные предметы, например, осколки фарфора, как это делают врановые, особенно сороки.

В апреле в гнездах появляются яйца. Яйца чаек отличаются сильной изменчивостью окраски. Они могут быть от светло-бежевых до темно-коричневых, а кроме того — оливковые, зеленоватые, сероватые, голубые. На скорлупе разбросаны поверхностные и глубокие пятна, то занимающие всю поверхность, то сосредоточенные у тупого конца яйца. Неоплодотворенные яйца — «болтуны» — чайки выбрасывают из гнезд.

После появления первого яйца начинается насиживание, но самка еще, как говорят охотники, «не рассиделась» и часто покидает гнездо. Когда отложены все три яйца, она сидит уже более плотно, и все же после вылупления можно бывает отличить старшего птенца от его младших братьев. Насиживание продолжается от 19 до 25 дней. Во время насиживания в колонии относительно тихо, так как самки привязаны к своим гнездам, а самцы заняты поисками корма, который приносят самкам в пищеводе и отрыгивают около гнезда. Кормление не обходится без ссор с соседями, которые делают попытки перехватить часть пищи. Появление хищников в этот период вызывает дружную коллективную реакцию большинства членов колонии. Активный отпор в состоянии заставить отступить даже такую сильную птицу, как ястреб-тетеревятник.

Самка покидает гнездо днем и очень ненадолго. На это время ее сменяет самец. При отсутствии птиц на гнезде высокая температура в нем сохраняется за счет процесса гниения влажного гнездового материала.

В Москве первые птенцы появляются в колонии уже в начале мая, хотя массовый вывод идет на несколько дней позже. После вылупления птенцы обсыхают примерно два часа, и тогда определяется их окраска: грязно-желтая с черными пестринами — типичное «маскировочное» сочетание цветов. Окраска разных птенцов несколько варьирует. Процесс смены первого, пухового, наряда на перьевой начинается с крыльев, на которых зачатки перьев различимы уже на 3—4 день жизни. Это «пеньки» — трубочки, которые потом развернутся в настоящие перья. Однако их развертывание начинается не с крыльев, а с плеч, груди, спины. Длинные маховые

перья разворачиваются последними, через полтора месяца после выплывания. Спустя еще три недели у птенцов начинается функционировать копчиковая железа, выделяющая секрет, защищающий перо от намокания, до этого пребывание в воде грозит им переохлаждением. Таким образом, с трехнедельного возраста птенцы начинают охотно плавать, а в полторамесячном — летать. Подросшие птенцы покидают гнезда, группами или в одиночку бегают по колонии. Родители безошибочно определяют своих птенцов и кормят только их; чужих они стараются ударить по голове клювом и даже убивают. На этой почве между родителями часто происходят ожесточенные драки. Поэтому в период выкармливания птенцов обстановка в колонии особенно напряженная, птицы крикливы и нападают на каждого, кто появляется поблизости.

Чайки кормят молодых четыре-пять раз в день, сначала из клюва в клюв, а вскоре просто отрывая корм на край гнезда или на землю, откуда птенцы подбирают его сами. Ночь птенцы проводят сначала с обоими родителями, а затем только с самкой. Самец тогда ночует поодаль. Постепенно прилеты родителей становятся все более редкими и птенцы в поисках корма все дальше уходят от гнезда. Первыми прекращают кормить молодых самцы.

Уже в июле самцы группами улетают на отдаленные водоемы и больше не возвращаются в колонию. Затем ее покидают и самки. Молодые птицы, научившиеся к тому времени самостоятельно кормиться, небольшими группами путешествуют по окрестностям, первое время ночуя в привычном месте. Затем кочевки становятся более длительными и переходят в осеннюю миграцию.

Молодые птицы, остающиеся в конце лета в колонии без родителей, питаются тем, что могут найти поблизости: планктоном, моллюсками, водными насекомыми и их личинками. Только во время осенних и зимних кочевок, далеко от мест гнездования, рыба начинает играть существенную роль в рационе чаек. А для птиц, оставшихся зимовать в Москве, существенным подспорьем в холодное время года стали городские и пригородные свалки, которые они посещают вместе с галками и воронами. Да и в другое время многие чайки охотно используют этот легкодоступный источник корма. Переход на питание отбросами — одно из следствий приспособления животных к городской среде обитания.

Чайки в гнездовой период не только зависят от характера растительности, но и изменяют ее состав, ускоряют процесс смены расти-

тельных ассоциаций. Во-первых, это происходит благодаря удобрению почвы пометом и трупами птиц, которых немало погибает ежегодно в колонии, разбитыми и неоплодотворенными яйцами, остатками корма. Только помета птенцов в шеститысячной колонии за гнездовой период накапливается, по примерным подсчетам, более 100 тонн. Во-вторых, вместе с порциями корма птицы приносят в колонию немало земли, которая, смешиваясь с субстратом и материалом гнезд, создает новую, более плотную поверхность. За сезон в той же колонии ее накапливается более 12 тонн.

Плотное и компактное поселение озерных чаек имеет ключевое значение для организации всего многовидового сообщества околоводных птиц и служит неременным условием его длительного устойчивого существования.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Берлепи Г.* Всеобщая защита птиц, ее основы и выполнение. — СПб., 1900. — 92 с.
- Благосклонов К. Н.* О значении дупел дятлов в лесном хозяйстве // Сб. науч. студ. работ. Зоология. — М., 1939. — Вып. 9. — С. 68—82.
- Благосклонов К. Н.* Охрана и привлечение птиц. — Изд. 5-е. — М.: Просвещение, 1972. — 240 с.
- Благосклонов К. Н.* Птицы: друзья и любимцы. (*В печати*)
- Благосклонов К. Н., Иноземцев А. А., Тихомиров В. Н.* Охрана природы. — М.: Высш. школа, 1967. — 442 с.
- Колоярцев М. В.* Ласточки. Жизнь наших зверей и птиц. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — 245 с.
- Птушенко Е. С., Иноземцев А. А.* Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. — 461 с.
- Рулье К. Ф.* Куда девалась городская ласточка? // Отечественные записки. — 1850. — Т. 71, № 7.
- Формозов А. Н., Осмоловская В. И., Благосклонов К. Н.* Птицы и вредители леса. — М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1950. — 182 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ДАВАЙТЕ УЧИТЬСЯ У ПРИРОДЫ!	9
РАБОТАТЬ ДЛЯ НАУКИ, ПИСАТЬ ДЛЯ НАРОДА	12
ЧАСТЬ I	
К. Н. Благосклонов. СИНИЦА НА БАЛКОНЕ.....	17
Город глазами эколога.....	19
Птицы большого города.....	26
Воробей воробью рознь.....	31
Возвращение ворона.....	33
Синица на балконе	36
Соловей с Потылихи.....	40
О чем поют зяблики?	43
Мухоловы	44
Птицы-небожители	46
Кольчатая горлица	51
Неясыть и ее родственники.....	55
Сколько уток в Москве?	58
Ночные охотники.....	61
Пернатые зимовщики	64
Грач — птица весенняя	71
Кто изобрел скворечник?	74
Был ли лес на Лесной улице?.....	79
Оставьте рощи соловьям.....	80
Бетон и белая кувшинка	84
Цвести лугам в Москве.....	87
Полезное? Вредное? Нет, живое!	90

ЧАСТЬ II

К. В. Авилова. МАЛЕНЬКАЯ СТРАНА	95
Горожане поневоле	97
Чем отличается фауна самых больших городов России?	104
Маленькая страна	111
Пернатые соседи	115
Зеленые коридоры Москвы	119
В долине реки Серебрянки	128
Кузьминки — кусочек Мещеры	137
Симфония весны	144
Где повесить скворечник?	148
Голоса зимы	150
По белой тропе	158
Корзина для подснежников	164
Утки нарушают традицию	168
Чайки над Москвой-рекой	174
СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	181

Константин Николаевич БЛАГОСКЛОНОВ
Ксения Всеволодовна АВИЛОВА

ГОРОД И ПРИРОДА

Серия «Охрана живой природы»
Выпуск 1 (12) за 2002 г.

Редактор канд. биол. наук *О. В. Юрцева*
Корректор *Р. Д. Зеничева*
Компьютерная верстка *Н. Н. Мецзяковой*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Издательская лицензия ИД № 00421 от 10.11.1999 г.
Подписано в печать 26.06.2002 г. Формат 60 x 84 1/16.
Гарнитура «Петербург». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 12,8. Усл. печ. л. 10,9. Тираж 1000 экз. Заказ 281.

Центр охраны дикой природы.
117312, Москва, ул. Вавилова, д. 41, офис 2.
Тел.: (499) 124-71-78.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Сервис».
390039, г. Рязань, ул. Интернациональная, д. 1г.
Тел.: (0912) 27-87-02.